

The background of the cover is a classical painting. It depicts a large, gnarled tree with a thick trunk and many bare, reaching branches. A few small birds are perched on the branches. To the left, there are some trees with yellow and orange autumn leaves. The sky is a pale, hazy blue. The entire painting has a visible crackle pattern, suggesting it is a reproduction of an old work.

Александр Мишкин

ANAMNESIS

Том 2

Александр Мишкин

Anamnesis. Том 2

«Издательские решения»

Мишкин А.

Anamnesis. Том 2 / А. Мишкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749722-4

Трилогия о невероятных приключениях доктора Пал Палыча Светина.
События порой забавные, порой страшные, но всегда — завораживающие
своим переплетением миров, времён и человеческих судеб.

ISBN 978-5-44-749722-4

© Мишкин А.
© Издательские решения

Содержание

Anamnesis vitae	6
Пролог	6
Часть первая	7
Часть вторая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Anamnesis
Том 2
Александр Мишкин

© Александр Мишкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Anamnesis vitae **(История жизни)**

Пролог

Я танцую в ночном дожде. Мне нравится, как крупные капли пролетают сквозь меня, слегка щекоча прозрачное тело. Мне нравится рассекать крыльями тугие струи, стремительно проносясь сквозь них над самой землёй. И взмывать вверх, к плачущим тучам, нанизывая себя на нити дождя, будто огромную бусину.

Мне полюбилось это занятие недавно. Однажды, во время полёта к моему Человеку, меня настиг дождь. И случилось невероятное: впервые мне пришлось отвлечься от цели, отдавшись нахлынувшему, неведомому прежде наслаждению.

Ненадолго, на какой-то миг, но – отвлечься. А это противоречит всем правилам Хранителей. И никогда прежде ни с кем из нас не случалось. Кроме меня.

С того времени я часто ищу дождь. Именно такой, как сейчас: ночной, сильный, с крупными, крепкими каплями. И, когда нахожусь, лечу туда, чтобы танцевать с ним.

Вот и теперь: полностью отдавшись танцу, моё сознание пропустило первые сигналы опасности. И спохватилось лишь тогда, когда мой Человек уже стал уходить.

Вслед за сознанием, к гибнущему Хранимому устремилось и моё тело. Размазавшись в небе длинным прозрачным сгустком, оно мчалось на помощь, заставляя тоскливо выть чутких к нам собак в городах и деревнях, мелькающих под крыльями.

Уже на подлёте меня настигло понимание того, что – не успеть.

Спикировав с высоты, обнимаю крыльями лежащее на земле окровавленное тело, укрывая моего Человека от опасности. Поздно. В нём нет больше жизни. А вернее, двух жизней: одна так и не успела родиться.

Мне не хватило всего нескольких мгновений, чтобы отвести смертельный удар. Случилось неслыханное: Хранитель оставил в беде своего Человека. Такое не прощается.

Погладив напоследок крылом успокоившееся лицо ушедшей, я взмываю вверх, к звёздам. И в тоске парю кругами под ними, смиренно ожидая наказания.

Вот и оно: мои крылья тают. Растворяются в воздухе, будто тонкий весенний лёд в воде под тёплыми лучами. Миг, другой – и исчезли совсем.

С высоты я падаю к земле. Тицетно пытаюсь раскрыть несуществующие крылья, чтобы наполнить их ветром и вновь взмыть в вышину. Земля всё ближе, ближе... Кричу в отчаянии, но крик мой тихий. Только собаки слышат Хранителей.

Земля и темнота встречают меня...

Часть первая

Гиблое место

7 сентября 1987 года, понедельник, посёлок Ноябрьский, 11—15.

Я остановился перед главным входом в больницу и скептически окинул взглядом кирпичное пятиэтажное здание. Судя по всему, строили его ещё при ком-то из Рюриковичей. С того же времени и ремонт не делали.

Ноябрьская районная больница не производила впечатления фабрики здоровья. Скорее, наоборот: мрачноватое красно – коричневое здание напоминало то ли психиатрическую лечебницу для буйных, то ли тюрьму для особо опасных рецидивистов. Сходство с последней особенно усиливали решётки на окнах, бесхитростно сваренные из арматуры и выкрашенные в жизнерадостный голубенький цвет.

Я тяжело вздохнул: в этом застенке мне предстоит провести целых два месяца. За что, спрашивается?!

Уж не знаю, чья это была идея: направить нас, молодых врачей – интернов из Нероградской областной больницы, в глубинку. Усилить, так сказать, сельское здравоохранение в районах области. Аж на целых два месяца. Подозреваю, что сия гениальная мысль посетила кого-то из облздоровских деятелей либо в горячечном бреду, либо в момент тяжёлой абстинентной депрессии на выходе из запоя. Когда очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими неопи-суемыми ощущениями.

И вот я, свежееиспечённый доктор Светин, протрясшись три часа в древнем «Икарусе», вывалился из него в аккурат у ворот Ноябрьской ЦРБ. Сиречь – центральной районной больницы, куда мне и предписано явиться пред светлы очи местного главврача.

Вздохнув ещё раз, я подхватил с земли сумку, взвалил её на плечо и направился к крыльцу.

Внутри больница оказалась значительно приятнее. Здесь, по крайней мере, не доминировала жутковатая красно – коричневая гамма. Всё было вполне пристойно: светленько, чистенько, тихонько. И даже неистребимые запахи приёмного отделения не слишком шибали в нос. Всего-то слегка наворачивали слезу, почти не вызывая удушья и рвотных позывов.

– Простите, не подскажете... – начал было я, наткнувшись на выплывшую из смотровой дородную даму в белом халате и накрахмаленном эрегированном колпаке.

– Сначала – сюда, сдадите кровь и мочу. Потом – туда, сдадите одежду и вещи, – не глядя, ткнула она пальцем в двери, – Потом – вон туда: получите больничную пижаму. Вши есть?

– Да нет, – оторопело пробормотал я, пытаюсь сообразить, каким образом, сдав одежду в одном конце длинного коридора, получить казённое обмундирование в другом. Голышом бежать, что ли? Простые нравы!

– Так да или нет? – ледяным тоном уточнила дама, хищно вглядываясь в мою шевелюру.

– Никак нет! – категорически заявил я, едва удержавшись, чтобы не добавить «Ваше благородие».

– Значит, брить не будем! – огорчилась она.

– Да я, собственно, не больной... – предпринял я вторую попытку объясниться.

– Донор?! – обрадовалась дама и цепко ухватила меня за правый локоть, – Вены хорошие, чудненько! Желтухой, сифилисом не болели?

В её голосе звучала такая надежда, что мне стало неловко:

– Никак нет! – уже привычно открестился я.

– Отлично! Сдавать будете двести или четыреста? Предлагаю четыреста, чтобы лишний раз не ходить, – она заметно оживилась и почти приплясывала в нетерпении.

– Литр! – я начал торговаться.

– Чего литр? – дама явно озадачилась.

– Литр возьмёте? Чтобы уж совсем потом не приходиться. Никогда, – уточнил я.

Она подумала немного:

– Нет, литр не возьмём. У нас такой тары нет.

Поняв, что переговоры зашли в тупик, я решил начать сызнова:

– Видите ли, я – врач...

– Так что же вы сразу-то не сказали?! – всплеснула дама полными ручками, – для врачей-то мы всегда расстараяемся! Возьмём мы у вас литр, возьмём, раз такое дело! Это же получается...

Она загнула несколько пальцев и радостно продолжила:

– Получается два флакона по четыреста и один – по двести! Идёмте, к главному зайдём за справочками, и – на сдачу! – радуясь, будто голодный упырь, отловивший на ужин упитанную селянку, она потащила меня за собой.

Сообразив, что алчущая моей крови особа тащит меня к главврачу, я смирился и покорно последовал за ней. Собственно, я и хотел-то узнать, где найти местное начальство.

Начальство озадаченно перебирало кипу бумаг, бормоча что-то себе под нос. На его голове красовался такой же накрахмаленный колпак, как и у моей провожатой. И столь же устрашающих размеров.

– Александр Иванович, я донора привела! – гордо заявила дама, – Хочет литр сдать. Врач, говорит.

Главный оторвался от своих бумажек и с неподдельным интересом воззрился на меня:

– Литр? А наберётся столько-то? Худоват, бледноват...

– Наберётся, наберётся! – поспешила она его успокоить, – Положим, ноги поднимем... потихоньку и натечёт!

Поняв, что пора прекращать балаган, пока из меня и в самом деле не откачали литр крови, я шагнул вперёд:

– Александр Иванович, произошло небольшое недоразумение! Я и в самом деле – врач, но не донор. Я...

– Так одно другому не мешает! – мудро заметило начальство.

Я кивнул:

– Согласен. Но я прибыл сюда не как донор, а по направлению облздравотдела. Вот! – и протянул главврачу командировочное удостоверение с направлением.

Тот разом поскуучнел и вздохнул:

– Ну давайте, посмотрим, что у вас там. Зинаида Петровна, можете идти. Это не донор, а всего лишь доктор.

Дама в колпаке смерила меня взглядом, исполненным глубочайшего разочарования, и царственно удалилась.

А главный, внимательно изучив мои бумаги, сдвинул колпак на правое ухо, откинулся в кресле и уставился на меня взглядом опытного работяги:

– Ну-с, Пал Палыч, и что мне прикажете с вами делать?

Я пожал плечами:

– В направлении написано, что...

– Да мне по, что там написано! – разоткровенничался мой собеседник, – У меня тут своих штатных врачей девать некуда, а они ещё интернов присылают! Вы кто по специальности?

– Терапевт. Буду специализироваться по кардиореанимации! – гордо заявил я.

– Терапевт, значит! Какая редкая профессия! – ехидно заметило начальство, – Да ещё и будущий кардиолог!

– Кардиореаниматолог! – поправил я его.

– О да, тем более! А знаете, что?

– Нет, – признался я.

– А езжайте-ка вы в Кобельки! – предложил вдруг главный.

– Зачем? – я оторопел.

– Там есть участковая больница, – пояснил он.

– И что?

– Двадцать коек плюс амбулатория! – начало интриговать начальство.

Я непонимающе смотрел на него.

– Два фельдшера, акушерка, служебная машина. С водителем! – главврач продолжал взахлёб расписывать прелести неведомой мне участковой больницы.

– Это замечательно, но при чём тут я?

– А при том, голубчик, что все эти сокровища пылятся в глуши без хозяина. Главного врача там нет. Вот уж пятый год! – сокрушённо пояснило начальство.

Я начал кое-что понимать:

– И вы хотите сказать, что...

– ... Что, в силу, так сказать, производственной необходимости, я направляю вас в вышеупомянутую больницу временно исполняющим обязанности главного врача. С наделением всеми соответствующими полномочиями! – торжественно провозгласил босс и принялся писать что-то в моём направлении.

Я оцепенел:

– Но позвольте, я...

– Не позволю, милейший Пал Палыч, не позволю! В направлении чёрным по белому написано, что вы поступаете в моё полное распоряжение сроком на два месяца. Вот я и распорядился! – главный размашисто расписался и шлёпнул на бумажку печать, – Итак, с этой минуты вы официально приступили к исполнению обязанностей. Сейчас я скомандую насчёт машины, а вы пока посидите в коридорчике, хорошо? Дела, знаете ли, дела!

Растерянно взяв со стола свои бумаги, я направился было к выходу.

– Минуточку, Пал Палыч! – главврач резво вскочил, обежал стол и оказался рядом со мной. Ростом он был мне по грудь. Но вместе с колпаком – выше меня.

– Поздравляю вас с началом трудовой деятельности, коллега, желаю успехов! – он торжественно потряс мне руку, усеменя на своё место и вновь зарылся в бумаги.

Аудиенция была окончена. Я вышел в коридор и уселся там на стульчик, пытаюсь осознать случившееся. Оно упорно не осознавалось.

Я, молодой врач, двадцати трёх лет от роду, только что окончил (с отличием!) славный Нероградский медицинский институт. Попал в интернатуру в областную больницу. Направлен в двухмесячную командировку в Ноябрьскую ЦРБ нюхнуть, что называется, порошу. Пока всё понятно и не страшно.

Кошмар начнётся через пару часов. Меня, сопливого лекаря с никаким опытом, отправляют руководить сельской участковой больницей. Туда, где в радиусе нескольких десятков километров я буду единственным врачом. При одной лишь мысли о том, с чем мне придётся столкнуться, в животе начиналось неприятное томление – явный предвестник медвежьей болезни.

– Ну-с, доктор Светин, начинается взрослая жизнь... – уныло пробормотал я и заозирался в поисках удобств.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 11—32.

Нина помахала рукой вслед удаляющейся попутке и осторожно спустилась с насыпи. Прошагав несколько десятков шагов по раскалённой степи, женщина углубилась в чахлую лесополосу. И с облегчением вздохнула: идти в тени было куда легче. Правда, приходилось смотреть под ноги: из утоптанной тропинки там и сям вылезали затейливо – скрюченные корни, так и норовя зацепиться за ногу. Ну, да это пустяки в сравнении с путешествием по солнцепёку: тут и обычный человек зажарится, а уж в её-то положении протопать под солнцем три километра до родительских Кобельков – задача не из простых.

Словно соглашаясь с матерью, в животе заёрзал Лёшка. И нетерпеливо пнул куда-то в печень: иди, дескать, не задерживай, обедать пора!

Нина охнула и улыбнулась: в свои восемь месяцев сын отличался завидной резвостью. Даже докторица удивлялась, когда УЗИ делала: мол, егоза он у вас, мамочка, ни секунды на месте не лежит! Хорошо хоть, дал рассмотреть своё мальчишеское хозяйство. С того времени и превратился из безымянного плода в Лёшку.

Она как—то сразу решила, что если мальчишка, то – Лёшка. В честь отца, стало быть. И плевать, что отец о сыне ничего не знает и не узнает никогда (уж она-то об этом позаботится!) Главное – осталось у неё живое напоминание о том коротком, трёхмесячном счастливом безумии: нахлынувшем, будто шальная волна в тихом море, закрутившем, завертевшем... да и швырнувшем на прибрежный песок её, совершенно обессиленную, опустошённую... и недоумевающую.

Собственно, она до сих пор так и не поняла, что же это с ней было такое... но точно знает: прежде ничего подобного не испытывала и вряд ли, наверное, ещё когда-то испытает. И ладно: не нужны ей эти потрясения: чай, не девочка давно... Любовь – морковь и прочие сопли – это всё для подростков. Жизнь должна идти по плану, иначе – теряешь себя.

Очередного мужа в её планах не было... А вот ребёнок – был.

Нина зябко передёрнула плечами, вспомнив, как посмотрел на неё Алексей, когда она заявила, что уходит. Что-то было такое в том взгляде... отчего она до сих пор иногда чувствует себя убийцей.

Женщина потрясла головой, отгоняя ненужные мысли и ускорила шаг. Плевать. Главное: она сохранила свою независимость, свою собственную, годами выстраиваемую жизнь... и получила Лёшку. А муж – это, знаете ли, для энергичной современной женщины придаток вовсе необязательный, даже лишний. Да и вредный: никакой, понимаешь, личной жизни...

Нина усмехнулась и прислушалась к тому, что происходило в её животе. Лёшка затаился, словно обдумывая материнские мысли. Ну, отдыхай, малыш, отдыхай: всё-таки, несколько часов трясись по жаре из Нерограда, да и впереди ещё почти час пешком... Ей и самой не мешало бы дух перевести.

Впереди блеснула вода. Озеро. Небольшое, но с прозрачной, чистейшей водой. И очень, очень холодной: тут со дна ключи бьют. Собственно, озеро так и называется: Ключевое.

Женщина улыбнулась в предвкушении: искупаться, конечно, не получится – вода ледяная, тут же судорогой всё сведёт. А вот умыться разгорячённое лицо родниковой водой, да напиться от души – это в самый раз. Эх, жаль живот не позволяет добежать до берега, как бывало в детстве... приходится вот так: степенно, вразвалочку, как и полагается будущей мамаше.

Она разулась, сошла с тропинки и напрямик, по траве, направилась к озерцу.

Волосы на затылке будто кто-то взъерошил холодной пятернёй. Нина остановилась и резко оглянулась: ей хорошо было знакомо это ощущение чужого взгляда... недоброго взгляда.

Никого. Никакого движения среди деревьев. Даже листва не колыхнется в полном безветрии.

Женщина постояла минуту, прислушиваясь и всматриваясь в лес. Ошибиться она не могла: слишком часто прежде доводилось ей ощущать спиной и затылком взгляды многочисленных недоброжелателей (чаще, конечно, недоброжелательниц!). Что поделаешь, за природную красоту и успешную карьеру приходится платить!

Но в этот раз, похоже, ошиблась. В затихшем, разморенном от жары лесу людей не наблюдалось. Кроме неё.

Успокоившись, Нина вновь двинулась к озеру. Подойдя к воде, осторожно попробовала её босой ногой: холодная! Женщина оглянулась ещё раз и, убедившись в отсутствии наблюдателей, быстро стянула через голову лёгкий летний сарафан.

Оставшись в одних трусиках, она вошла в воду, поёжилась и сделала несколько шагов вперёд. Ноги до колен тут же потеряли чувствительность: несмотря на жару, вода была просто ледяной. Как в далёком детстве, Нина опустила на колени, опёрлась руками на дно, погрузив разгорячённое лицо в обжигающую воду. И сделала осторожный глоток.

Сразу стало легче. Холодный ком прокатился по горлу и растёкся где-то внутри. Озеро ласково поглаживало мелкими ледяными волнами её выросший живот с притаившимся внутри Лёшкой и пощипывало оказавшиеся в воде соски. Это было неожиданно приятно, даже возбуждающе.

Нина с сожалением оторвалась от воды, чтобы сделать вдох. Солнце тут же мстительно наградило её горячими пощёчинами: лицо высохло моментально. Быстренько набрав побольше воздуха, женщина вновь опустила голову в воду. И открыла глаза.

Каменистое дно просматривалось далеко во все стороны: прозрачность пропитанной солнцем воды была идеальной. Наслаждаясь прохладой, Нина неторопливо ворочала головой, рассматривая небогатый подводный мир лесного озера. Собственно, кроме мелкой округлой гальки, на дне и не было ничего.

Воздух как-то быстро закончился. Всё-таки, наличие увесистого животика сказывается: ни тебе побегать, ни понырять... Улыбнувшись прямо в воде, Нина оттолкнулась руками от донных камней и разогнулась...

Вернее, попыталась разогнуться. Но её затылок встретил неожиданное препятствие: навалившаяся тяжесть пригнула голову ещё ниже, больно ткнув лбом в дно.

Страх пока не было. Было удивление. Нина скосила глаза вправо, влево, пытаясь рассмотреть, что же её держит. Не увидела ничего нового, кроме неясной тени на дне. Была ли она раньше, или нет, женщина вспомнить не успела...

В животе встрепенулся, забился Лёшка. Почувствовав нехватку кислорода, малыш больно замолотил ножками и ручками. Помогло: Нина будто проснулась и рванулась изо всех сил, пытаясь освободиться от неведомой силы.

В ответ голову ещё сильнее вдавило в камни. Правым глазом женщина увидела медленно растекающуюся в воде розовую струйку и поняла, что это – её кровь. Видимо, из рассечёной брови.

Вот тут-то и пришёл страх. Грудь уже разрывало коварное желание вдохнуть, в глазах темнело и мельтешили какие-то цветные пятна. Не в силах оторвать голову от проклятых камней, Нина забилась всем телом, пытаясь освободиться. Вышло ещё хуже: руки и ноги разъехались на скользкой гальке, и женщина распласталась на дне, сильно ударившись животом.

Резкая схваткообразная боль на несколько мгновений заставила Нину забыть об опасности. Низ живота сжался в тугий горячий комок, чуть расслабился, – и опять сжался. Боль часто пульсировала, нарастая и заполняя собой всё сознание.

«Рожаю!» – удивлённо констатировала женщина. Она не знала прежде, как это бывает, но отчего-то сразу поняла, что новая боль – это именно схватки. Только почему-то очень уж частые.

Словно в подтверждение её догадки, живот скрутило так, что лежащую на нём Нину ощутимо подбросило вверх. И тут же внутри будто что-то лопнуло. Вода между ног стала тёплой, почти горячей.

Нина опять попыталась вырваться. Но руки и ноги уже почти не подчинялись ей. Наполненное болью сознание быстро умирало, напоследок балуя хозяйку чередой сменяющихся причудливых видений, звуков и ощущений. Самым ярким из которых было странное чувство, будто Лёшка вылезает из неё, нещадно разрывая ручонками материнское лоно...

А потом всё кончилось.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 13—15.

Древний санитарный УАЗик вдруг со страшным скрежетом свернул с грейдера (это дорога такая, из насыпанного и утрамбованного гравия, чтоб вы знали!), резво скатился вниз по откосу и сбрендившим тушканчиком поскакал по степи.

– Какого... – поинтересовался было я, но на очередной кочке ископаемую машину швырнуло вверх и я влепился теменем в крышу кабины, пребольно прикусив язык.

Рот тут же наполнился кровью. Желание задавать вопросы как-то пропало.

– Спрявим тут, док! – оскалившись в улыбке, проорал Кешка, мой свежееобретённый персональный водитель, – По грейдеру крюк получится, километров двадцать! А мы – прямоком, через лесок, потом полем, бродом... а там уж рукой подать! А чо, машина – зверь! Я в армии на такой по горам знаешь, как скакал? Что твой сайгак! – Кешка громко захохотал, поскрёб пятернёй тельняшку на груди и крутанул руль, объезжая невесть откуда взявшийся в степи валун.

УАЗик послушно встал на два колеса и продолжил путь в таком положении. Навалившись на водилу, оказавшегося внизу, я прохрипел ему в ухо, борясь с тошнотой:

– А давай попробуем поездить на четырёх колёсах! Мне кажется, у тебя получится...

– Фигня вопрос! – легко согласился Кешка и с размаху поставил машину на четыре точки.

Меня швырнуло в пассажирскую дверь. Та с готовностью распахнулась, и я на три четверти организма вылетел из кабины, едва успев уцепиться за дверную раму, стекло в которой, к счастью, отсутствовало.

– Док, ты куда?! По нужде, что ли? – деликатно поинтересовался мой драйвер, вдавливая в пол педаль газа

–! – несколько витиевато объяснил я ему, судорожно цепляясь руками за открытую дверь, а ногами – за сиденье и обречённо наблюдая, как в каком-нибудь полуметре под моей... нижней частью спины с бешеной скоростью проносится неровная и очень твёрдая на вид земля.

– А-а-а! – с пониманием протянул Кешка.

Бросив руль, он наклонился ко мне и одним рывком втянул внутрь:

– Так бы сразу и сказал! Я-то подумал: может, приспичило, выйти решил, – Иннокентий заботливо и усердно принялся отряхивать с меня рыжую дорожную пыль.

– Кеша! – выдохнул я ему в ухо, обретая через какое-то время дар речи.

– Чо, Палыч? – улыбнулся он своей многозубой улыбкой и прозрачными голубыми глазами вопросительно уставился на меня.

– Кто ведёт машину, Кеша? – ласково поинтересовался я.

– Какую машину, док? – озадачился мой собеседник, безуспешно пытаясь избавиться меня от пятна на левой брючине.

– Нашу машину! – тихо и задушевно уточнил я, борясь с острым приступом тошноты и ненормативной лексики.

Водитель, наконец, развернулся в сторону лобового стекла и присвистнул: прямо по курсу был овраг, мало уступающий по размерам Большому Каньону.

– Ох, ё! – констатировал Кешка, вцепился в руль и заложил очередной вираж.

Я уже привычно вылетел в дверь. Машина неслась над обрывом и теперь подо мной оказалась пропасть метров в десять глубиной.

– Док, держись, я сейчас! – проорал шофёр и потянулся было ко мне...

– Держи руль, твою мать! – взвыл я на всю степь, почувствовав, как вильнула машина, – Держи руль и тормози!

Кешка удивлённо взглянул на меня, но послушно убрал ногу с газа, неохотно переместив её на педаль тормоза. Уазик крикнул, клюнул носом и остановился.

Я сполз на землю, нагнулся над оврагом и... впрочем, грубую натуралистическую сцену лучше пропустить.

– Да, Палыч, зря ты в больничную столовку заходил... – участливо сообщил мне Кешка, пристроившись на корточках рядом.

Занятый процессом, я только кивнул и промычал что-то невнятное. Это уж точно, зря. С Кешкой надо ездить натошак и, желательно, под глубоким наркозом. Или в состоянии тяжёлого алкогольного опьянения – чтобы сохранить остатки психического здоровья.

– Далеко ещё? – поинтересовался я, полностью очистившись от всего съеденного за неделю.

– Да ерунда, вёрст пять – шесть, не больше. Сейчас через лесок проедем, мимо озера потом и готово – считай, приехали! – с энтузиазмом, показавшимся мне подозрительным, воскликнул водитель.

– Что-то ты про брод говорил? – вспомнил я.

– А что брод? Там из озера речушка вытекает, крохотная такая. Моста нет, так я брод знаю. Проскочим, даже ног не намочим! – бодро заявил Кешка.

Я тяжело вздохнул. Видимо, в таинственные Кобельки мне предстоит приехать не только очищенным изнутри, но и выстиранным – вымытым снаружи. Ин ладно, слава Богу, плавать я умею, а в такую жару намочнуть даже приятно...

– Поехали! – я поднялся и полез в опротивевшую кабину.

Зациклившись на ключевом слове «брод», я совершенно пропустил мимо ушей упоминание о поездке через лес. А зря.

УАЗик, виляя, нёсся между деревьями, подпрыгивая на многочисленных корнях. Кешка, оскалившись в неподвижной улыбке, паялился в лобовое стекло, лихо уворачивая машину от несущихся навстречу сосен, берёз и прочей поросли (ездить деревья совершенно не умели!)

А я вжался в кресло, вспоминая всё хорошее, что было в моей короткой жизни. И заодно гадал, какое из набегающих деревьев стукнет меня в лоб. Один раз, но сильно.

Просить водителя снизить скорость было бесполезно, это я уже понял: Кешка умел вести машину, только вдавив педаль газа до упора. Что такое тормоз, он представлял весьма смутно. Смирившись с судьбой, я закрыл глаза: одним доктором больше, одним меньше – какая, в сущности, разница!

– А вот и озеро! – радостно проорал Кешка мне в ухо.

Я встрепенулся и поднял веки. Последнее дерево со свистом пронеслось по правому борту – и лес кончился. Прямо перед нами и впрямь оказалось небольшое круглое озерце.

– Ключевое. Озеро Ключевое, называется так! Тут со дна родники бьют, вода жуть, какая холодная! – пояснил водитель.

– Однако же купаются! – заметил я.

– Кто купается? Палыч, тут и метра не проплывёшь, судорогой скрючит! Вода – ледяная! – возмутился Кешка.

– Купаются! Вон, гляди! – упрямо стоял я на своём, показывая вперёд.

На берегу пёстрым блином валялась одежда. А её хозяин, вернее – хозяйка, обнаружилась метрах в пятнадцати от берега. Женщина лежала на воде, раскинув руки и ноги, и опустив лицо вниз.

Кешка присвистнул:

– Во даёт баба! Не всякий мужик в Ключевом окунуться решится, а этой – хоть бы хны!

– Не хоть бы хны, Кеша! – пробормотал я, всматриваясь в распластанную неподвижную фигуру в озере, – Давай-ка к берегу! Быстрее!

Водитель искоса взглянул на меня и крутанул руль. УАЗик рванул к озеру. В считанные секунды машина преодолела оставшиеся метры и, вздымая фонтаны брызг, понеслась по мелководью к лежащему впереди телу. В том, что это именно «тело», я уже не сомневался.

Кешка ударил по тормозам. Я распахнул дверцу и, не разуваясь, спрыгнул в воду. И тут же невольно охнул: ноги до колен обожгло холодом: вода в Ключевом и впрямь была ледяная.

– Палыч, она, кажись, мёртвая? – несмело предположил мой шофёр, тоже выпрыгнув из кабины и остановившись над лежащей вниз лицом женщиной.

– Похоже, да. Помоги-ка! – я взялся за холодные плечи.

С трудом мы перевернули тело. Никаких сомнений теперь не осталось: женщина мертва и уже давно: лицо, грудь и живот утопленницы покрывали характерные багровые пятна. Я напряг память, вспоминая курс судебной медицины. Если ничего не путаю, трупные пятна появляются через два часа после смерти.

– Док, это что? – хриплым шёпотом спросил Кешка, тыча пальцем куда-то вниз.

Я проследил взглядом и почувствовал, как ледяной холод, сковавший ноги, вдруг скакнул вверх и вцепился мне в грудь, заставив замереть сердце...

Трусики несчастной оказались спущенными до середины бёдер. А чуть выше, между ног, виднелась синеватая, сморщенная, покрытая редкими волосиками, головка младенца.

Кешка издал утробный звук и, зажав обеими руками рот, помчался к берегу. Я – за ним. Почти одновременно мы выбрался на сушу и упали на четвереньки.

Тошнило нас долго. Причём я совершенно не понимал, откуда во мне взялись такие резервы. Станным образом именно этот вопрос, а не наша страшная находка, завладел моим сознанием.

– Она что, в воде родила и утонула? – придя в себя, спросил Кешка.

Я пожал плечами:

– Там мелко, как она утонуть могла? Может, решила воды напиться, наклонилась, а тут схватки начались. Она от боли сознание потеряла, упала и захлебнулась. Может, сердце слабое было: не выдержало перепада температур... Или ещё что. Вскрытие нужно делать. Экспертиза нужна. А так гадать – дело неблагодарное.

– И что нам теперь делать?

– Милицию надо вызывать.

– Участкового нашего, что ли?

– Наверное. Он же у вас тут всю милицию представляет?

– Ну да, он, Семён Михалыч. Суровый мужик! – с неподдельным трепетом сообщил мне Кешка.

– Так давай звать твоего сурового мужика. Вот только как? – вдруг озадачился я, поняв, что на ближайших соснах телефонов – автоматов нет.

– Так у нас же рация в машине! – небрежно пожал плечами Иннокентий и побрёл по воде к УАЗику.

Я оторопело поглядел ему вслед. Оказывается, у меня теперь есть доступ к передовым средствам связи?! В положении и.о. главврача Кобельковской сельской больницы начали проявляться некоторые прелести.

Отойдя от ступора, я зашлёпал вслед за Кешкой.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 15—40.

– Как думаешь, Палыч, Нинка почему утонула? – после долгого молчания вопрос Семёна Михалыча заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

– Трудно сказать. Молодая женщина, на вид здоровая, крепкая... Вскрытие, возможно, что-то прояснит, – выбираясь из задумчивости, пробормотал я.

И встрепенулся:

– Нинка?!

– Нинка Смурякова. Наша она, из Кобельков. Сразу после школы в область умотала, поступила в политех, кажется: отучилась, да так в Нерограде и осталась. Замуж сходила ненадолго, потом развелась. В какие-то начальницы выбилась, к родителям в Кобельки редко заглядывала. Я её последний раз года три назад видел, – объяснил участковый.

«Суровый мужик» Семён Михалыч оказался чуть старше меня. Длинный, худой парень в форме лейтенанта милиции приехал на место происшествия через час после нашего вызова. И тоже на УАЗике. На классическом милицейском «воронке» с синей полоской по бортам, зарешеченной задней дверцей и даже с мигалкой на крыше.

Скупно кивнув, выслушав наш рассказ, участковый внимательно осмотрел тело и вернулся к своей машине. Негромко сказал что-то в рацию, выслушал ответ и ткнул пальцем в Кешку:

– Значит так: ты, Иннокентий, сейчас отвезёшь труп в ЦРБ, в морг. Там уже в курсе...

– Михалыч, да ты что?! Не повезу я покойницу, не проси даже! Да и вообще... мне доктора надо доставить! – замахал руками мой верный водитель, бледнея на глазах.

– Доктора я сам доставлю.

– Всё равно! Не повезу труп, хоть убей! У тебя машина есть, сам и вези! – храбро пискнул Кешка.

Семён Михалыч подошёл к нему вплотную и навис:

– Иннокентий! – ласковым тоном, от которого почему-то захотелось сходить повеситься в чаще, начал участковый, – Ну посуди сам, дружок, как я повезу? Лежачих мест у меня в машине нет, только сидячие. Ты видел когда-нибудь, чтобы трупы ездили сидя?

Кеша отрицательно помотал головой.

– И я не видел. Зато видел, как они ездят лёжа. Вот мы сейчас все вместе, аккуратненько так, уложим покойницу на носилки в твою машину. В салон, стало быть. А ты, Иннокентий, сядешь в кабину и поедешь. В морге сдашь тело и мне доложишь по рации о выполнении. Вопросы есть?

Кешка икнул.

– Вопросов нет. Приступаем к выполнению первой части задачи. Док, ты нам поможешь?

Втроём мы в конце концов загрузили тело в салон «санитарки». Бледный Кеша сел за руль.

– Давай, Иннокентий! Мы в тебя верим! – ободряюще заявил Михалыч и с размаху хлопнул ладонью по борту УАЗика.

Кешка вздрогнул и даванул на газ. Машина запрыгала к берегу и скрылась в лесу.

Участковый вздохнул и покачал головой:

– Молодёжь... – философски произнёс он.

Так мы и ехали с «суровым мужиком»: молча, думая каждый о своём. Пока Михалыч не начал разговор про утопленницу.

– Долго едем. Кешка говорил, есть какая-то короткая дорога, через брод. А мы опять на грейдер выехали, – заметил я.

Участковый усмехнулся:

– Кешка, конечно, водитель хороший, спору нет. Но – безголовый. Ты, Палыч, поосторожнее с ним... и поосторожнее. Никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволяй ему ехать «короткой дорогой». В лучшем случае – опоздаешь на пару часов. В худшем – очнёшься в гипсе... если очнёшься.

– Добрый ты, лейтенант, – пробормотал я, ёжась и вспоминая, как выпадал из машины.

– Мудрый я, – скромно констатировал Михалыч, – И Кешку знаю, как облупленного.

Дорога резко свернула направо и за лесополосой открылась деревня.

– Приехали. Вот они, наши Кобельки! – с улыбкой и даже, как мне показалось, с некоторой гордостью, объявил лейтенант.

Кобельки не производили впечатления мегаполиса. На берегу здорового озера – пара десятков домов (или изб, как там правильно-то?); в геометрическом центре деревни – непонятное строение с колоннами по фасаду и неразличимой отсюда вывеской. Поодаль особняком стояли небольшая церковь и приземистое одноэтажное здание, сильно смахивающее на барак.

– А вон и больница! – палец участкового указывал в аккурат на него.

Я вздохнул. А чего, собственно, можно было ожидать от сельской участковой больницы? Бревенчатый барак, построенный по проекту местного архитектора дяди Пети в прошлом или позапрошлом веке... Впрочем, вряд ли: такая хибара столько не простоит.

– Больница была построена в конце девятнадцатого века! – гордо заявил Михалыч.

Я присвистнул: надо же, умели предки строить!

– Правда, сначала она была конюшней... – закончил экскурс в прошлое лейтенант и, заулив в просторный больничный двор, остановил машину перед покосившимся крыльцом. Главврач Светин П. П. прибыл в свои владения.

– Ну, Палыч, удачи тебе. Знакомься пока с персоналом, осваивайся, а я в район поеду. Узнаю, что там на вскрытии. А ты – принимай хозяйство! – участковый несколько раз нажал на клаксон.

«Воронок» противно крикнул. Дверь с гордой надписью «Приёмное отделение» распахнулась и из полумрака древнего строения повалил народ.

Спустя минуту перед крыльцом выстроилась неровная шеренга встречающих в количестве пяти голов. Во главе строя оказался приземистый мужичок лет тридцати, облачённый в явно большой ему белый халат.

– Здравствуй, доктор! А мы вас ждали! – радостно улыбаясь, прокричал он.

Я опомнился и выпрыгнул из машины. Мужичок тут же оказался рядом, вцепился в мою руку обеими своими и принялся энергично её трясти:

– Позвольте представиться: Антон Иванович, здешний фельдшер. А вас как величать? Вы не представляете, как мы рады: пятый год уже без доктора! Нам, как из района-то позвонили, что вы едете, так мы даже и не поверили сначала. Думали, может шутит кто. Ан нет, не шутили, оказывается. А вы к нам как: насовсем, или...

– Или! – я решил прервать словесный поток восторженного фельдшера, – Я к вам на два месяца, по направлению облздравотдела. А величать меня – Пал Палыч Светин.

– Очень приятно! – улыбнулась мне красивая статная дама лет сорока – сорока пяти, тоже при халате, – А я – Мария Глебовна, акушерка. Семья-то с вами не приедет?

Я улыбнулся в ответ и отрицательно покачал головой. Попытка выяснить моё семейное положение была весьма прозрачной, но эффективной:

– Не женат я. Пока. Так что семья не приедет ввиду отсутствия оной.

– Как же так: такой интересный мужчина – и не женат?! – радостно возмутилась Мария Глебовна и медленно пошла на меня грудью (весьма нешуточной, надо заметить!), – Так мы это поправим!

– Машка, доктор, ежели захочет, сам всё поправит! – между мной и надвигающейся акушеркой возникла маленькая, худющая пожилая тётка. В белом халате, разумеется.

Решительно отпихнув распалённую Марию Глебовну, моя спасительница обернулась ко мне:

– Вы, Пал Палыч, не тушуйтесь. Машка – она всегда так: как увидит нового мужика, так начинает ему глазки строить. А уж неженатому-то и подавно!

– Очень обидны мне слова ваши, Клавдия Петровна! – классической фразой попробовала возмутиться акушерка, отнюдь не выглядящая обиженной. Скорее наоборот: в улыбающихся тёмных глазах Марии Глебовны резвились озорные чертенята.

Я вздохнул про себя: эх, была бы она помоложе лет эдак на двадцать...

Клавдия Петровна небрежно отмахнулась от неё рукой, будто от назойливой мухи, и потянула меня за рукав:

– Идёмте, доктор, я вашу квартирку покажу. Устали, поди, с дороги-то!

– Квартирку?! – изумился я, – А что, разве она здесь?

– А где ж ей ещё-то быть?! – в свою очередь удивилась моя провожатая, – У нас доктора испокон веку при больнице жили. На всём готовом.

Я опасливо покосился на исторический барак – конюшню. Ну-с, положим, лошадям когда-то здесь жилось неплохо. Наверное. Но я-то – не конь! Провести два месяца в стойле как-то не улыбалось.

– А... других вариантов никаких нет? – осторожно поинтересовался я.

Клавдия Петровна жалостливо посмотрела на меня:

– Да откуда ж им взяться-то? Гостиницы у нас тут отродясь не бывало... Есть, правда, в деревне пара – тройка пустых изб. Так они заброшены давно, разорены. Жить там нельзя... – она задумалась и окинула взором выстроившийся личный состав больницы, – Если только на постой к кому?

Мария Глебовна с чёткостью кремлёвского курсанта шагнула вперёд:

– Очень правильная мысль! – одобрила она.

Я икнул и поволок Клавдию Петровну внутрь:

– Ладно уж, показывайте вашу квартирку!

Жилплощадь оказалась вполне сносной. Большая светлая комната, обставленная разношёрстной мебелью. Здесь было всё необходимое, но до глубины души меня тронула огромная широкая кровать с резными деревянными спинками. Я подошёл и потрогал резьбу пальцем:

– Это что, кто-то из пациентов из музея спёр?

Клавдия Петровна оскорбилась:

– Да Бог с вами! Это подарок. Пару лет назад мы цыганского барона лечили. От пневмонии. Так он вылечился, уехал, а потом вот это чудо прислал. Мы думали – думали, куда его определить, да так ничего и не придумали. Так и стоит здесь с тех пор.

Я уселся на кровать и попрыгал на ней. Матрас приятно пружинил. Пожалуй, подарок неведомого барона сможет в какой-то мере скрасить мои серые будни в этой дыре.

– А удобства? – задал я главный вопрос.

– Чего? – озадачилась фельдшерица.

– Удобства, говорю, где?

– А, это сортир, что ли? – осенило Клавдию Петровну.

Я смущённо кивнул. Слово «сортир» отчего-то порождало во мне странную ассоциацию с дыркой в земле:

– Э-э... ну да. И ещё душ.

– Есть, есть, как же! Вот, рядышком тут, в коридорчике: специально отдельный сделали для доктора. И сортир, стало быть, и душ с ванной.. Окромя вас, Пал Палыч, никто не пользуется!

Я вздохнул с облегчением. Бегать по нужде за пару сотен метров в типовое деревянное строение, похоже, не придётся. И то славно.

– Часы тоже от щедрот барона? – поинтересовался я, указывая на роскошные напольные часы с маятником, заключённые в резной деревянный корпус. Маятник почему-то висел неподвижно. Весь прибор создавал впечатление очень древнего и ценного.

– Нет, откуда часы – никто не помнит. Скорее всего, из старой барской усадьбы.

– А почему стоят?

Клавдия Петровна таинственно улыбнулась, подошла к часам и открыла корпус:

– Механизма-то нет! Как им идти?

– Логично! – подтвердил я, заглядывая внутрь.

Механизма и в самом деле не было. Маятник и гири висели на гвоздиках, вбитых изнутри в заднюю стенку корпуса.

– Зато красиво! – гордо заявила фельдшерица.

Я кивнул и аккуратно закрыл дверцу часов. Красиво, тут не поспоришь.

– Ой, я же так и не представилась! – вдруг вспомнила моя гид.

– Вы – Клавдия Петровна, это я уже и так знаю! – успокоил её я.

– Ну да. Фельдшерица я. Двое нас тут, фельдшеров: Антошка... ну, Антон Иванович который, да я. Машка – акушерка. Ещё две санитарки имеются: Инка и Нинка...

– Это мы! – хором подтвердили две толстушки, возникшие в дверях.

– Ага, вот они. Инка с Нинкой ещё и готовят для больных, поварихи по совместительству, стало быть.

– Мы и для вас готовить будем, Пал Палыч! – обнадёжила меня Инка. Или Нинка?

Я благодарно кивнул. По крайней мере, с голоду я тут не помру. Судя по комплекции поварих, готовили они много и сытно.

– Итак, Клавдия Петровна, подведём итоги. Всего в больнице я насчитал пять душ персонала: вы, Антон Иванович, Мария Глебовна, две санитарки, они же поварихи... Никого не забыл?

– Никого... только... – фельдшерица замялась.

– Только что?

– Сынок мой, Данила...

– Что с ним?

– Он как бы при больнице...

Я потряс головой, пытаюсь вникнуть в суть полученной информации:

– «Как бы при больнице» – это как?! Живёт здесь, что ли?

– Да нет, живёт он дома, со мной. А тут... ну, помогает: Инке с Нинкой по кухне, полы моет, дрова рубит, тут гвоздь забить, там – дверь навесить, лежачим больным судно подать, перестелить...

– Он что, не работает у вас? Сколько лет-то ему?

Клавдия Петровна тяжело вздохнула:

– Тридцать исполнилось. Он у меня... ненормальный. С детства. Да вы не бойтесь, он добрый и тихий. Мухи не обидит! – поспешила она заверить меня.

– Да я и не боюсь, – пожал я плечами.

– Так вы не будете возражать, если Данилка так и будет тут, при больничке? Привык он. Да и к нему все давно привыкли.

– Конечно, пусть остаётся.

Фельдшерица прыгнула ко мне и затрясла руку:

– Дай вам Бог здоровья, Пал Палыч! Спасибо, спасибо огромное! А то я уж так боялась, думала: придет новый доктор, да по строгости-то и отвадит Данилу от больницы. А вы – вон какой... Добрый! Данила!!! – вдруг пронзительно заверещала она.

От неожиданности и боли в ушах я вздрогнул.

– Данила, иди сюда, скажи спасибо доктору!

– Я тут, ма! – в дверь, распахивая Нинку с Инкой, протиснулся здоровенный увалень лет тридцати с характерным выражением лица.

В комнате сразу стало тесно. Физическим здоровьем природа Данилу явно не обделила.

– Данька, это наш новый доктор, Пал Палыч! – представила меня Клавдия Петровна.

– Пал Палыч! – с готовностью повторил Данила и, широко улыбаясь, уставился на меня.

Я криво улыбнулся в ответ.

– Скажи спасибо доктору: он тебя при больнице разрешил оставить! – фельдшерица пихнула сына в спину костлявым кулачком.

Данила послушно шагнул ко мне и разулыбался ещё шире:

– Спасибо, док! – и сграбастал меня в объятия.

– Не за что! – сдавленно пискнул я, чувствуя себя кроликом, сдуру попавшим в кольца удава. Мои рёбра начали потрескивать.

– Вот видите, видите, Пал Палыч, какой Данька добрый! – приговаривала счастливая мамаша, бегая вокруг.

Подтверждая заявленный имидж, Данила сдавил меня ещё крепче. Я понял, что моей врачебной карьере приходит конец. Как и жизни.

– Клавдия Петровна, скажите сыну, чтобы меня отпустил! – просипел я в широкую грудь олигофрена, – Помру ведь...

– Ась?! – уточнила фельдшерица.

– П.....ц... – грустно констатировал я, поняв, что воздух закончился. И закрыл глаза.

7 сентября 1987 года, Ноябрьский район, 17—25.

Лодка мягко ткнулась носом в илистый берег небольшого озёрного острова. Терентий Иваныч с кряхтением перешагнул через борт и остановился, чувствуя, как кровь неохотно возвращается в затёкшие ноги.

– Дед, ты чего? – Петька приобнял старика за плечи, заглядывая в лицо.

– Да затекло всё. Сейчас, постою минутку – другую – и отпустит.

– Ну, ладно. А я пока пожитки выгружу.

Внук принялся деловито перетаскивать из лодки на берег палатку, удочки и прочий скарб. Наконец, уцепив опустевшую посудину за нос, Петька почти полностью вытащил её на сушу.

– Не унесёт? – больше для порядка осведомился дед.

– Да куда она денется? Не океан, чай, приливов – отливов и прочих цунами не бывает, – усмехнулся парень и, взваливая на плечи палатку и рюкзаки, поинтересовался, – Ну что, дед, оклемался?

– Да вроде.

– Тогда бери удочки и пошли. Сейчас палатку поставим, костерок организуем да ушицы наварим. Что-то я проголодался уже.

– Так немудрено. Мы когда от Кобельков-то отчалили? Часов в пять?

– В пять пятнадцать утра, я запомнил.

– Во-во. С того времени, почитай, и не ели-то. Так только, сухарики да колбаски чуток.

– Ничего, сейчас навестаем! – бодро заявил Петька и зашагал вверх по склону холма.

Дед, побряхтывая и бормоча что-то себе под нос, побрёл следом.

Через пару минут внук добрался до вершины и скрылся из виду. Терентий Иванович продолжал старательно карабкаться вверх. Его бормотание сменилось громким сопением: для старика подъём был крутоват.

– Дед! Давай скорее сюда! Тут... – донёсся сверху встревоженный Петькин голос и оборвался на полуслове.

– Чего там у тебя?! – старик обеспокоенно встрепенулся.

Тишина в ответ.

– Петька! Ты чего? Что случилось?! – Терентий Иванович ускорил шаг.

– Дед, тут человек... – голос внука прозвучал как-то растерянно.

– Уф! – с облегчением выдохнул старик, – Напугал-то как... И чего? Какой человек? Чего ему надо?

– Да ничего не надо. И не ему, а ей! – Петька появился над склоном и протянул деду руку, выдёргивая его на вершину, – Вот, гляди!

В трёх шагах от оторопевшего старика лежала девушка. В безмятежной позе, закинув руки за голову, она напоминала задремавшую под солнцем пляжницу. Сходство особенно подчёркивало то, что одежды на девушке не было. Никакой.

– Она... живая? – шёпотом спросил Петька.

Опомнившись, Терентий Иванович, пожал плечами:

– Не знаю, – тоже шёпотом ответил он и присмотрелся, – Дышит, вроде.

– Спит? Да что она тут вообще делает-то? И как на остров попала? – продолжал допытываться внук, не отрывая глаз от странной находки.

– Не знаю, говорю! – огрызнулся дед, – И перестань пялиться!

Петька покраснел и отвёл глаза.

Девушка была красива. Какой-то нездешней, непривычной красотой. Ослепительно – белая кожа резко контрастировала с пышными, огненно-рыжими волосами, рассыпавшимися по траве. Тонкое тело с маленькой юной грудью казалось изваянным из мрамора. Будто какой-то сумасшедший скульптор приволок на этот Богом забытый островок мраморную глыбу, высек из неё чудную статую, да так и оставил здесь, неизвестно для кого и зачем...

– Прикрыть бы её надо... Петька, доставай свой спальник, живо! Не дело это – голой перед мужиками лежать, – распорядился дед и склонился над девушкой.

– Живая! Дышит и жилка на шее бьётся! – с заметным облегчением констатировал Терентий Иванович.

Петька тем временем достал спальный мешок, расстегнул его и, старательно отворачиваясь, укрыл находку. Оценил дело рук своих и тщательно подоткнул края спальника.

– Эй! Барышня! Как тебя... Просыпайся, домой пора! Эй! – Дед потряс девушку за плечо, сначала осторожно, тихо, затем – всё сильнее и сильнее.

Никакой реакции. Красавица и не думала открывать глаза. Она всё так же безмятежно спала, слегка улыбаясь во сне яркими, немного припухшими губами.

– Барышня, вставай! Вставай, кому говорят! – не на шутку рассердился дед, завидев такое равнодушие девушки к попыткам разбудить её.

Нет ответа.

– Дед, что делать-то будем? – не сводя глаз со спокойного спящего лица, поинтересовался Петька, сидящий по-турецки в сторонке.

– А я знаю?! Оставлять её тут нельзя, это понятно. Почему она не просыпается? Может, она и не спит вовсе, а без сознания? И как вообще она сюда попала? Где её одежда, лодка? – Старик выглядел растерянным.

– В больницу её надо везти! – резюмировал Петька и встал, – Давай, дед, хватай наши вещички, а я – девицу. И в лодку. Уха на сегодня отменяется: погребём обратно в Кобельки.

– Да уж! Поели ушицы... – крикнул дед и принялся навешивать на себя рюкзаки.

7 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 17—10.

Отобедав и отдав должное стараниям Инки с Нинкой, я в сопровождении новообретённой свиты отправился в обход своих владений. Процессия выглядела весьма внушительно:

Клавдия Петровна плечом к плечу с Антоном Ивановичем. Оба безостановочно тархтящие каждый своё, отчего уловить суть выдаваемой ими информации было практически невозможно.

Пал Палыч Светин (я то есть), исполняющий обязанности главного врача. Невероятно важный и изо всех сил старающийся выглядеть старше своих лет.

Мария Глебовна, как бы по инерции налетающая на меня грудью всякий раз, когда я останавливался. (Справедливости ради отмечу, что особого неприятия с моей стороны этот процесс не вызывал).

Инка с Нинкой – с трудом вписывающиеся в коридор, но упрямо шагающие шеренгой и в ногу. Отчего древнее здание больницы ритмично подпрыгивало.

Наши тылы надёжно прикрывал Данила, улыбаясь во весь рот и периодически издавая жутковатые утробные звуки (Клавдия Петровна утверждала, что это – пение).

Обход, разумеется, мы начали с приёмного отделения. К немалому своему удивлению, я обнаружил, что оно вполне недурно оснащено всем необходимым. Даже небольшие операции можно было бы проводить...

Я тяжело вздохнул. Можно было бы, если бы вчерашний студент Светин имел хоть какой-то практический опыт... На меня вновь накатила лёгкая паника: с какой патологией мне придётся тут столкнуться, как и чем буду лечить? А главное – и посоветоваться-то не с кем: один я тут такой, дипломированный. Савсэм одын!

– А тут у нас процедурная! – распахнула Клавдия Петровна очередную дверь.

Я шагнул внутрь, огляделся, важно кивнул и вышел. Процедурная, как процедурная.

– Теперь давайте по палатам пройдемся! – перехватил инициативу Антон Иванович и устремился к белой двери с ярко – алой цифрой «1», довольно небрежно намалёванной масляной краской.

Палат оказалось пять. Вернее, когда-то их было семь, но две дальние отделили от общего коридора простенком. В палате №6 теперь поселился я (весьма символично!) Седьмая палата пустовала, тоже переделанная в жилую комнату.

Быстренько осмотрев имеющихся в наличии больных (всего в больнице их было четверо) и сделав назначения, я направился было к своему кабинету (да-да, теперь у меня был свой кабинет!) Но меня остановил оклик Клавдии Петровны:

– Доктор, куда же вы? У нас ещё амбулатория есть!

Как же я забыл?! Ведь учил же когда-то структуру сельской участковой больницы: и в самом деле, должна быть при ней амбулатория. Сиречь – ма-аленькая такая поликлиника, где доктор ведёт первичный приём проходящих страдальцев.

В амбулатории оказалось людно. На длинных скамейках, расставленных вдоль стен, сидели человек пять, старательно держась за разные части своих тел.

– Здравсьте! – оторопело выпалил я.

– Здравствуйте, доктор! – нестройным, но дружным хором протянули терпелыцы.

Антон Иванович открыл передо мной дверь с воодушевляющей надписью: «Приём круглосуточно»:

– Прошу, Пал Палыч, пожалуйста сюда. Народ уж заждался. Мы тут, конечно, с утра немного разгребли, но пятеро ещё остались.

Я быстро прошёл внутрь и, впусив свою свиту, плотно закрыл дверь:

– Вы что, хотите сказать, что я прямо сейчас должен вести приём?!

В комнате повисла нездоровая тишина. Первой дар речи обрела Клавдия Петровна:

– Ну да, разумеется! А как же?

– Да вы не тушуйтесь, доктор, если что – мы вам поможем! – обнадѣжил меня Антон Иванович, раскрывая дверцы огромного допотопного шкафа, – Здесь у нас картотека.

На полках и в самом деле выстроились брошюры амбулаторных карт разной толщины.

– Все Кобельки тут! С окрестностями! – с гордостью заявил фельдшер, любовно проводя рукой по разноцветным корешкам.

Поняв, что романтика закончилась и началась суровая сермяжная проза трудовых будней, я вздохнул и уселся за стол:

– Приглашайте очередного! – и принялся нервно вертеть в пальцах карандаш.

В кабинете случилась короткая суета. Клавдия Петровна, разулыбавшись (как мне показалось, с облегчением), развернула персонал лицами к двери и в пару секунд вытолкала всех вон. И выпорхнула сама. Прикрывая за собой дверь, фельдшерица обернулась и довольно игриво подмигнула мне. Меня передёрнуло.

Со мной остался лишь Антон Иванович. Он уселся за свой столик, стоящий напротив моего, и деловито принялся раскладывать на нём какие-то журналы. Наконец, раскрыв самый толстый из них, фельдшер повернулся к двери и гаркнул:

– Следующий!

Дверь моментально распахнулась и в кабинет влетела маленькая бабулька лет эдак ста – ста двадцати. Широко улыбаясь беззубым ртом, ископаемое уселось на стул рядом со мной и констатировало:

– Молоденький!

– Ничего, это пройдёт! – успокоил я старушку и попытался направить разговор в деловое русло, – На что жалуетесь?

– Зинка, шопедка, шпёрла шо двора шолёные огуршы из кадки, шволочь шишяштая! – скорбно поведала бабка и с надеждой уставилась на меня.

– Какая сволочь? – оторопело уточнил я.

– Шишяштая! – с готовностью повторила пациентка.

Я вопросительно взглянул на Антона Ивановича.

– Сисястая! – перевёл он, не отрывая взгляда от журнала, в котором что-то писал.

Я почувствовал, что краснею. Карандаш в моих пальцах с громким хрустом сломался. Бабка подпрыгнула на стуле и втянула голову в плечи.

– Что? У вас? Болит? – раздельно процедил я.

– А-а! – поняла посетительница, – Так это... Там!

– Где?

– Ну там! – явно удивляясь моей непонятливости, старушка показала большим пальцем руки куда-то за своё плечо.

Я привстал и заглянул ей за спину:

– Спина, что ли?

– Не-е, милок, не шпина! – разулыбалась бабка, – Ниже!

Антон Иванович оторвался от своей писанины и отчеканил:

– Евлампия Прокловна неделю назад обратилась к нам с жалобами на боли в заднем проходе и умеренное кровотечение оттуда же. После проведенного осмотра мною был установлен диагноз: Хронический геморрой, обострение. В связи с чем было назначено лечение: свечи с реопирином и экстрактом ромашки. Сегодня Евлампия Прокловна явилась для контрольного осмотра и определения тактики дальнейшего лечения.

– Во-во, он шамый, еморой у меня! Там! – радостно закивала старушка и вновь махнула большим пальцем через плечо.

– Исчерпывающе! – пробормотал я и начал «определять тактику дальнейшего лечения», – Евлампия э-э... Прокловна, так вы свечи принимали?

– А как же, дохтур, принимала! Вот, как Антон Иваныч назначили, так и принимала: два раза в день, утром, штало быть, и перед шном.

– Хорошо. Легче стало?

– Штало, милоч, штало! На третий день как рукой шняло! – разулыбалась пациентка.

– Замечательно. Но вы курс лечения закончили? – подозрительно нахмурил я брови.

– Как? – озадачилась Евлампия Прокловна.

– Я спрашиваю, свечи все использовали? – переформулировал я вопрос.

– Вше, вше! – поспешила она меня успокоить, – Шегодня только пошледнюю шъела!

Стул подо мной оглушительно треснул. Антон Иваныч закашлялся и, уронив ручку, полез за ней под стол. Кашель, донёсшийся оттуда, носил явные нотки истеричности.

– Вы п-п-последнюю с-с-вечу – что?! – от переполняющих меня чувств я начал заикаться.

– Шъела, дохтур, шъела! – невозмутимо повторила Евлампия Прокловна.

– Вы? Ели? Свечи? – разум отказывался верить услышанному и требовал уточнений.

– Ага! – с улыбкой кивнула бабка.

– И помогло?

– Да как рукой! – в подтверждение своих слов долгожительница энергичным жестом чиркнула себя большим пальцем по шее.

Я вздохнул и начал санпросветрабату:

– Видите ли, Евлампия Прокловна, то, что свечи вам помогли, – замечательно. Но мне кажется, что эффект от них был бы более ярким, если бы вы принимали свечи так, как положено...

– Так я ж их так и принимала! – удивлённо перебила меня бабка.

Я покачал головой:

– Нет, голубушка, вы принимали их в рот... как таблетки.

Старушка часто закивала головой и скривилась:

– В рот, милай, в рот! Только таблетку раз – и проглотишь, а свечку жуёшь-жуёшь, жуёшь-жуёшь... шклизкая, шволочь!

Представив этот процесс, я поёжился. Но терпеливо продолжал внушать:

– Евлампия Прокловна, свечи принимают не в рот!

– А в куда? – встрепелась бабка.

Кашель под столом усилился. Я как бы невзначай дёрнул ногой, задев что-то мягкое. Антон Иваныч утробно охнул и завозился, однако кашлять перестал.

– Свечи принимают... э-э-э... с другой стороны, так сказать! – попытался я корректно сформулировать путь введения ректальной свечи.

Евлампия Прокловна уставилась на меня. В тусклых старушечьих глазках плескалось детское изумление:

– Чаво?!

Из-под стола, будто чёртик из коробки, выскочил багровый и потный Антон Иваныч:

– В попу их вставляют, Прокловна, в попу!

Повисла нехорошая тишина. Фельдшер, осознав, что сотворил, съёжился и втянул голову в плечи. Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Вечер переставал быть томным.

– Куда-куда? – тихо переспросила Евлампия Прокловна и начала медленно приподниматься, нависая над залёгшим на столе Антоном Иванычем.

– Туда! – пискнул тот, безуспешно пытаясь слиться с ландшафтом.

Бабка, наконец, со скрипом распрямилась полностью и принялась объяснять несчастному фельдшеру всю никчёмность его жалкого существования. Получалось у неё весьма убедительно, хоть и не вполне цензурно.

Я невольно заслушался: в пылкой речи Евлампии Прокловны использовались такие обороты и метафоры, которых прежде никогда и нигде мне слышать не доводилось. Видимо, бабка принесла эти знания из прошлого века... или из позапрошлого? В старой школе были мастера...

Минут через десять милая старушка, видимо, получила полную сатисфакцию. Она умолкла, чинно уселась на своё место и целомудренно расправила на коленях длинную чёрную юбку. Застенчиво мне улыбнулась:

– Уж простите, Пал Палыч, выпылила чуток!

– Да полноте-с, Евлампия Прокловна, пустое! – успокоил я её, недоумевая, из каких глубин подсознания всплыли вдруг фразы, уместные разве что на балу у Шереметьевых, но никак не в амбулатории Кобельковской участковой больницы, – Не извольте беспокоиться, сударыня, любезнейший Антон Иванович позволил себе моветон и получил по заслугам...

Растоптанный фельдшер вздрогнул и несмело оторвал голову от столешницы.

– ...Однако, смею вас уверить, что его пароле *террибль (ужасные слова)* не лишены некоего смысла! – продолжил я мысль.

– Пуркуа? – осведомилась Евлампия Прокловна.

Антон Иванович опять сполз под стол. Оттуда донеслось сдавленное: – Опупеть!

Даже не удивившись глубоким познаниям собеседницы в области языков, я пояснил:

– Потому что свечи и в самом деле необходимо вводить в прямую кишку.

– Да ну? – изумилась бабка, – А больно не будет?

Ответить я не успел.

В коридоре раздался дробный топот, дверь распахнулась и в кабинет с перекошенным лицом влетела Клавдия Петровна:

– Пал Палыч, Антон, скорее в приёмное! Там... там целый грузовик больных привезли! Тяжёлые все, жуть!

Мигом позабыв про Евлампию Прокловну, я вскочил. Из-под стола, едва его не опрокинув, вылез Антон Иванович. Вдвоём мы нависли над тяжело дышащей фельдшерницей:

– Какой грузовик?! Каких больных? Откуда? – наши вопросы прозвучали почти синхронно.

Вместо ответа Клавдия Петровна лишь махнула рукой, приглашая следовать за собой, и выскочила за дверь. Переглянувшись, мы с фельдшером рванули за ней.

Пробегая через коридор амбулатории, я краем глаза заметил, что ожидающих больных заметно прибавилось. Раза в два. Однако раздумывать на эту тему было некогда.

В приёмном отделении было пусто. Зато на улице, перед крыльцом, жизнь была ключом.

Из кузова припаркованного у больницы грузовика какие-то мужики за руки и ноги вытаскивали тело. Оно было мужского пола и издавало невнятные звуки, которые в первом приближении можно было бы принять за стоны. Однако, прислушавшись, я с удивлением уловил знакомый мотивчик. Полуживой организм пытался напевать «Ой мороз, мороз»!

Между тем, мужички довольно бесцеремонно швырнули поющее тело к моим ногам и вновь полезли в кузов. Через несколько секунд человеческая куча на травке пополнилась ещё одной особью. Эта не пела, потому как была без сознания. Всего лишь часто и хрипло дышала.

Я присел рядом и взялся за запястье хрипящего. Пульс был, но совсем слабый, нитевидный. А рука болезного показалась мне невероятно горячей.

Подняв пациенту верхние веки, я осмотрел зрачки: широкие, реакции на свет почти нет. Плохо.

– Кто-нибудь может сказать, что случилось?! – не поднимая головы, крикнул я.

Вместо ответа рядом на траву плюхнулось ещё одно тело. Тоже без сознания. Мной начала овладевать лёгкая паника.

– Антон Иванович, займитесь им! – кивнул я на новоприбывшего. Этот, хоть и в беспамятстве, но не хрипел: дышал спокойно и свободно.

Фельдшер присел рядом со мной и завопил над своим пациентом.

Я рванул у моего подопечного рубашку, оголяя грудь. И невольно присвистнул: она была интенсивно – синего цвета, причём синева переходила на шею и лицо несчастного. А граница между синюшностью и нормальным цветом кожи оказалась весьма чёткой. Будто слюнявчик надели.

Синий «воротник»! Вкупе с сильнейшей одышкой и набухшими шейными венами, он давал классическую картину тромбоэмболии лёгочной артерии: крайне неприятного состояния, когда тромб отрывается где-нибудь в венах ног и летит с током крови в лёгкие, пока не закупорит собой один из тамошних сосудов. И всё, привет. Если артерия крупная – почти наверняка мгновенная смерть. Если поменьше – возможны варианты: либо смерть, но не сразу, либо...

Я посмотрел в синее лицо и вздохнул: ...либо получаем вот это. Как лечить тромбоэмболию в условиях Кобельковской участковой больницы, я представлял себе слабо.

– Антон Иванович, у нас ИВЛ есть? – безнадёжно поинтересовался я у копошащегося по соседству фельдшера.

– Чего? – изумлённо возрился он на меня.

– Аппарат искусственного дыхания, спрашиваю, в больнице есть?

Иваныч отвесил челюсть.

– Ясно... – пробормотал я. Искомое аппарата в Кобельках явно не было.

Пациент захрипел ещё чаще. Я засёк время: частота дыхательных движений – сорок в минуту! Дыхание неэффективное. Ежели на искусственную вентиляцию больного перевести нельзя, надо срочно придумать что-то другое. Вот только что? В моём воспалённом сознании пронеслись обрывки воспоминаний из лекций и семинаров.

– Антон Иванович, морфин в больнице найдётся?

Не отрываясь от своих дел, фельдшер кивнул:

– Есть, конечно!

– Отлично. Клавдия Петровна, ставьте пока капельницу! – поймал я за халат проносящуюся мимо фельдшерицу.

– С чем? – присела она с другой стороны больного и принялась протирать его локтевой сгиб ваткой со спиртом.

– С физраствором. Когда поставите, введёте морфин!

Она с недоумением уставилась на меня:

– Зачем?! У него же болей нет!

– Зато есть одышка. А морфин её подавляет. Да делайте же, не теряйте время, – огрызнулся я, – Антон Иванович, вашему – тоже капельницу с физраствором и больше пока – ничего. Будем разбираться. Ах, да, кислород дайте обоим!

Клавдия Петровна пожала плечами и воткнула иглу в вену:

– А чего он такой горячий? – поинтересовалась она.

Это я и сам бы хотел знать. Пока фельдшерица возилась с капельницей, я перешёл к следующему больному. Который пел. Взялся за пульс и покачал головой: тоже так и пышет жаром!

Тем временем немногословные мужики выгрузили на травку ещё двоих. Слава Богу, эти пребывали в сознании, хоть и весьма спутанном. И тоже, тоже – горячие!

Какая-то странность, пока неосознанная, не давала мне покоя. Что-то было не так. Вот только что? Ладно, доктор Светин, соберись и рассуждай. Итак, имеем пятерых пациентов с явной гипертермией (повышенной температурой тела, стало быть). При таком жаре они должны быть... Какими они должны быть? Правильно: влажными. Хотя бы местами. А эти – сухие, как песок в пустыне. И о чём это нам говорит?

Я хлопнул себя по лбу: точно, обезвоживание! Мужики, похоже, получили банальный тепловой удар. Но каким образом?

– Откуда вы их привезли? – поинтересовался я у переминающихся с ноги на ногу мужиков из грузовика.

– У грейдера нашли. Километрах в двадцати отсюда, – виновато пробубнил один из них.

– А что они там делали? Что значит «нашли»? Они у дороги валялись, а вы их просто подобрали? Подробности, мне нужны подробности! – не замечая того, я почти орал, наседавая на съёжившихся аборигенов.

– В машине они сидели! – подал голос второй, который помоложе.

– В какой машине?

– В «запоре»... Ну, в «Запорожце», то есть. В ушастом.

– И что?

– Что – «что»? – не понял мой собеседник.

– Сидели пять мужиков в «Запорожце»... – тут я запнулся, осознав фантастическую экстремальность этого явления, – Сидели, стало быть, пятеро здоровых мужиков в ма-аленьком таком «Запорожце», плохели, синели и теряли сознание?

Туземцы дружно пожали плечами:

– Да вроде...

Я оторопело переводил взгляд с них на лежащие в рядок полуживые тела. Понятно, анамнез болезни придётся выяснять у самих пациентов. Когда оклемаются. Иначе толку не будет: водители грузовика застали, можно сказать, лишь финальный акт трагедии.

– Доктор, а доктор? – робко обратился ко мне старший.

– Что?

– Может, мы поедem, а? Нас в поле ждут, давно уже. Председатель головы свинтит и премии лишит.

Я невольно усмехнулся: если процесс будет происходить именно в этой последовательности, о премии мужичкам можно будет уже не беспокоиться.

– Да, да, конечно езжайте! Спасибо вам. А насчёт председателя не беспокойтесь – если что, адресуйте его ко мне. Я объясню, что вы вот этим, – я кивнул на лежащие тела, – жизнь спасли!

Мужики разулыбались, пожали мне руку и полезли в кабину. А я вернулся к своим доходам.

«Синий» теперь дышал намного спокойнее. Клавдия Петровна успела ввести морфин и приладить кислородную маску. Да и синюшность у бедняги несколько уменьшилась. В вену резво капал физраствор, восполняя потерянную (пока неизвестно, каким образом!) жидкость.

– Проверьте давление и сделайте в вену гепарин. Десять тысяч, – распорядился я и пошёл дальше.

Пациент Антона Иваныча уже пришёл в сознание и теперь удивлённо хлопал глазами поверх кислородной маски.

– Тоже – измерить давление. И температуру, всем обязательно измерить температуру! – спохватился я, – И ещё – взять кровь на гематокрит!

– Чего?! – хором взвыли оба фельдшера.

Ясно. «Нам таких слов не нать, нам чаво бы попроще...» Я забыл, что нахожусь не в Нерогградской областной больнице, где по первому щелчку пальцами прибегает толпа лаборантов и делает любые анализы. Вдохнув, я махнул рукой:

– Да так, ничего, перегрелся малость. Давайте-ка их по палатам определим. А то что ж они у нас так-то... в военно-полевых условиях.

– Данила!!! Айда больных таскать!!! – взвизгнула Клавдия Петровна.

У меня заложило уши.

7 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 19—10.

Я дописал историю болезни и потянулся. Первый день моей работы в качестве и.о. главврача полностью соответствовал определению «с корабля – на бал». За последние два часа я провёл интенсивную терапию пятерым тяжеленным больным. В результате – из крайне тяжелого их состояние стало от просто тяжёлого до вполне даже удовлетворительного.

Тяжёлым оставался пациент с тромбоэмболией: он, хоть и пришёл в себя, но по-прежнему внушал мне серьёзные опасения. Давление сам не держал, только на вазопрессорах и гормонах; к тому же, после прослушивания его лёгких я пришёл к нерадостному выводу о том, что назревает пневмония.

Зато остальные четверо поправлялись на глазах. Коррекция потерь жидкости и охлаждение (для чего пришлось выгрести почти все запасы льда из больничного погреба!) сотворили чудо. Недавние доходяги полностью пришли в норму и запросились домой. С каковой целью и отрядили делегата ко мне в кабинет пятнадцать минут назад.

Делегата я решил пошантажировать. Пообещал, что отпущу исцелённых лишь в том случае, если он, делегат, в подробностях расскажет мне обстоятельства, повлекшие за собой столь плачевное состояние моих пациентов.

Посланник помялся минуту... да и рассказал.

Какое-то время после окончания его рассказа я хватал раскрытым ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. Потом принялся биться лбом об стол в приступе истеричного смеха. Впрочем, смехом это назвать было сложно. Ржание: добротное такое, переливчатое ржание. Ну, а как ещё прикажете смеяться в бывшей конюшне?

Делегат поведал мне историю, достойную пера Дюма. Вернее, Дюмов – и отца, и сына.

Дело было так. В пятницу вечером пятеро мужичков решили съездить в соседнее село (пятнадцать вёрст!) в гости. Сборы были недолгими: прихватив с собой десяток литров самогонки, наши герои усадились в «Запорожец» и двинулись в путь.

Как пятеро упитанных организмов уместились в этой пародии на автомобиль, – объяснить не смог бы даже Эйнштейн с позиций собственной теории относительности.

Тронувшись, путешественники решили отметить благополучное начало тура. И отметили. Все, включая водителя (кстати, именно он и оказался в конце концов моим самым тяжёлым пациентом).

В результате, примерно на полпути «запор» не вписался в поворот, слетел с грейдера, проскакал по полю и въехал в столб. Но!

Столб оказался непростым. Знаете, встречаются иногда у дорог такие, сделанные из двух длинных брёвен, соединённых сверху и расходящихся книзу? Получается этаким треугольник, обращённый вершиной вверх.

«Запорожец» въехал в аккурат промеж брёвен. И заклинился там. Да так здорово, что обе двери (а в «запоре» их всего-то две!) оказались намертво заблокированными.

Осознание трагизма ситуации пришло к страдальцам не сразу. Поначалу они обрадовались тому, что живы. И тут же это отметили. Потом отметили то, что машина осталась цела. Потом тяпнули за преодоление половины пути. И понеслось...

Напомню: был вечер пятницы. По грейдеру и в будни-то редко, кто ездит. А уж в преддверии выходных...

Через пару часов кому-то понадобилось выйти по естественной надобности. Поняв, что двери не открываются, мужички опустили стёкла и попытались выйти в окна. Но проклятые брёвна загораживали собой проёмы. Тогда путешественники принялись звать на помощь. Эхо было им ответом...

Прошла ночь, настало утро субботы. Дорога по-прежнему была пуста. Сидельцы охрипли, безуспешно взывая к пространству. Воды у них с собой не было, поэтому жажду утоляли самогоном. А нужду, pardon, справляли в окна.

А потом взошло солнце... Температура за бортом неуклонно приближалась к обычным для этого времени года на Нероградщине двадцати пяти градусам. В тени...

Тени столб не давал. А «запор», к несчастью, был тёмно-синим. И потому его содержимое вмиг нагрелось градусов до пятидесяти. Мужики пили, орали, опять пили, опять орали...

Так прошла суббота. Потом воскресенье. Потом – почти весь понедельник. И только на закате дня на грейдере появился уже знакомый нам грузовик...

Прекратив биться об стол, я поднял голову, вытер слёзы и уставился на недоумевающего делегата:

– Вы, пятеро здоровых лбов, не могли выдавить лобовое или заднее стекло?! И вылезти? Вы же помереть могли, идиоты! И так уж почти померли!

Делегат шмыгнул носом и потупился:

– Не хотели.

– Не хо... – у меня перехватило дыхание, – Не хотели?! Да почему же?!

– Машину жалко!

– Клавдия Петровна! – заорал я.

Фельдшерица моментально материализовалась на пороге:

– Да, Пал Палыч?

– Проводите этого... автолюбителя к остальным. И оформите их на выписку, – устало распорядился я.

– Всех?!

– Кроме того, который под капельницей, разумеется.

– Есть! – по-военному отпортовала Клавдия Петровна и вытолкала парламентёра вон.

Воспользовавшись минутной передышкой, я подошёл к окну. Вид отсюда открывался изумительный. Больница стояла на холме и из её окон видна была вся округа. Прямо перед глазами – большое озеро, на берегу которого примостились Кобельки. Справа – лес. Слева – тянущаяся до самого горизонта степь.

– Лепота! – пробормотал я

– Пал Палыч! – раздалось за спиной.

От неожиданности я вздрогнул и резко обернулся. Передо мной, к каком-нибудь шаге, стоял Антон Иваныч. Вид у него был изрядно озадаченный.

– Уф, испугали! Чего подкрадываетесь так? А если бы я рефлекторно вас того... в челюсть?

Фельдшер криво улыбнулся:

– Значит, поделом мне.

«Фаталист, стало быть? Ох, не похож!» – подумал я, рассматривая хитрые глазки Иваныча.

Но вслух спросил другое:

– Что опять случилось?

– Да у нас тут всё время что-то случается! – оптимистично сообщил мне фельдшер, – Там рыбаки девушку привезли. Без сознания.

– Утонула, что ли? – уточнил я уже на ходу, выскакивая в коридор.

– Да нет, вроде. Они её на суше нашли уже в таком виде.

– В каком – «в таком»?

Антон Иваныч замялся:

– Да сами сейчас увидите. Сюда, пожалуйста, в смотровую! – и открыл мне дверь.

На кушетке, закутанная во что-то вроде одеяла, лежала девушка. Красивое, спокойное лицо её обрамляла виньетка из огненно – рыжих волос. Закрытые веки слегка подрагивали.

– Пульс шестьдесят в минуту, дыхание – шестнадцать, давление – сто десять на семьдесят! – сообщила Клавдия Петровна.

– При каких обстоятельствах её нашли? – поинтересовался я у стоящих поодаль мужчин – старика и парня лет двадцати пяти.

– На острове. Она лежала на холме... голая совсем, – несмело сообщил дед.

– Голая?! А как она туда попала?

Старик развёл руками:

– Не знаем. Лодки никакой мы не видели, её одежду не нашли. Чудно как-то...

– Да уж... – согласился я и обратился к фельдшеру, – Антон Иванович, надо бы участкового вызвать. Кто его знает, как она на остров попала. Может, и не по своей воле. Пусть разбирается, это по его части.

Иваныч кивнул и выскочил из кабинета. А я склонился над девушкой:

– Всех, кроме Клавдии Петровны, прошу выйти из смотровой.

Комната вмиг опустела. Убедившись, что со мной осталась лишь фельдшерица, я откинул одеяло. Вернее, спальный мешок. И замер...

Эх, учили меня – учили, что врач при исполнении – существо бесполое, да всё зря! Потому что, едва завидев мою новую пациентку, я понял, что пропал. Просто что-то щёлкнуло где-то в голове – и всё. Передо мной лежала уже не больная, жаждущая моей помощи, а – Мечта. Именно так, с большой буквы.

Я оторопело вглядывался в бледное лицо и не понимал, что со мной происходит. Я *знал*, что всегда ждал встречи с той, которая сейчас мирно спала на обшарпанной больничной кушетке в Богом забытых Кобельках. Откуда взялось это знание – неведомо. Но в его истинности я был уверен. Это лицо я уже видел раньше. В собственных снах.

– Пал Палыч! – подёргала меня за рукав Клавдия Петровна.

– Да?! – встрепенулся я, пытаюсь прогнать наваждение.

– Что с вами? Вы как-то побледнели весь. Устали, наверное, с дороги-то, да после всех наших заморочек?

Я замотал головой:

– Нет – нет, всё в порядке! Задумался просто.

Осмотрев девушку, я присел рядом на стул и задумался. Никаких тревожных признаков болезней или, тем более, ранений, я не нашёл. Красавица, похоже, просто – напросто спала. Очень крепко, потому что мои манипуляции её не разбудили.

– Что с ней? – шёпотом спросила Клавдия Петровна.

Я пожал плечами:

– Спит.

– Просто спит?

– Похоже, именно так. Кстати, вы её не знаете? Не из местных, часом?

Фельдшерица отрицательно помотала головой:

– Не из Кобельков, точно.

– Как же она на остров-то попала? – не надеясь на ответ, спросил я.

– Ох, не знаю, Пал Палыч. Да ещё в таком-то виде! Может... – она запнулась.

– Может что?

– Может, её обидел кто? Ну, вы понимаете, о чём я? Снасилъничал и бросил.

Я поёжился. У меня и в мыслях не было, что над этим волшебным созданием кто-то мог вот так надругаться...

– Кто знает? Надо бы проверить, наверное?
Клавдия Петровна выглянула в коридор:
– Марья! Зайди-ка сюда!
В дверь павой вплыла Мария Глебовна:
– Что случилось? Рожает кто-то?
Я указал на странную пациентку:
– Мария Глебовна, осмотрите девушку, пожалуйста. Есть подозрение, что её могли... изнасиловать, – глухо выдавил из себя последнее слово.
Акушерка присела у кушетки и принялась натягивать перчатки.
– Подождите! – остановил я её и направился к выходу.
– Что? – Мария Глебовна в недоумении обернулась ко мне.
– Я... выйду пока! – сказал я и почувствовал, что краснею.
– Зачем?! – хором спросили акушерка с фельдшерницей.
Но я уже выскочил в коридор и захлопнул за собой дверь.

Через минуту из смотровой выглянула Клавдия Петровна:
– Пал Палыч, заходите!
– Что, уже?
– Уже, уже! – разулыбалась она.
Я вернулся в кабинет:
– Ну?
Акушерка с хитрой улыбкой окинула меня взглядом:
– Да всё в порядке. Девочка она ещё! – и принялась стаскивать с рук перчатки.
С души свалился здоровенный камень. Видимо, облегчение моё было столь явным, что Мария Глебовна хмыкнула себе под нос и покачала головой. Я тут же сделал строгое лицо:
– Клавдия Петровна, определите больную в пятую палату. Пусть там полежит, пока не проснётся.
– Назначения какие-нибудь будут?
– Никаких. Спит человек – и пусть спит. Понаблюдаем пока.
Фельдшерница кивнула головой, высунулась в коридор и завопила:
– Данька! Давай сюда, работа есть!
Я вздохнул и с опаской поглядел на спящую красавицу. Та и ухом не повела.

*20 августа 1987 года, Кобельки,
02—28.*

Сон не приходил. Алёна ворочалась в постели уже почти два часа, безуспешно пытаюсь уснуть. В отчаянной злости она колотила кулачками подушку и даже кусала её. Будто та виновата во всех бедах, так внезапно навалившихся на Алёнины плечи.

Собственно, беда была только одна. Зато такая, которую сама Алёна с радостью поменяла бы на десяток любых других. Если бы могла. Но – увы! Поздно, девочка, поздно...

Да уж и не девочка, кстати. Четыре месяца, как рассталась с невинностью. И без всякого сожаления, надо заметить. Правда, удовольствия особого тогда она тоже не испытала. Скорее, какую-то дурацкую гордость за себя: мол, вот теперь-то я совсем – совсем взрослая! И всё у меня – как у людей. То есть, как у подружек, которые давным – давно и без всякого стеснения хвастают, как у них ЭТО было...

Теперь ЭТО было и у Алёны. А сегодня она узнала, что скоро у неё появится такой повод «похвастаться» перед подружками, какого у тех не будет ещё долго! К их же счастью.

Алёна зло усмехнулась и опять всадила кулак в несчастную подушку. Дура, полная, законченная дура! Решила доказать что-то... И кому, спрашивается? Витьке, который проме-

нял её на эту очкастую плоскую дылду из 10-А? Ну уж нет, себе-то Алёна врать не будет: Витька, по большому счёту, ей был глубоко безразличен. И шансов никаких у него не было. Помнится, она даже вздохнула с облегчением, завидев на дискотеке Витьку в обнимку с этой... глистой.

И тогда, под тем симпатичным приезжим, Алёна всё доказывала исключительно себе: собственную полноценность, привлекательность и взрослость.

Доказала. Ай, молодец! И спохватилась-то, дура, только тогда, когда аборт делать уже поздно. Это ей сегодня очень популярно акушерка объяснила.

Алёна вздохнула. Нет, ну надо же, четыре месяца не было месячных, а она и не заметила! Просто забыла напрочь. Ну, не дура ли?

Конечно, уважительных причин для такой «забывчивости» – хоть отбавляй: тут тебе и выпускные, и вступительные в медицинский... Она же теперь – студентка! И в сентябре переедет из опротивевших Кобельков в Нероград, в общежитие. Начнётся новая, весёлая студенческая жизнь...

На глаза навернулись слёзы и Алёна зарылась лицом в подушку. Ни хрена у неё не начнётся! Потому что через каких-то пять месяцев ей рожать. А это значит – прощай, учёба, прощай буйное, весёлое студенчество... Здравствуй, сомнительное будущее матери – одиночки без образования и профессии!

Слава Богу, хоть родители ничего не знают. Пока. Уехали оба куда-то в соседний Казахстан на похороны неведомого Алёне дальнего родственника. Как не цинично это звучит, но похороны случились кстати: ей ох, как надо сейчас побыть одной. Собрать мысли в кучку и что-то придумать.

Хотя, что уж тут придумаешь? Мария Глебовна, акушерка, сегодня вполне определённо сказала: теперь – только рожать! Поезд ушёл...

Алёна ещё раз, от души, врезала бессловесной подушке и села в кровати. Сон отступил окончательно. Вместо него в голову лезли подленькие мыслишки о её невесёлых и, увы, таких близких перспективах.

Откуда-то из прихожей донёсся лёгкий треск. Потом ещё раз. И ещё...

Алёна вздрогнула и почувствовала, как покрывается «гусиной кожей». Этот звук она хорошо знала: так трескали половицы в сенях. Когда на них кто-нибудь наступал.

Опять треск! Уже ближе. Из прихожей в сторону её спальни определённо кто-то шёл. Не спеша, крадучись, явно стараясь производить как можно меньше шума.

Алёна вскочила и торопливо принялась натягивать халатик, с трудом попадая в рукава трясущимися и вмиг онемевшими от страха руками. На цыпочках подошла к двери и приложила ухо к прохладному дереву. Прислушалась.

Тишина. Лишь за окном привычно орали сверчки. В соседней комнате, казалось, не было никого. Как и предполагалось.

Осторожно, стараясь не шуметь, Алёна перевела дух. Неужели показалось? Она послушала ещё минуту – другую, а потом рискнула приоткрыть дверь.

В большой прихожей темень стояла непроглядная. Если спальня хоть как-то освещалась скудным лунным светом, то здесь глубокую черноту не нарушало ничего. Окон в сенях не было.

Алёна протянула руку, нащупала выключатель и щёлкнула им. Свет не зажёгся. Она безнадёжно пощёлкала ещё, уже понимая, что – зря.

В центре прихожей что-то произошло. Темнота словно сгустилась в одном месте, приобретая неясные, расплывчатые очертания. Потянуло сквозняком с затхлым каким-то, неживым запахом. И вновь послышался треск.

Бесформенный сгусток темноты наплывал на Алёну. Бесплотным, похоже, он не был: половицы жалобно потрескивали под тяжестью.

Женщина отпрянула назад. Она во все глаза всматривалась во мрак, пытаясь разглядеть надвигающееся нечто.

Память некстати подсунула Алёне картинку из недавнего совсем детства: она лежит, уютно свернувшись клубочком, в постели, устроив голову на коленях отца. А он, повинувшись её же просьбе, страшным (и смешным!) шёпотом рассказывает очередную «страшилку» про домового. Как тот приходит ночью к непослушным девочкам и крадёт их дыхание...

Треск раздался совсем близко. Тёмный сгусток уже был на пороге спальни. На Алёну вновь повеяло затхлостью и ещё чем-то зловонным.

«Домовых не бывает!» – попыталась она себя успокоить, но только перепугалась ещё больше.

Женщиной овладела паника. С трудом оторвав взгляд от страшного гостя, она развернулась и рванулась к единственному свободному выходу из спальни. К окну.

Три шага. Всего три шага отделяли Алёну от спасительного, распахнутого по случаю жары окна. Чувствуя спиной холодный, злобный взгляд из темноты, она сделала один шаг, другой...

А на третьем её нога зацепилась за предательскую складку на ковре и Алёна с размаху упала на постель. Лицом в подушку.

Тут же попыталась встать, но не успела: невероятная тяжесть навалилась на её спину и затылок, вдавливая лицо в пёструю наволочку.

Женщина забилась, пытаясь освободиться. Но тёмный гость держал крепко, не позволяя своей жертве вырваться.

Тогда она попыталась позвать на помощь. Тщетно: в подушку много не накричишь.

А воздух очень быстро заканчивался. Алёна забилась ещё сильнее. Теперь не только от дикого, нечеловеческого страха, но и от удушья.

Тяжелая темнота всё сильнее и сильнее вдавливала женщину в постель. В какой-то миг Алёна с ужасающей ясностью поняла, что вот-вот – и воздух закончится.

Он и закончился. Женщина попыталась сделать вдох, но в забитые подушкой рот и ноздри не попало ничего. Алёна силилась вдохнуть ещё и ещё, до боли в сведённой судорогой груди.

Сознание стремительно затухало. Женщина уже не боролась: она просто смиренно лежала, вдавленная в кровать. И без всякого интереса наблюдала, как перед закрытыми глазами неторопливо проплывают кадры из её же собственной жизни. Алёна вяло смотрела это странное и страшное кино.

Пока оно не кончилось...

7 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 23—40.

– В следующий раз, поцарапавшись, используйте банальный йод. Или зелёнку. Здоровее будете! – процедил я, вскрывая огромный гнойник на плече несчастного тракториста.

– Так ведь подорожник же прикладывал! – начал было оправдываться тот.

– Ах да, конечно! Как я мог забыть! Сорвали у дороги лопух, им и полечились...

– Подорожник!

– Сорри, подорожник! Присыпанный, надо полагать, толстым слоем землицы? – злобствовал я, вычищая и дренируя гигантскую гнойную полость.

– Я ж его вытер! – в отчаянии взвыл мой пациент, извиваясь от боли.

Я добавил ещё новокаина и продолжил воспитательную беседу:

– Просто вытерли? Вот так вот – взяли и вытерли?

– Не-е! Поплевал сначала! – с достоинством уточнил болезный.

Я вздохнул и решил прекратить дискуссию ввиду наличия у оппонента явного преимущества в логике. Засунув в рану пару резинок и приладив поверх неё повязку с гипертоническим раствором, пробурчал:

– Завтра после обеда придёте на перевязку. Температуру меряйте: если повысится, придёте раньше!

Антон Иванович вывел фаната подорожников за дверь и через пару секунд вернулся, сияющий:

– Пал Палыч, всё! Нет больше никого!

Я взглянул на часы: до полуночи оставалось несколько минут. Однако!

– У вас тут всегда так... насыщенно? Ну, амбулаторный приём до ночи – это в порядке вещей, или просто мне сегодня так повезло?

Фельдшер замялся:

– Э-э-э... Ну... Почти!

– Почти что?

– Почти всегда! – виновато развёл руками Иванович, – Раньше, пока в Бедулино и Антоновке участковые больницы не позакрывали, у нас поспокойнее было. А теперь – со всех окрестных деревень народ, случись чего, к нам едет. Сюда-то ближе, чем в райцентр...

Фельдшер прервался на минутку, задумавшись, а потом ещё добавил мне радости:

– Хотя, знаете, сегодня и в самом деле народу побольше, чем обычно. Слух-то прошёл, что у нас доктор появился. Теперь косяком попрут!

Я поёжился. Через два месяца, похоже, я вернусь в Нероград истощённым организмом спокойных сине – зелёных тонов, с тихим таким, шелестящим голосом... Ах да, ещё и обросшим косматой бородой и шевелюрой а-ля Робинзон Крузо, поскольку стричься и бриться мне явно будет некогда. Ну и, разумеется, тени я отбрасывать не буду, потому как – нечем.

– Скажите, Антон Иванович, а как же вы? Вы сами, Клавдия Петровна, Мария Глебовна? Вас же тут трое всего, медработников, верно? И все до сих пор в больнице! Когда же вы отдыхаете, спите, в отпуск уходите?!

Фельдшер пожал плечами:

– Да как-то... Попривыкли уж. Дежури́м на дому, если что – ночью вызывают. В отпуск, правда, давно не ходили. Лет пять.

– Но это же... это же... – в волнении я даже не мог подобрать слов, – Так же нельзя, это крепостное право какое-то получается! Вы же просто привязаны к больнице, как, простите, пёс цепью к своей будке!

Антон Иванович немного удивлённо посмотрел на меня:

– А что делать, Пал Палыч? Вы же сами сказали – нас тут трое всего, медработников. А люди ж болеют, травмируются, травятся, тонут, угорают, обмораживаются... да мало ли что! Тут, на селе, знаете, какие случаи тяжёлые бывают? В городе такое и не снилось!

Я машинально кивнул. Знаю. Уже знаю.

– И все – к нам! – продолжал фельдшер, – И ведь никому не откажешь. Даже не потому, что долг медика и тэ дэ и тэ пэ. Мы живём тут, в Кобельках. И всех знаем, как облупленных: с кем-то детей крестили, с кем-то на охоту ходили, или там на рыбалку, кто-то мне крышу перекрывал, с кем-то в школе в подсобке целовались... – он улыбнулся, – Соседи мы тут все. А половина села – родственники второй половине. И как тут кому-то откажешь? Да после этого можно смело отсюда уезжать, потому что больше жизни в Кобельках тебе не будет...

Дверь в перевязочную распахнулась:

– Пал Палыч, большую привезли! – Клавдия Петровна выглядела встревоженной.

Я взглянул на часы: полночь. Джентльмены пьют и отдыхают...

– С чем?

– Криминальный аборт. Кровотечение.

Лихорадочно вспоминая, что полагается делать в таких случаях, я помчался вслед за фельдшерницей. Позади с топотом бежал Антон Иванович.

На улице темень стояла непроглядная. «Надо бы как-то освещение перед приёмным устроить!» – подумал я, направляясь к светлому силуэту машины, с трудом угадывающемуся в каких-нибудь трёх шагах от крыльца.

Кто-то услужливо распахнул передо мной заднюю дверцу:

– Сюда, доктор, тут она! – сообщил взволнованный мужской голос.

Я наклонился и полез внутрь. В салоне моя нога угодила в лужу: в левом туфле противно захлопало. «Где же они грязь-то нашли, дождя вроде не было?!» – пронеслось в голове.

Впрочем, едва слышимый стон, раздавшийся из темноты в каких-то сантиметрах от моего лица, заставил меня забыть о несущественном. Я вгляделся в темноту.

Прямо передо мной светилось лицо. Именно «светилось», потому что было оно таким белым, что даже полуночная темнота не в силах оказалась погасить, спрятать в себе эту белизну.

– На что жалуетесь? – от неожиданности задал я совершенно дурацкий и неуместный вопрос.

Белое лицо хранило молчание, лишь часто дыша и слегка постанывая. Наощупь я нашёл холодное тонкое запястье и сжал его пальцами. Пульс едва определялся.

Ладно, нет времени на вопросы. Всё – потом.

– Помогите её вытащить! – прокричал я, схватив хрупкое тело в охапку и пятась наружу.

Тут же рядом возникла ещё пара рук. Вдвоём с неизвестным мы извлекли обмякшую женщину из машины и на руках перенесли в приёмное отделение.

– В смотровую, давайте в смотровую её сразу же, Пал Палыч! И на кресло! – Мария Глебовна помчалась вперёд, открывая нужную дверь.

Умостив пациентку в гинекологическом кресле, я бросил своему невольному помощнику:

– Выйдите и ждите в коридоре!

Мужчина молча кивнул и скрылся за дверью.

– Пал Палыч, да вы же в крови весь! – всплеснула руками акушерка, указывая куда-то вниз.

Я посмотрел на свои ноги: весь левый туфель и штанина почти до колена были в крови. Меня замутило. Так вот, что за лужа была на полу в салоне машины! Господи, это сколько же из неё вытекло?! Литра два, не меньше! И до сих пор жива?!

– Полиглюкин, живо, ставьте струйно! В две вены! – рявкнул я ввалившимся в смотровую фельдшерам, – Головной конец кресла опустить, ноги ей задрать, как можно выше!

Антон Иванович с Клавдией Петровной захлопотали над бесчувственным телом.

– Мария Глебовна, что там? – вернулся я к акушерке, занятой осмотром.

– Лёт! – коротко ответила она и посторонилась, открывая мне обзор.

Из несчастной и в самом деле лило. Тёмно – красный ручей неспешно вытекал из её тела и жутковатым водопадиком низвергался на пол. Там уже образовалась приличных размеров лужа, которая растекалась всё больше и больше.

– Вен нет! – почти хором заявили фельдшера, – Спались! Давление не определяется!

Естественно, вены спались, если давление – почти на нуле! Я на секунду прикрыл глаза. Господи, за что мне всё это!

– Антон Иванович, садитесь на неё верхом, вот сюда, на живот! – скомандовал я, пытаюсь согнать разбегающиеся мысли обратно в мозг.

Фельдшер испуганно и с оттенком жалости выпучил на меня глаза:

– Зачем?!

– Будете пережимать брюшную аорту. Надавите кулаками вот сюда! – я показал, – Из всех сил будете давить, ясно?

– А почему я? – засомневался Иваныч.

– Потому что вы – самый упитанный! Лезьте, живо! – сделав страшные глаза, прикрикнул я на него.

Антон Иваныч мигом оседлал пациентку и надавил в нужном месте. Тёмный ручей тут же стал тонкой – претонкой струйкой.

– Подействовало! Ей-Богу, подействовало! – радостно воскликнула Мария Глебовна.

– Толку-то?! Иваныч слезет – опять ливанёт! – справедливо заметила Клавдия Петровна.

Я кивнул. Разумеется, ливанёт. Но пока мы выиграли немного времени:

– Набор для подключичной катетеризации есть? – безнадежно спросил я, предполагая ответ. И в самом деле, откуда такая роскошь? Реанимацию тут, похоже, сроду не проводили!

– Ага! – неожиданно кивнула фельдшерица и метнулась прочь из смотровой.

Я оторопел. Ну надо же!

Через минуту Клавдия Петровна вернулась со всем необходимым. Быстренько натянув перчатки, я поставил катетер в правую подключичную вену, затем – в левую. Мысленно благодаря судьбу за то, что подрабатывал в своё время медбратом в реанимации. Вот он, бесценный практический опыт! Впрочем, этим, собственно, он и ограничивался... Пока.

– Полиглюкин в обе вены, струйно! Добавить окситоцин и мезатон. Преднизолона девяносто! – распорядился я.

Клавдия Петровна завозилась с капельницами. Я вернулся к Марии Глебовне. Тёмная струйка не иссякала.

– Не выскоблили её до конца, – заметила акушерка.

Я вздохнул. Козе понятно, что неведомая бабка напортачила, делая аборт вязальной спицей (или чем там они делают?) Вопрос в другом: что нам-то делать? Пока из матки сифонит, как из прохудившегося ведра, все наши попытки вернуть несчастную жертву аборта к жизни – мартышкин труд. Есть, конечно, вялая надежда на то, что окситоцин заставит матку сократиться и кровотечение прекратится. Но, если в полости после выскабливания что-то осталось – окситоцин не поможет. А значит...

Я помотал головой, отгоняя мысль о том, что мне придётся сделать, если окситоцин не подействует:

– Значит так: ждём пять минут, оцениваем результат. Если кровить перестанет – отлично, после стабилизации давления повезём в район.

– А если нет? – поинтересовался багровый от натуги Антон Иваныч.

– А если нет – буду выскабливать сам. По жизненным показаниям. Мария Глебовна, стерильный набор для аборта есть?

Акушерка кивнула:

– А как же! В спирту храню, как знала.

– Отлично. Но лучше бы он не пригодился, – тихо пробормотал я.

Аборт мне доводилось делать лишь один раз. Даже не делать, а так: дали подержаться за рукоятку кюретки разок, во время практики в гинекологии после четвёртого курса. Теоретически, конечно, знаю, как это делается. Да и видел со стороны процесс. Но чтобы самому...

– Пал Палыч, я никогда сама не выскабливала! – прошептала мне на ухо акушерка, – Роды принимала, много. Даже осложнённые. Но аборт – ни разу! Боюсь я их...

Я шмыгнул носом. Спокойно, Маша, я Дубровский... Сам боюсь.

– Время! Антон Иваныч, сейчас на счёт «три» убираете руки. Но будьте готовы тут же вернуть их на место. Всё ясно?

Иваныч молча кивнул.

– Раз! Два! Три!

Фельдшер убрал руки и разогнулся. Я уставился на красную струйку. Только не расширяйся, пожалуйста, только не расширяйся!

Не расширилась. Просто хлынуло: даже сильнее, кажется, чем прежде!

– Давите! Давите, Антон Иванович! – заорали хором мы с акушеркой.

Фельдшер чертыхнулся и вновь навалился на живот несчастной. Кровяная река иссякла.

– Несите набор, Мария Глебовна! – обречённо распорядился я, чувствуя, как по моей спине строем прохаживаются ледяные муравьи.

Акушерка разложила на стерильном столике инструменты.

– Готово, доктор!

Я мысленно перекрестился и взялся за зеркала:

– Мария Глебовна, подержите вот так!

Она торопливо кивнула и перехватила рукоятки.

Так, смотрим, что тут у нас. Расширители не понадобятся, подпольная бабка – абортмахер поработала на славу: всё просто зияло. Пытаясь подавить дрожь в руках, я взялся за кюретку.

– Зеркала шире! – прикрикнул я на акушерку. И ввёл инструмент в кровоточащую полость.

Скребок, ещё один. Внутри явно что-то было: кюретка постоянно «спотыкалась» о какие-то препятствия. Легко, впрочем, их преодолевая.

«Только бы стенку не проткнуть!» – приговаривал я мысленно, методично, сантиметр за сантиметром, выскабливая полость матки. Пот градом катился со лба и заливал глаза. Завидев это, ко мне подбежала Клавдия Петровна и принялась заботливо промокать меня салфеткой.

– Спасибо! – благодарно кивнул я ей и продолжил своё занятие.

Сколько прошло времени, не знаю. Наконец, пройдясь ещё раз инструментом по стенкам полости и не встретив сопротивления, я осторожно извлёк кюретку наружу.

– Всё? – шёпотом спросила Мария Глебовна.

– Кажется, – так же, шёпотом, ответил я.

Сверху раздался натужный голос Иваныча:

– Ну, что, мне отпускать? Не могу больше, руки затекли. И спина.

– Отпускайте. Но сильно не расслабляйтесь: если что, придётся опять давить! – я отошёл на шаг. Что делать, если и сейчас кровотечение не остановится, я не знал. Вернее, знал, но прекрасно понимал, что в условиях Кобельковской больницы это недостижимо.

Антон Иванович вновь отнял руки от живота болящей и разогнулся. Три пары глаз уставились в... хм, в общем, куда надо уставились.

Наружу вялым толчком выплеснулась кровь вперемешку с какими-то сгустками. Акушерка с фельдшерицей хором охнули. Иваныч напрягся.

– Спокойно! – удержал его я, – нужно какое-то время, чтобы матка сократилась.

Сколько потребуется времени, я не представлял. Про себя решил, что подожду минуты три, не больше. Правда, если кровотечение будет продолжаться и после назначенного времени, мне придётся либо удалять матку, либо... Впрочем, другого «либо» не существовало. До райцентра мы пациентку не довезём, это очевидно. А всё, что можно было сделать тут, в Кобельках, мы уже испробовали.

– Может, на себя бригаду из ЦРБ вызвать? – шёпотом предложила Клавдия Петровна.

– Не успеют. Добираться будут час, не меньше! – возразила акушерка.

Я молча кивнул. Часа у нас не было. Даже, наверное, не было и четверти часа. Эх, была – не была!

– Идём на резекцию матки. Готовьте инструмент и операционное поле.

Женщины опять слаженно охнули и поглядели на меня, как на камикадзе.

– Инструмента стерильного нет! – виновато развела руками Кладия Петровна, – Кто ж знал-то?

– Обжечь в спирту, живо! Антон Иванович, слезайте: нужно обработать живот и лобок. Займитесь этим!

Иваныч с облегчением спрыгнул с несчастной и хлопотал над ней.

Я отрешённо стоял в сторонке, наблюдая за подготовительной суетой. И было мне ох, как хре... невесело.

Теоретически я помнил, как удалять матку. Практически – присутствовал пару раз на подобных операциях. Один раз даже удостоился чести подержать крючки. Я тогда вцепился в них и любовался отточенными, уверенными движениями рук хирурга.

Украдкой я взглянул на свои руки и огорчился ещё больше. Конечности мои заметно подрагивали от избытка адреналина в организме. Воровато оглянувшись по сторонам, я спрятал руки за спину. Чего позориться-то?

– Всё готово, Пал Палыч! – синхронно доложили фельдшера.

Рядом с истекающей кровью пациенткой уже стоял столик, накрытый стерильной простыней, на которой красовались свежеебожжённые хирургические инструменты. Живот несчастной женщины после антисептической обработки приобрёл лимонно – жёлтый оттенок и был обложен стерильными салфетками.

– Всё по-взрослому! – пробормотал я

– Что-что? – переспросила Клавдия Петровна.

– Отлично, говорю! – как мог, бодро заявил я, – Приступаем! Мы с Антоном Ивановичем и Клавдией Петровной моемся на операцию...

– И мы?! – недоумённо тянули упомянутые коллеги.

– И вы. Антон Иванович будет мне ассистировать, а вы, Клавдия Петровна, будете операционной сестрой. Подавать инструменты.

– А я? – возмутилась акушерка.

– А вы, Мария Глебовна, побудете анестезиологом. Поскольку наша пациентка в наркозе не нуждается, да и нечем его давать, будете следить за пульсом, давлением и обеспечивать медикаментозную терапию по моим назначениям. Всем задачи ясны?

– Ясны! – дружно гаркнула импровизированная операционная бригада.

– Отлично! Моемся!

– Пал Палыч!!! – заверещала вдруг акушерка так, что я невольно подпрыгнул.

– Ты чего орёшь, Машка?! – угрожающе зашипела на неё Клавдия Петровна.

– Пал Палыч, кровотечение остановилось! – на полтона ниже заявила Мария Глебовна и торжествующе обвела взглядом всех присутствующих.

Мы бросились к источнику кровотечения. Багровая река и в самом деле иссякла. Полностью. О недавней катастрофе напоминала лишь широкая полоса запёкшейся крови на коже.

– Слава Богу! – выдохнула Клавдия Петровна и широко перекрестилась.

Коллеги уставились на меня с таким благоговением, что мне стало неловко.

– Ну что же... Вот и славно. Сейчас давление поднимем, стабилизируем, в сознание приведём – и аккуратненько свезём в район, – смущённо пробормотал я, в душе откровенно ликуя, – Антон Иванович, что там с давлением?

– Сто на шестьдесят, пульс сто десять! – отрапортовал фельдшер через минуту.

– Отлично. Холод на живот. Пусть пока тут, на кресле полежит, в палату не отвозите. Мало ли что... – распорядился я, стянул перчатки и направился к выходу из смотровой.

Такого огромного облегчения, граничащего с восторгом, я не испытывал никогда прежде. Хотя, где-то в глубине души притаился коварный червячок сожаления: когда бы мне ещё довелось самому делать резекцию матки, да ещё и по жизненным показаниям?

«Радуйся, что всё обошлось, Пирогов хренов!» – оборвал я свои хирургические амбиции и взялся за ручку двери...

– Доктор, она не дышит! И пульса нет! – раздался позади вопль Иваныча.

Чертыхнувшись, я одним прыжком пересёк комнату и склонился над головой пациентки.

– Остановка сердца и дыхания! – ещё раз уточнил Иваныч.

Я поднял пальцами бледные веки: зрачки медленно расширились.

– Клиническая смерть! Антон Иваныч – на массаж сердца! Знаете, как?

Фельдшер кивнул, от души врезал кулаком по груди и принялся «качать».

– Четыре нажатия – пауза для вдоха, ясно? Считайте вслух!

– Раз, два, три, четыре... Вдох! – скомандовал Иваныч.

Я запрокинул голову несчастной, зажал ей нос и выдохнул весь воздух из своих лёгких в её.

– Дальше!

– Раз, два, три, четыре! Вдох!

Всё повторилось.

– Клавдия Петровна, нужны гармошка, маска, интубационный набор! Быстро! И ещё – дефибриллятор, – в перерывах между вдохами выпалил я.

– Есть только гармошка с маской! – протягивая мне их, фельдшерица выглядела виноватой.

Ладно, на безрыбьи – и рак рыба. Приладив маску к лицу умирающей, я разогнулся:

– В вену – лидокаин, адреналин, преднизолон. Обе капельницы открыть до максимума, чтобы водопадом лилось!

В смотровой опять воцарилась суета. Мы с Иванычем «качали», женщины хлопотали с капельницами и шприцами. Вот только на пациентку нашу все эти телодвижения никакого влияния не оказывали. Эх, дефибриллятор бы!

– Клавдия Петровна! – окликнул я фельдшерицу, – Срочно найдите мне длинный электрический провод с вилкой. Оторвите от чего-нибудь! И две ложки. Только не алюминиевые, стальные!

Она с недоумением уставилась на меня.

– Быстро! – подогнал я её, – И ещё – четыре пары перчаток.

Фельдшерица кивнула и испарилась.

– Дефибриллятор делать будете? – раскусил мой замысел изрядно вспотевший Иваныч, – Я где-то читал о таком.

– Вот и я где-то читал. Причём не уверен, что не в фантастической литературе! – подтвердил я и скомандовал, – Меняемся!

Поменялись. Теперь я «качал», а Иваныч – дышал. Остановился на миг, ткнулся пальцами в сонную артерию: нет пульса!

– Вот, всё принесла! – запыхавшаяся Клавдия Петровна свалила трофеи на столик.

– Отлично! Теперь очистите от изоляции оба конца провода и прикрутите к каждому из них по ложке!

Фельдшерица справилась с заданием довольно проворно:

– Готово!

– Мария Глебовна, подмените меня пока! – попросил я акушерку.

Та с готовностью принялась массировать сердце.

А я стал натягивать перчатки: одну пару, другую, третью... Натянув все четыре, взялся за ложки, разведя их подальше в стороны:

– Клавдия Петровна, воткните вилку в розетку!

– Да вы что, Пал Палыч?! Вас же током шарахнет!

– Не шарахнет, я заизолировался. Втыкайте же, время уходит!

Фельдшерица взвизгнула, воткнула вилку и зажмурилась.

Зажмурился и я. Но, через мгновение, приоткрыв глаза и обнаружив себя живым, приободрился:

– На счёт три убираем от больной руки! Раз! Два! Три!

Коллеги торопливо отпрыгнули от тела. Не теряя времени, я ткнул ложками в грудь несчастной. Затрещало, заискрило и противно запахло палёным мясом. Верхний свет замигал.

Я убрал ложки:

– Пульс?

Иваныч ткнул пальцами в шею пациентки:

– Нет ничего!

– Качайте дальше!

Фельдшер с акушеркой продолжили реанимацию. Выждав пару минут, я опять скомандовал:

– Отошли все! Разряд!

Под ложками вновь затрещало. Тело слегка дёрнулось.

– Пульс?

– Отсутствует.

– Продолжаем.

Тридцатая минута реанимации. Всё, что могли, мы уже испробовали. Но – увы... Даже импровизированный дефибриллятор не помог. Я приподнял бледные веки: зрачки, разумеется, были просто огромными и на свет не реагировали. Роговичных рефлексов тоже не наблюдалось.

– Прекращаем реанимацию. Антон Иваныч, зафиксируйте время биологической смерти, – я стащил перчатки и рухнул на стул.

В полной тишине мои коллеги принялись наводить порядок в смотровой. Накрыли тело простынью с головой, собрали разбросанные повсюду шприцы и салфетки. Иваныч уселся заполнять историю болезни. А я... я просто сидел и безучастно наблюдал за этой, никому уже ненужной суетой. Вот и первый крест вкопан на моём персональном врачебном кладбище.

Так прошло минут десять. Наконец, я начал приходить в себя:

– Клавдия Петровна, как вы тут поступаете с... трупами? – последнее слово выдавилось с огромным трудом.

– Обычно в ЦРБ увозим, в морг. Там вскрытие, ну и всё, что положено...

Я встал, подошёл к телу и откинул простынь с лица. Оно было бледным и спокойным.

– Что ж ты наделала, глупая? – тихо спросил я.

Синеватые, полупрозрачные веки дёрнулись и открылись. Я отшатнулся назад, налетев на акушерку.

– Что с вами, Пал Палыч? – удивилась она.

Вместо ответа я молча указал на покойницу. Та слегка приподняла голову и с видимым любопытством оглядывалась по сторонам.

– Мама! – басом прошептала Мария Глебовна и осела на пол.

Придерживая бесчувственную акушерку одной рукой, другой я нащупал артерию у ожившего трупа. Пульс был! Он бился ровно и уверенно.

– Э-э-э... – начал было я, но меня перебил незнакомый мелодичный голос за спиной:

– Здравствуйте! Меня зовут Аля. Пожалуйста, объясните мне, где я?!

Я обернулся. В дверях стояла ОНА: та самая «спящая красавица», которую привезли рыбаки несколько часов назад. Кутаясь в больничное одеяло, она смущённо улыбнулась и повторила:

– Давайте знакомиться: я – Аля. А вы кто?

7 сентября 1987 года, озеро близ Кобельков, 20—40.

– Лёнька, ну хватит уже, маньяк чёрттов! – Анята спихнула с себя мужа и, смеясь, выбралась из палатки.

Леонид, рыча и делая страшные глаза, успел поймать её за ногу:

– Я буду познавать тебя, женщина, всё глубже и глубже! Раз пять!

– Милый, я тоже хочу того... познаваться, – она наклонилась и чмокнула мужа в щёку, –

Но Марья сказала, что сейчас нам слишком часто нельзя!

– А кто у нас Марья? И что значит «слишком часто»? – вкрадчивым голосом вопрошал Лёнька, перебирая руками по ноге жены и медленно поднимаясь.

– Акушерка наша, Мария Глебовна, забыл? У меня матка в тонусе!

– Так это же хорошо, если в тонусе? – уточнил муж, выпрямляясь и обнимая Аняту.

– Наоборот, плохо! Может случиться... выкидыш, – споткнувшись на мерзком слове, тихо объяснила она.

– Ну уж нет, такого мы не допустим! – заявил Леонид, – Придётся мне померить пыл и собрать волю в кулак!

Анята опустила глаза, посмотрела, как муж «собирает волю в кулак» и прыснула:

– Так вот она какая, воля! Больно, наверное?

– Угу! – подтвердил он, морщась.

– Бедненький! – погладила мужа по макушке Анята, – Ну давай потерпим пока, а? У меня и в самом деле низ живота тянет немного.

Леонид встревожился:

– Так что же ты молчала? Мы бы не...

– Хотелось очень! – улыбнулась ему жена, – Да ты не переживай: я сейчас но-шпы тяпну, полежу с полчаса, всё и пройдёт. А ты пока ужин приготовишь. Кто-то, кстати, уху обещал! Не знаешь, кто?

– Мужик сказал – мужик сделал! – гордо заявил Леонид и принялся мягко заталкивать Аняту обратно в палатку, – Нютка, ты давай ложись и отдыхай. А я пока сплаваю к острову, раколовки проверю. Хочешь раков?

– Хочу, конечно! Только... – Анята запнулась. Внезапная, необъяснимая тревога накрыла с головой. До дрожи в поджилках и «гусиной кожи».

– «Только» – что? – переспросил муж, заботливо упаковывая её в спальный мешок.

– Ты... Ты побыстрее, ладно? – попросила Анята, пытаясь побороть дрожь в голосе. Получилось довольно-таки жалко.

– Ты чего, Нют? – Леонид приподнял за подбородок её голову, – Тебе совсем плохо, да?

– Нет, нет, у меня уже всё прошло! Почти прошло! – замотала она головой, – Просто... Не оставляй меня одну надолго, ладно? Как-то тоскливо мне...

– Так я вообще не поплыву никуда!

– А как же раки? – кисло улыбнулась женщина.

– Да леший с ними! Рыба есть, ухи наварю. Как обещал! – заявил Лёнька.

– Ладно уж, плыви давай. Правда, так раков захотелось! – Анята мечтательно закатила глаза. Тревога схлынула – так же внезапно, как и появилась.

– Уверена, что у тебя всё в порядке? – подозрительно поинтересовался муж.

– Уверена, уверена! Плыви, за меня не волнуйся. Раньше отплывёшь – раньше вернёшься: соскучиться не успею.

– Да тут плыть-то... За полчаса управлюсь. А ты подремли пока, – Лёнька чмокнул жену в нос и выбрался из палатки. Через минуту снаружи послышался его голос, – Нютка, я дров в костёр подкинул, так что – не вставай!

– Ладно, не буду! Спасибо! – крикнула она в ответ. И услышала, как зашлёпали по воде вёсла.

Тревожная тоска навалилась, будто только этого и ждала. Аня свернулась клубочком, пытаясь избавиться от бьющего её озноба. Тщетно: согреться не удавалось.

– Да что же это со мной такое?! – пробормотала она, слушая неприятный стук собственных зубов.

Тревога стремительно нарастала: теперь это была уже настоящая паника. Женщина с трудом сдерживалась, чтобы не выкарабкаться из спальника и не помчаться, сломя голову, куда угодно: в лес, в степь, в воду... И – бежать, бежать, или плыть, не останавливаясь, прочь от этого жуткого места.

Почему это чудесное местечко, которое они с мужем облюбовали и освоили давным – давно, стало вдруг жутким, Аня объяснить не могла. Но её подсознание, казалось, кричало во весь свой неслышимый голос: «Беги, беги отсюда!» И требовательно, часто молотило кулачками в грудь... Впрочем, это уже не подсознание, это сердце.

Повинуясь этой команде, женщина торопливо выскользнула из спального мешка и, трясясь всем телом, выбралась наружу.

Смеркалось. На озеро опустился туман, в котором едва различимы были очертания удаляющейся лодки.

Снаружи страх набросился на неё, будто стая оголодавших комаров. И точно так же укутал всё тело липким шевелящимся пологом.

– Лёня! – Аня попыталась крикнуть, но получился лишь какой-то несуразный хрип.

Она сделала несколько шагов и присела у костра. Протянула к пламени дрожащие руки. Теплее не стало. Зато рядом с огнём окружающие сумерки разом сгустились до почти полной темноты. Отчего стало ещё страшнее.

Аня опасливо покосилась в сторону леса. Тот стоял сплошной тёмно – синей стеной. И из-за этой стены кто-то пристально и недобро смотрел на сжавшуюся у костра испуганную женщину.

– Кто здесь? – прохрипела она, почувствовав на себе этот чужой взгляд.

Тишина. Даже эхо, такое весёлое днём, теперь увязло в тумане и сумерках. Аня до рези в глазах всматривалась в лес, но ничего, кроме сгущающегося мрака, не видела.

Устав, наконец, вглядываться в темноту, женщина опустила глаза. И замерла. На какое-то время даже её необъяснимый страх исчез... Вытесненный другим, вполне даже реальным.

Совсем рядом с костром лежала канистра. Пламя лениво облизывало её, когда могло дотянуться. А удавалось огню это всё чаще и чаще, потому что поднялся ветер. И канистра лежала в аккурат с подветренной стороны.

В канистре был бензин. Лёнька специально заправил не только бак их «Лады», но и эту железную посудину: для растопки и для небольшого электрогенератора, который заводился вечером и обеспечивал им необходимый минимум комфорта.

И вот теперь почти полная канистра бензина валялась рядом с Аней практически в пламени костра!

Женщина поспешно выхватила из огня прилично уже нагретую ёмкость и оттащила ко входу в палатку. Подальше от жадных языков пламени.

За этим нехитрым занятием Аня и не заметила, как вернулся Её ужас. Как только женщина разогнулась, поставив канистру у нейлоновой (или из какой там другой синтетики шьют палатки?) стенки, страх хищно вспрыгнул на её плечи. Пригибая, прижимая ледяными своими лапами к земле.

Невольно застонав, Аня вползла в палатку и закрыла на «молнию» вход. Будто можно было этим отгородиться от преследующего её ужаса.

Господи, как холодно-то! Трясаясь всем телом и выбивая зубами частую дробь, женщина забралась в спальный мешок. Подумала немного – и застегнула над головой замок.

Уютно устроившись в тёплой, душной темноте импровизированного кокона, Анюта попыталась унять противную, изрядно уже ей надоевшую дрожь. И на этот раз это почти удалось. Слегка успокоившись, женщина задремала.

Леонид выдернул со дна очередную раколовку и удовлетворённо хмыкнул: в сетке вяло шевелились, грозно топорща усы и поигрывая внушительными клешнями, с десяток весьма упитанных раков. Ещё один-два таких уловов – и, глядишь, целое ведро наберётся! А непроверенными остались ещё шесть ловушек.

Молодой человек торжествуя поднял трофей над головой и обернулся в сторону берега. Разумеется, Анюта не могла его увидеть: стемнело уже, да и туман плотно накрыл озеро. Даже берега не видно, хотя до него по прямой всего-то каких-нибудь метров триста. Если бы не жёлтое пляшущее пятно костра, ни за что бы не разобрал, в какую сторону плыть к их палатке.

Лёнька швырнул сетку с невезучими раками на дно лодки и взялся за вёсла. Пора поскорее проверить остальные раколовки, да и возвращаться. Там Нютка ждёт: тёплая, сонная и мягкая.

Он улыбнулся, вспомнив всё, что происходило в их палатке всего-то час назад. И, охваченный острым желанием, быстрее заработал вёслами. Лодка вздыбила нос и со скоростью торпедного катера понеслась вдоль острова.

Леонид покосился на берег. Пламя костра по-прежнему мерцало в тумане, служа своеобразным маяком. А рядом с ним...

Лёнька бросил вёсла и резко привстал в лодке, отчего та чуть не опрокинулась. Рядом с далёким пляшущим оранжевым пятном появилось ещё одно. Пока маленькое, робкое, но с каждой секундой расплзающееся по темноте всё шире и шире. В аккурат в том месте, где была палатка. В которой спала Анюта!

– Нютка! – не помня себя от навалившегося ужаса, закричал Леонид, – Нютка, беги из палатки!

Тишина в ответ. Даже эхо куда-то пропало. А жуткое пятно света на берегу, будто подстёгнутое криком, выплеснулось высоко вверх и победно заплясало на усилившемся ветру.

Лёнька вновь схватился за вёсла и со всех сил погрёб к берегу. Лодка неслась, будто подталкиваемая мощным мотором, но всё-таки, недостаточно быстро. Молодой человек грёб, бормотал что-то себе под нос, всхлипывал и кричал, кричал... Понимая уже, что в том пламени на берегу не осталось никого, кто мог бы ему ответить.

Словно в подтверждение этой страшной догадки, огонь внезапно взметнулся высоко вверх клубящимся багрово-чёрным столбом, напоминая миниатюрный ядерный «гриб». И тут же донёсся хлопок взрыва.

«Канистра!» – догадался Лёнька, не в силах оторвать остановившийся взгляд от буйствующего на берегу пожара.

Там горело всё: огромное пламя теперь выхватило из мрака даже далёкий лес. Вся узкая прибрежная полоска земли, на которой совсем недавно стояла их палатка, теперь была охвачена огнём. И, кроме огня, ничего там не было. И никого.

Лёнька бросил вёсла и дико, по-волчьи завывл.

7 сентября, посёлок Ноябрьский, ЦРБ, 18—15.

Участковый присел на ступеньки больничного морга рядом со старым патологоанатомом. Неторопливо достал сигарету, закурил. Помолчали оба, наблюдая, как тонкая струйка дыма от лейтенантовой сигареты сливается с основательными густыми клубами из трубки доктора.

– Что думаете, Абрам Меерович? Причину смерти установили?

Старик вынул трубку изо рта, прокашлялся и констатировал:

– Утопление. Банальнейшее утопление, милейший Семён Михалыч.

– Но...

– Знаю, знаю, голубчик, вы, верно, хотите меня спросить, каким образом молодая, абсолютно здоровая женщина умудрилась утонуть в нескольких метрах от берега, где глубина едва дотягивает до колена? Так я вам отвечу, как на духу: не имею ни малейшего понятия! – патологоанатом раздражённо пыхнул трубкой.

– И опять...

– И опять беременная, вы совершенно правы! – вновь перебил лейтенанта Абрам Меерович, – Одиннадцатый случай за последние два месяца! Признаться, я начинаю находить это несколько необычным. А вы?

– Двенадцатый.

– Что, простите?

– Двенадцатый случай. Одну погибшую родственники забрали без вскрытия, – тихо уточнил участковый.

– Ах, вот даже как? Ну, тем более: за два месяца в окрестностях ваших Кобельков по разным причинам погибли двенадцать беременных женщин. Двенадцать, Семён Михалыч! Причём, заметьте, не по причинам, связанным с внутренними болезнями. Все эти дамы погибли в результате несчастных случаев! Утопление, падение с высоты, электротравма, отравление (случайное, разумеется!) и тому подобное. Ах да, чуть не забыл: одна из этих несчастных просто задохнулась во сне! Будто младенец! – старый врач наклонил голову и заглянул в глаза лейтенанта, – Меня всё это, мягко говоря, удивляет. А нашу доблестную милицию, как я понимаю, нет?

Участковый покачал головой и глубоко затынулся:

– Удивляет, Абрам Меерович! Весьма удивляет. Но по каждому случаю силами районного УВД проводилось тщательное расследование...

– И?

– И – ничего. Это и в самом деле были несчастные случаи. Никаких следов преступления и преступника. Никаких улик. Никаких зацепок. Да и в самом деле, если предположить, что всех этих женщин убили, то – кто? И, что главное, – зачем? Их ведь ничего не связывало. Каков мотив?

– Как это – «не связывало»?! А то, что все они были в положении – чем не связь? А то, что все они погибли в радиусе двадцати – тридцати вёрст от Кобельков? Это что, геопатогенная зона такая? Гиблое место, как говаривали прежде? А мотив, – это, знаете ли, задача следствия – мотив определить! Даже я сейчас, не сходя с этого места, предложу вам пяток гипотез по поводу мотива! Но я-то не сыщик. Не моё это дело – следственные версии выстраивать.

Лейтенант вздохнул:

– Так предложите, Абрам Меерович! Чем чёрт не шутит, вдруг и в самом деле мы чего-то не замечаем. Иногда полезен взгляд со стороны, сами знаете.

– Знаю. Вот вам первый мотив: имеется некая психопатичная дамочка с неудавшейся личной жизнью, бездетная и, возможно, бесплодная. Она не может спокойно переносить существование более удачливых в семейном вопросе женщин. И целенаправленно истребляет беременных. Мотив – зависть и месть. Она мстит им за счастье, которого лишена сама. Принимается?

Михалыч кивнул головой:

– Принимается. Я и сам подумывал о чём-то подобном.

– Хорошо. Вот ещё мотив: женщина, которая не доносила по каким-то причинам ребёнка. Как говорит нынешняя молодёжь, на этой почве у неё поехала крыша. И наша гипотетическая

дамочка теперь пытается не дать доносить беременность другим женщинам. Тонко инсценируя несчастные случаи. Возможно такое?

Участковый молча кивнул.

– А как вам такая версия: есть некая секта, которая решила, что в районе ваших Кобельков в скором будущем должен родиться Антихрист. И вот фанатики начинают рьяно истреблять всех беременных в округе, устраивая своеобразную профилактику. Что-то вроде метода царя Ирода.

Старик выбил потухшую трубку о перила крыльца и принялся сосредоточенно прочищать её замысловатым инструментом.

– Видите ли, Абрам Меерович, мы с вами можем до полного изумления сидеть тут и придумывать мотивы убийств. Но... есть одно, огромное «но»! Ни в одном из случаев не был доказан сам факт убийства. Поверьте, мы искали весьма и весьма тщательно! Преступник всегда оставляет следы, это аксиома. Мы могли бы не найти их в первом случае, во втором, в третьем, наконец! Но не найти ничего, что могло бы позволить предположить убийство в *двенадцати* случаях, – это, знаете ли, из области сказок. Не было убийств! А значит – и мотив искать незачем. Думаю, мы имеем дело с каким-то чудовищным, невероятным стечением обстоятельств...

Патологоанатом с прищуром взглянул на милиционера:

– Скажите мне, Семён Михалыч, как на духу: вы сами-то в подобные совпадения верите?

Лейтенант надолго замолчал. Неторопливо вытащил из кармана пачку, зацепил губами сигарету, прикурил. И только тогда, когда столбик пепла дорос почти до фильтра, ответил:

– Не верю, Абрам Меерович. В том-то и дело, что – не верю! Как говорится, печёной чую, что нечисто здесь, а зацепок найти не могу. И следователи из района – тоже не могут.

– Ищите, товарищ лейтенант, – патологоанатом усмехнулся и встал, покряхтывая, – Наплюйте на факты и верьте вашей печёнке. Это не несчастные случаи, это – убийства. И чем дольше вы будете отгонять от себя эту простую мысль, тем больше жертв получите. Ищите, Семён Михалыч. Этого мерзавца надо остановить.

– Или мерзавку! – уточнил участковый и тоже поднялся.

– Или мерзавку, – согласился старик.

14 августа 1987 года, окрестности Бедулино, 13—36.

Велосипед, наконец, одолел крутой подъём и теперь весело катился по узенькой тропинке, протоптанной по гребню длинного холма. Слева внизу, прямо под откосом, блестели рельсы железной дороги. Поезда здесь ходили редко, поэтому Женя без особых опасений накручивала педали, торопясь попасть домой к обеду. Муж и так бурчал недовольно весь вчерашний вечер, когда она заявила ему, что поедет к акушерке в Кобельки на велосипеде.

– Женька, ну куда тебе на восьмом-то месяце на велике гонять?! Давай я тебя на машине отвезу: тридцать минут туда, тридцать обратно. За час-полтора управимся. А на велосипеде своём – полдня потеряешь. Да и растрясёшь живот, не дай Бог, родишь раньше срока где-нибудь в поле. Как крепостная крестьянка.

– Типун тебе на язык! – она шутливо шлёпнула мужа по губам, – Не рожу я в поле, не бойся. А велосипедные прогулки для беременных очень даже полезны, я статью читала в «Здоровье». Хочешь, покажу?

– Нужна мне твоя статья! Не понимаю, зачем так рисковать, если можно спокойно съездить на машине? – муж не унимался.

– Объясняю: погода замечательная, птички поют, воздух свежий... Едешь себе спокойно, крутишь педали и наслаждаешься окружающим великолепием. А в твоей машине трясёт и бензином воняет! Меня от этого тошнит.

В-общем, настояла на своём. И не пожалела. С утра-пораньше выехала, к десяти уже была в Кобельках. Мария осмотрела, сказала, что всё хорошо, дала какие-то витамины. Женья посплетничала с ней немного, да и подалась в обратный путь.

Тропинка прижалась почти вплотную к крутому откосу. Женья чертыхнулась: вправо принять тоже не было никакой возможности – к тропе подступили густые заросли кустов. Пришлось значительно сбавить скорость, чтобы не скатиться случайно на железнодорожное полотно.

Ветви довольно больно захлестали по ногам. «Угроздило же меня! – подумала Женья, старательно направляя переднее колесо по воображаемой осевой линии тропинки, – Надо было по просёлку ехать, потеряла бы лишние полчаса, зато – никаких тебе проблем! А тут, мало того, что приеду вся исцарапанная, так ещё и вниз, того и гляди, свалюсь...»

Она покосилась влево. Метров десять до полотна, не меньше! Если, не дай Бог, колесо туда вильнёт – мало не покажется.

Женщина отвернулась от обрыва, отгоняя ненужные мысли. И сконцентрировалась на дороге, не позволяя велосипеду ни на сантиметр отклониться в сторону.

Сзади послышался невнятный пока, но нарастающий шум. Занятая удержанием равновесия, Женья не сразу обратила на него внимание. А когда поняла, что это, почувствовала, как холодеет спина. Это на жаре-то!

Поезд. Её нагонял поезд! Не рискуя оглянуться, женщина по звуку пыталась определить, когда состав поравняется с ней. И зачем-то, по велению непонятного инстинкта, крутила педали всё быстрее и быстрее, словно пытаясь убежать от приближающегося многотонного монстра.

Разумеется, тщетно. Боковым зрением Женья увидела, как совсем близко под её левой ногой показалась крыша электровоза. И тут же умчалась вперёд, вытащив за собой в поле зрения огромные чёрные цистерны, увенчанные испачканными какими-то маслянистыми потёками горловинами.

Товарняк резво пробежал под Женьей, обдавая её тёплым ветром, смешанным с бензиновой вонью. Женщину замутило: этот запах она во время беременности перестала выносить совершенно!

Борясь с подступающими рвотными позывами, Женья изо всех сил пыталась удержать велосипед на тропинке. Сквозь навернувшиеся слёзы она с трудом могла разглядеть, что творится впереди. И молила Бога, чтобы проклятый товарняк поскорее прошёл мимо.

А он всё не проходил. Внизу с ритмичным грохотом проносились грязные цистерны, и конца им не было.

Вдруг, сквозь влажную пелену Женья увидела, как кусты справа зашевелились, вспухли тёмным комом и растопыренными ветвями в мгновение столкнули её вместе с велосипедом с тропинки. Вниз, к поезду!

Колёса весело запрыгали по крутому откосу. Сама не понимая, что делает, Женья пыталась рулём удержать взбесившийся велосипед в вертикальном положении. И ей это удалось.

Набрав бешеную скорость, двухколёсная машина подскочила на кочке и, будто с трамплина, влетела точно в узкое пространство между двумя несущимися цистернами.

«Испачкаюсь вся!» – успела подумать Женья, заметив стремительно надвигающуюся на неё стальную стену в чёрных масляных потёках.

Товарняк легко перемолол колёсами неожиданное препятствие и умчался. Вновь наступившую тишину нарушало лишь ленивое пение утомлённых жарой птиц.

8 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 03—15.

– Итак, подведём итоги. Вы не знаете, как попали на тот остров, не знаете, почему оказались там без одежды, не можете вспомнить, кто вы и откуда, не помните вообще ничего до того

момента, как проснулись в палате моей больницы. Так? – стараясь говорить строго, я не мог оторвать глаз от загадочной пациентки.

А она сидела напротив за обшарпанным письменным столом в моём кабинете, отпивала маленькими глотками горячий чай из огромной больничной кружки и тихо улыбалась чему-то. Казённый фланелевый халатик мышинного цвета смотрелся на ней, как вечернее платье.

– Так, – Аля вскинула на меня глаза и виновато пожала плечами. Её улыбка, до сих пор едва намеченная на пухлых по-детски губках, теперь заиграла в полную силу.

Немногие оставшиеся мысли мигом покинули мой мозг. Забыв обо всём, я любовался этим лучистым чудом и не понимал, как это раньше я мог обходиться без её улыбки. Вид при этом, видимо, у меня был совершенно идиотский.

– Я и в самом деле не могу вспомнить ничего из своей жизни, доктор! – немного жалобно сказала девушка, не переставая улыбаться.

– Павел!

– Простите?

– Меня зовут Павел. Поскольку вы, по моему разумению, абсолютно здоровы и лечить я вас не собираюсь, можете не обращаться ко мне, как к врачу. А что касается вашей странной амнезии – так это не по моей части, – пояснил я.

Аля помолчала немного. И очень серьёзно посмотрела мне в глаза:

– Хорошо, Павел. Или Пал Палыч, как вас зовут коллеги?

– Павел. Просто Павел, – уточнил я и внутренне хмыкнул, – «Бонд. Джеймс Бонд!»

Чтобы скрыть собственное замешательство, я уткнулся в свою чашку.

– Обращение по имени у вас ко многому обязывает, верно? – девушка по-прежнему пристально рассматривала меня, слегка склонив голову набок.

Я поперхнулся чаем:

– У кого это «у нас»?! Насколько мне известно, обращение по имени не налагает каких-то дополнительных обязательств. На вас, Аля, по крайней мере – точно! – я прокашлялся и продолжил, – Впрочем, если вам неудобно, можете обращаться ко мне по отчеству.

– Нет, нет, что вы, вполне даже удобно! – она слегка поморщилась и помассировала виски, – Вы простите, Павел, я, наверное, кажусь вам странной?

«Ещё какой!» – мысленно подтвердил я, не сводя восхищённого взгляда с прекрасного лица.

– Я и сама чувствую, что говорю что-то не то... Знаете что? Не обращайте внимания на эти мои... странности! Пожалуйста, Павел, считайте это побочным эффектом потери памяти. А я постараюсь как можно быстрее прийти в норму. Договорились?

«Да как же тебе откажешь-то?!» – умилился я про себя, а вслух торжественно произнёс:

– Договорились! – и зачем-то сурово сдвинул брови.

Аля рассмеялась:

– У вас очень забавный вид, когда вы пытаетесь выглядеть строже и старше, чем на самом деле!

Я открыл рот... и тоже расхохотался:

– А ведь вы меня раскусили! Неужели так заметно, что я пыжусь?

– Да как вам сказать? Мне – заметно. И мне это нравится.

– Это почему же?

– Потому что, если бы вы на самом деле были таким, каким пытаетесь казаться: суровым, чопорным и серьёзным, – вы были бы невероятным занудой! – смеясь, пояснила Аля и на миг коснулась пальчиками моей руки.

Никогда меня не било током, но ощущение, наверное, схожее. Упругий, живой комок обжигающего тепла от её пальцев в мгновение ока прокатился под кожей моей руки, нырнув

в грудь. И взорвался там пульсирующим горячим фонтаном, вмиг наполнив огнём самые отдалённые закоулки моего тела.

Исчезло всё:

...ободранный стол в скромном кабинете затрапезной земской больнички...

...ночь, наполненная запахом крапивы и орущими сверчками...

...дружный лай деревенский псов, будто сошедших нынче с ума и не умолкающих ни на миг вот уже почти час...

...это странное место под названием «Кобельки», начавшее с аппетитом пережёвывать своего нового доктора...

...даже дикая, свинцовая усталость этих бесконечных, первых моих врачебных суток...

Исчезли мысли и слова...

Осталось лишь тепло от её пальцев на моей руке. И глаза... Смеющиеся зелёные глазищи, заглядывающие в самую душу и освещающие её уголки лучами ласкового, живого света.

(Охарактеризовать своё состояние тогда, в тот самый момент, когда Аля впервые невзначай коснулась меня, я не смог. Много позже, уже немного придя в себя, я решил, что испытал то, что в книгах называют простым и ёмким словом – «Восторг». Именно так, с большой буквы!)

Девушка давным – давно отняла руку, а я всё сидел в той же позе, боясь пошевелиться и спугнуть это восхитительное чувство.

– Павел, вам нехорошо? – её голос вывел меня из сладкого оцепенения.

– Нет, наоборот! – пробормотал я, во все глаза рассматривая свою руку. Алиных пальцев на ней уже не было. Но я по-прежнему их чувствовал!

– Наоборот? – заинтересовалась она и тряхнула копной рыжих волос, – Это как?

– Наоборот – хорошо! – признался я и рассмеялся, – Аленька, я не знаю, как вы это сделали, но у меня совершенно прошла усталость после нынешнего безумного дня! И ещё... вы не поверите!

Она прищурилась:

– А вдруг поверю?

– Вряд ли. Сам не верю: я спать не хочу!

Девушка демонстративно взглянула на настенные часы и сдвинула брови:

– Вы правы. Не верю! – и, рассмеявшись, встала и подошла к окну, – Красиво тут, правда?

Я подошёл и встал рядом:

– Да, днём очень красиво. Только сейчас ведь не видно ничего. Темно.

– Ах, да! Темно... – будто спохватившись, подтвердила Аля.

В законной темноте, в невидимых Кобельках с новой силой радостно затыкали собаки.

– Интересно, это они каждую ночь такие концерты устраивают, или только сегодня? – пробормотал я.

– Собаки-то? Только сегодня, – уверенно ответила Аля.

Я в недоумении посмотрел на неё. Она-то откуда знает?

– Павел, вы же обещали не обращать внимания на некоторые мои странности, верно? – девушка резко повернулась ко мне. Глаза её из зелёных почему-то стали карими, – Ну да, я знаю, что местные псы так шумят только сегодня! Но представления не имею, *откуда* я это знаю! Поверьте, меня саму это весьма и весьма интересует.

– Аля, не злитесь. Уверен, со временем вы всё вспомните. Я вовсе не пытаюсь выяснить у вас то, чего вы не знаете сами, – я улыбнулся и осторожно взял её под руку, – Давайте лучше вернёмся к чаю. У нас ещё есть ряд очень важных вопросов для обсуждения.

Девушка послушно вернулась за стол.

– Так какие же такие важные вопросы вы намерены обсудить? – её улыбающиеся глаза вновь стали зелёными.

Чудеса, да и только! С огромным трудом я заставил себя переключиться на деловую волну:

– Аля, есть проблема. Видите ли, я не знаю, что мне с вами делать...

Она удивлённо подняла брови:

– О чём вы?

– Я поясню. Поскольку физически вы совершенно здоровы, находиться вам в этой больнице нет никакого резона: мне лечить вас неотчего и незачем. Я не специалист по амнезиям и совершенно не смогу помочь вам вернуть память...

– Но...

– Пожалуйста, дослушайте меня до конца! Не уверен, что и райцентре найдётся необходимый специалист. Но, как бы то ни было, мне придётся направить вас в район, а оттуда уж вас, вероятно, перенаправят для обследования и лечения в областной центр, – говоря всё это, я с ужасом понимал, что именно так мне и следует поступить, – Кроме того, вполне вероятно, что вас уже разыскивают ваши близкие... а значит, обязательно нужно сообщить в милицию о том, что вы нашлись. Дать в газеты и телевидение вашу фотографию, приметы... ну, не знаю точно, как там это делается, но сообщить о вас необходимо.

Я умолк, переводя дыхание.

– Меня никто не ищет, Павел, – тихо сказала Аля. Так уверенно, что я сразу понял – и в самом деле, не ищут.

– Откуда вы... – начал было я, больше по инерции.

– Просто знаю. Как про собак, – невесело улыбнулась девушка, – Более того, меня некому искать. Это я тоже знаю.

– Вы... сирота? – оторопело уточнил я.

Она пожала плечами:

– А вот это мне неизвестно. Пока.

Я молчал, не зная, что и сказать.

– Павел, я не хочу никуда уезжать отсюда. Я... я не готова. Пожалуйста, позвольте мне пожить здесь! – в её просьбе явственно слышались нотки отчаяния.

– «Здесь» – это в Кобельках? – уточнил я.

Аля помотала головой:

– Здесь, в больнице. Тут же есть свободные палаты, верно?

– Но...

– Я не буду доставлять неудобств, обещаю. Я могу даже поработать у вас тут... в качестве санитарки, например! Вы не думайте, я смогу ухаживать за больными, у меня получится! И ещё: я, кажется, готовить умею... – не очень уверенно добавила она, как бы прислушавшись к себе.

Я вздохнул. Представить себе это хрупкое, неземное создание выносящей судно или перестилающей лежачего больного у меня как-то не получалось.

– Пожалуйста, Павел! – Аля умоляюще сложила ладошки на груди, – Позвольте мне пожить здесь!

Я откашлялся, прочищая горло:

– Аля, я не могу вас выгнать из больницы, потому что, пока вы не вспомнили, где ваш дом, идти вам некуда...

Она с готовностью кивнула.

– В район, как я понимаю, вы ехать категорически отказываетесь?

Аля часто закивала головой:

– Абсолютно категорически! Как и в область!

– Насильно я вас, разумеется, отправить не могу. И не хочу, если уж быть предельно честным.

Девушка улыбнулась:

– Значит...

– Значит, вы остаётесь при больнице! – резюмировал я, – До утра – в качестве пациентки, в той же палате. А утром я распоряжусь, чтобы Клавдия Петровна подготовила для вас жилую палату, тут есть ещё одна свободная.

Аля радостно засмеялась и захлопала в ладошки:

– Вот спасибо, Павел, вы – прелесть!

– А вот тут вы ошибаетесь: вовсе я не прелесть! – я опять сдвинул брови и заговорил строго (по крайней мере, мне так показалось!) – С завтрашнего дня приступите к исполнению обязанностей санитарки Кобельковской участковой больницы. Ваши должностные обязанности утром вам разъяснит всё та же Клавдия Петровна.

– Уверю вас, доктор, у меня всё получится! Спасибо за доверие! – Аля говорила серьёзно, даже торжественно, но в зелёных глазах плескался смех.

– И ещё... – я решил сразу же расставить все точки над «і».

– Да, доктор? – девушка была воплощением смирения и послушания... но верилось в это слабо.

– Аля, я завтра же приглашу сюда местного участкового. Его зовут Семёном Михалычем и он производит впечатление очень порядочного человека и хорошего специалиста. Я хочу, чтобы он помог вам найти вашу прошлую жизнь. Ну и, разумеется, придётся пройти какие-то формальные процедуры: у вас же нет никаких документов, ничего!

Девушка пожала плечами:

– Павел, делайте всё, что считаете необходимым. Уверена, вы поступаете правильно.

Я с облегчением выдохнул и улыбнулся:

– Вот и славно! Значит, договорились.

– Договорились! – тоже с улыбкой, подтвердила Аля.

– А теперь, голубушка, ступайте в палату и ложитесь-ка спать! Пока ещё вы на правах пациентки, а больничный режим никто не отменял. Да и я бы, с вашего позволения, вздремнул до утра, – я посмотрел на часы и покачал головой, – Собственно, утро-то уже наступило! Ладно, Аленька, и в самом деле – пора на боковую. Позвольте, я вас до палаты провожу. Засиделись мы с вами, однако!

– Вы тоже странный, Павел! – констатировала девушка уже в дверях своей палаты.

– Это почему же? – я остановился и обернулся к ней.

– С вами не страшно время! – загадочно произнесла Аля и закрыла за собой дверь.

8 сентября 1987 года, Кобельки, участковая больница, 11—45.

Я наложил последний шов на бедро незадачливого торреадора, полюбовался аккуратными стежками и приладил поверх них повязку:

– Ну-с, вот, пожалуй, и всё. Будете приходить ко мне на перевязки каждый день после обеда.

– Спасибо, доктор! – пробасил селянин и принялся слезать со стола.

– Виктор э-э.. Петрович! – окликнул я его, когда он принялся натягивать штаны.

– Чё? – абориген замер в пикантной позе.

– Большая личная просьба: не дразните больше быков!

Виктор Петрович широко разулыбался и разогнулся:

– Так я ж его и не дразнил! Иду, гляжу – стоит. И дышит так, тяжело: уф-ф, уф-ф-ф! Ну, я подошёл, встал напротив и тоже дышу...

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы жить! – изумился он моей непонятливости.

– Да я не о том... Для чего вы дышите, я догадываюсь. Зачем к быку-то подошли?
– А чё он стоит? – резонно возмутился Виктор Петрович.
– Действительно, – согласился я, – И что потом?
– А что потом? Постояли, подышали. Потом он ка-ак дыхнёт на меня! С меня аж кепку снесло. Ах ты ж, думаю, скотина такая! И в обратку ему!
– Что?! – не понял я.
– Ну, это... Воздуха набрал и на него дыхнул!
– А он?
– А он меня – рогом за ногу поддел, да и швырнул... в навоз прямо! И ушёл. С-с-скотина! – с чувством закончил свою печальную историю быконенавистник.
– Радуйтесь, что ушёл, – пробормотал я. И в самом деле, терпению быка можно было позавидовать: амбре, источаемое Виктором Петровичем, разбудило бы зверя даже в ягнёнке. Впрочем, вру: ягнёнка один выдох моего пациента попросту убил бы. На месте.
В перевязочную заглянула Клавдия Петровна:
– Пал Палыч, там Семён Михалыч в вашем кабинете ждёт. Он уже закончил.
– Иду! Вы там ему чаю предложите, что ли, – отозвался я, стаскивая перчатки.
Фельдшерица ухмыльнулась:
– Третью чашку уже пьёт! Чегой-то он взволнованный какой-то, – и скрылась за дверью.

Участковый и в самом деле был слегка не в себе. Его спокойная уверенность, которая так понравилась мне в нашу первую встречу, куда-то испарилась. Лейтенант усердно хлебал чай и весь был каким-то взъерошенным.

– Ну-с, и каким будет твой вердикт? – поинтересовался я, присаживаясь напротив и придвигая к себе вторую чашку, – Наша новая пациентка – кто она?

Михалыч отставил чашку и обеими руками схватил себя за голову. Посидел так молча с минуту. Я терпеливо ждал.

– Нехорошо стало в Кобельках! – неожиданно выдал он.

– Начало многообещающее. А поподробнее? – я отпил глоток и посмотрел на измученного лейтенанта поверх чашки.

– У нас люди гибнут, Палыч! – участковый упорно говорил загадками.

Я молча ждал продолжения.

– Понимаешь, за последние два месяца в округе по разным причинам погибли тринадцать женщин. И, что характерно, все – беременные.

Я поёжился. И в самом деле, жутковато.

– Следов – никаких! Каждый раз – несчастный случай. Причём, случаи-то все – разные, повторений нет! Никаких свидетелей, никаких улик, ничего! Хотя, не совсем! – Семён Михалыч с шумом глотнул из чашки и продолжил, – Сегодня ночью опять погибла беременная. Сгорела в палатке, на берегу озера. Нашёлся свидетель, он же – подозреваемый. Муж. Утверждает, что отплывал на соседний островок за раками, когда всё и случилось. Сам понимаешь, проверить, так ли это, нет никакой возможности.

Я кивнул. Разумеется, если других свидетелей нет, никак не проверишь.

– Мужа, конечно, арестовали?

– Конечно. Хотя лично я уверен, что он не врёт. Мужик просто в шоке от случившегося. И он не играет.

Я пожал плечами:

– Тебе виднее. Ты считаешь, что эта смерть как-то связана с предыдущими? Если да – то муж и в самом деле ни при чём.

Лейтенант хлопнул меня по плечу:

– Зришь в корень! Главный вопрос: это серия убийств или и в самом деле лишь цепочка совпадений?

– Я не верю в совпадения, Михалыч! Тем более – в *такие* совпадения, – безапелляционно заявил я.

– Вот и я – не верю. А в райотделе, и даже в области – верят. «Нет оснований для возбуждения уголовного дела!» – раздражённо передразнил участковый кого-то, мне неизвестного, – Зато сегодня основания сразу же нашлись! И упекли несчастного мужика в кутузку ни за что, ни про что!

– Может, всё-таки, есть за что? – осторожно поинтересовался я.

Михалыч махнул рукой:

– Да Лёнька ни при чём. Я его, как облупленного знаю. И Нютку его тоже... знал. Не мог он её..., – участковый внезапно охрип и вновь уткнулся в свою чашку.

Помолчали. Гостеприимные Кобельки начали вырисовываться для меня с другой стороны. Мрачноватой.

– Все погибшие – местные?

– Имеешь в виду – из Кобельков? Да нет, конечно, откуда у нас тут столько беременных-то наберётся?! Из нашей деревеньки – четверо. Это включая Нинку Смурякову, которую ты вчера днём в озере нашёл. Остальные – из окрестных сёл: Бедулино, Соколовка, Антоновка... Все – в радиусе двадцати – тридцати километров от Кобельков.

– Значит, если предположить, что всех этих женщин убили, то убийца обосновался здесь? – блеснул я дедукцией.

Участковый согласно кивнул:

– Похоже на то.

Теперь я схватился за голову:

– Дела! Это что же, у вас под носом разгуливает маньяк, а его даже никто не ловит?

Михалыч угрюмо пробурчал:

– Потому что никто, кроме нас с тобой... ну, и ещё одного человека, не верит в его существование!

В волнении я сорвался со стула и кругами заметался по кабинету:

– Но это же... Это бред какой-то! Сколько ещё должно погибнуть женщин, чтобы твоё начальство увидело в этом закономерность, а не случайность? Десять, пятьдесят, сто?

– Да хоть тысяча! – участковый тоже встал и прислонился лбом к дверце шкафа, – Нет признаков убийства – нет убийства! Точка. Никто не будет сам раскручивать заведомый «висяк»! Да ещё такой! У них же статистика, понимаешь... А если вдруг обнаружится, что и в самом деле проморгали серию убийств... Ты представляешь, что начнётся? Головы полетят на всех уровнях, включая область! Все ж это понимают, вот и отмахиваются от очевидного!

– А ты?

– А что я?

– Ты же понимаешь, что это – убийства, верно?! Да у тебя же у первого голова покатится, когда найдутся-таки доказательства! А они ведь обязательно найдутся, так?

– Найдутся! – Михалыч боднул шкаф, – Если только мы с тобой не ошибаемся.

– Да не ошибаемся мы! Сам понимаешь – не ошибаемся! Ты же – участковый, у тебя ведь есть какие-то свои возможности, связи, полномочия. Ты тут всех знаешь, тебя все знают... и уважают, как я успел заметить! Что мешает провести своё собственное расследование? Найдёшь улики, доказательства... может, даже убийцу сможешь вычислить. А тогда уж и райотдел свой подключишь. С областью.

– Да я уже...

– Что «уже»?

– Уже начал. Расследование, – лейтенант ещё раз боднул шкаф, потёр лоб и вернулся за стол.

Я перестал бегать по кабинету и оторопело уставился на него:

– Да? Ну... молодец.

– Только, Палыч, я тебя попросить хотел... Понимаешь, один в поле – не воин. Мне нужен кто-то головастый, кто может посмотреть на проблему как бы со стороны. Ну, не наш, не местный. Словом, мне твоя помощь нужна! – участковый озадаченно повертел в руках пустую чашку, – Чаю дашь ещё?

– Клавдия Петровна, принесите чайник, пожалуйста! – крикнул я в дверь и уселся напротив лейтенанта, – Михалыч, я тебе, конечно, всегда помогу... только вот не знаю, чем именно?

– Да я и сам не знаю пока... будешь доктором Ватсоном!

Мы расхохотались.

Дверь отворилась и в кабинет вошла Клавдия Петровна, неся огромный чайник:

– Желаете чаю со сливками? – церемонно осведомилась она.

Мы переглянулись с участковым и расхохотались ещё громче: чем не миссис Хадсон!

Клавдия Петровна с лёгкой жалостью посмотрела на нас, поставила чайник и выплыла из кабинета.

Просмеявшись и заправившись свежим чаем, я вспомнил:

– Семён, а что с Алей-то? Ты с ней поговорил?

Лейтенант разом стал серьёзным:

– Поговорил. Девушка и в самом деле ничего о себе не помнит. Кроме имени.

– Да и имя-то какое-то странное. Аля – это Алевтина? Или Алла? Алина?

– Она говорит, просто – Аля. Это полное имя.

– Чудно. Ну ладно, я тебя перебил, извини, – спохватился я, – И что ты думаешь? Надо, наверное, как-то организовать поиск её близких?

Участковый покачал головой:

– Понимаешь, какая штука... Естественно, я запущу процедуру поиска её родственников, друзей, знакомых. Проверю по базе пропавших без вести... Словом, всё, что необходимо в таких случаях, сделаю. Но есть одна странность... – он опять надолго замолчал, уткнувшись носом в чашку.

«Если бы только одна!» – подумал я, вспоминая наш ночной разговор с невесть откуда взявшейся незнакомкой.

– Я хотел взять у неё отпечатки пальцев. Ну, это обычная процедура в таких случаях... – Михалыч опять умолк.

– Ну, взял, и что? – подогнал его я, поняв, что очередная пауза вновь может затянуться.

Участковый хмыкнул:

– Да в том-то и дело, что не взял!

– Почему?

– Не смог!

Я озадаченно уставился на новоявленного Холмса:

– Не смог? Это что, так трудно?!

– Абсолютно не трудно. Когда они есть!

– Кто «они»? – не понял я.

– Отпечатки! – вздохнул Михалыч и сделал шумный глоток из чашки.

– В смысле? – я и в самом деле сейчас ощущал себя доктором Ватсоном: таким же тугодумным недотёпой.

– В прямом смысле: у нашей Али нет отпечатков пальцев! То есть, её пальчики, разумеется, оставляют отпечатки краски на бумаге, но кожного рисунка, который, собственно, меня интересовал, у неё нет!

Я некрасиво отвесил челюсть. Через минуту с трудом вернул её на место, сглотнул и уточнил:

- Совсем – совсем нет?
- Совсем – совсем! – грустно подтвердил Михалыч и виновато развёл руками.
- Так не бывает! – авторитетно заявил я.
- Не бывает! – подтвердил участковый.
- Но у Али отпечатков нет?
- А у неё – нет! – на лейтенанта жалко было смотреть.
- Аля!!! – взревел я.

В коридоре послышались лёгкие приближающиеся шаги. Дверь распахнулась и в кабинет впорхнула она.

Меня опять пронзило теплом. Как и ночью, в момент касания её пальцев. На какое-то время я вновь выпал из реальности, полностью захваченный прекрасным явлением, возникшим на пороге.

На этот раз девушка была в белом халате. Рыжие волосы, упрямо выбивающиеся из-под белого же колпачка, струились на больничном сквозняке, создавая полную иллюзию живого пламени. А странные глаза её вновь были зелёными. И улыбались.

– Да, доктор?

Крепко зажмурившись на миг, я ухитрился-таки вернуть себя в здесь и сейчас.

– Аля... Мы тут говорили с лейтенантом о вас, и он рассказал о некоторой странности, – начал я.

Не дослушав, она подошла ко мне вплотную и протянула руки. Ладонками вверх.

– Наверное, об этой?

Осторожно я взял её руки в свои. Меня вновь накрыло тепловой волной, но на этот раз я сдержался. И внимательно посмотрел на маленькие ладони.

Они были гладкими.

*8 сентября 1987 года, Кобельки,
11—58.*

– Господи, как хорошо-то, что больница близко! – с облегчением выдохнула Ирина прямо в полосатую морду Трофима.

Кот скептически мяукнул и прыгнул с калитки. Подождал, пока хозяйка закроет её за собой и неторопливо пошествовал к дому, изредка оглядываясь. Ирина – за ним.

Несмотря на откровенный скепсис кота, женщину и в самом деле радовало то, что на регулярные осмотры к акушерке ходить приходилось недалеко. На последнем месяце беременности Ирина здорово прибавила в весе, за что и получила сегодня нешуточный нагоняй от Марии Глебовны. Да и новый доктор заметно озаботился, выслушивая её сердце. Всё допытывался, не находили ли у неё порок, не болят ли суставы, не было ли ангины... Она, конечно, успокоила Пал Палыча: шумы в сердце у неё врачи выслушивали с детства, но никогда ничего серьёзного не находили. И всё-таки...

Всё-таки, в последние недели ходить Ирине стало тяжело. Пара шагов всего – и готово: сердце заходится, одышка, в глазах темнеет. Потому-то и радуется она, что до больницы – рукой подать. Коту этого не понять.

С облегчением сбросив босоножки, Ирина босиком прошлёпала на кухню и жадно присосалась к носику чайника. Мысленно оправдываясь за нарушение запрета акушерки и доктора на обильное питьё. Да пропади оно всё пропадом, в конце-то концов! Пока сегодня дотопала до больницы вверх по холму, с неё семь потов сошло. Литр потеряла, не меньше. Надо же восполнять!

И восполнила. Чайник опустел подозрительно быстро. Ирина поставила его на стол, икнула и осторожно похлопала себя по огромному животу. Нет, прав, всё-таки Пал Палыч: питьё срочно надо ограничить!

Улыбаясь собственному непостоянству, Ирина взглянула в окно: прямо за ним, на холме, красовалось убогое здание больницы. Метров триста всего.

О ноги требовательно потёрся Трофим.

– Проголодался, обжора? Молоко будешь?

Кот утробно мяукнул. Будет.

Ирина открыла холодильник и взялась за приятно – холодную, запотевшую бутылку...

Дзынь!

В гостиной со звоном посыпалось стекло. От неожиданности женщина вздрогнула. Влажная бутылка, с готовностью выскользнув из пальцев, грохнулась на плиточный пол. И, разумеется, разбилась.

Трофим радостно заорал, прыгнул в самую середину образовавшейся молочной лужи и принялся торопливо её вылизывать.

– Вот оно, кошачье счастье! – невесело усмехнулась Ирина и отправилась в гостиную. Судя по всему, придётся вставлять стекло в окне. А это – внеплановые хлопоты... вместо давно намеченного валяния с книжкой на диване.

Ну конечно, от оконного стекла остались лишь жалкие воспоминания. В виде торчащих по периметру рамы острых разнокалиберных осколков, хищно сверкающих на солнце.

– Твою мать! – с досадой воскликнула Ирина.

Весь пол у окна был усыпан битым стеклом. Женщина озадаченно посмотрела на свои босые ноги и побрела в прихожую. Кряхтя, натянула кроссовки и вернулась в гостиную.

– Как же оно разбилось-то? – поинтересовалась она у самой себя и озадаченно осмотрела пол, – Камнем, что ли, запустили?

Но камня нигде видно не было. Ирина подошла вплотную к окну и внимательно осмотрела раму. Осколки торчали вплотную друг к другу, окантовывая собой большущую дыру в форме звезды со многими лучами.

Женщина осторожно высунула голову наружу. Посмотрела вниз: почти от самой стены начинались грядки её, Иринино, огорода. Внизу, разумеется, никого не было.

Она повернула голову направо. И тут – никого.

Посмотреть налево Ирина не успела: на её затылок вдруг навалилась чудовищная тяжесть. Которая в мгновение ока пригнула, придавила женщину вниз, насаживая шеей прямо на торчащие из рамы осколки.

Боли она не почувствовала. Зато удивилась, успев заметить, как густо окрасились вдруг красным грядки под окном.

И тут же кто-то выключил солнце...

8 сентября, Кобельки, участковая больница, 12—05.

То есть, – абсолютно гладкими. На Алиных ладошках не было даже привычных складок, по которым так любят гадать цыганки и прочие предсказатели судеб. Не говоря уж о том, что папиллярный узор на пальцах отсутствовал напрочь. Лейтенант оказался прав.

– Так не должно быть, да? – тихо спросила Аля, вскинув на меня глаза. Теперь карие.

Я покачал головой:

– Не совсем. Так просто не бывает.

– Потому что не может быть никогда... – философски добавил участковый и опять уткнулся носом в чашку.

– Но вот же – есть! – справедливо возразила нам девушка, демонстрируя свои руки. И улыбнулась.

– Ага! – подтвердили мы с Михалычем хором.

А что ещё нам оставлось делать? Её улыбка оказалась железным аргументом. Да и факт, что называется, имелся налицо: перед нами стоял, вероятно, единственный человек на планете без отпечатков пальцев.

– Видите ли, Аля... – начал было я подводить теоретическую базу под это невероятное открытие, но продолжить не успел.

В кабинет ворвалась миссис Хад... Тьфу ты, Клавдия Петровна, разумеется. На этот раз от её давешней степенности не осталось и следа:

– Пал Палыч, скорее! Вас вызывают, срочно!

– Кто вызывает?! Куда?

– Да тут рядом, с холма только спуститься! Ирка Леонова, помните, утром вы её смотрели? Ну, беременная с шумом в сердце?!

– Помню, конечно. Что с ней?

– Не знаю точно. Соседка её прибежала, кричит благим матом, толком ничего сказать не может. Всё про кровь блажит. Истерика у неё. Машка её валерьянкой отпаивает. Я только поняла, что Ирка то ли разбилась как-то, то ли порезалась... Словом, кровищи там – море!

– Ясно, на месте разберёмся. Показывайте дорогу! – следом за Клавдией Петровной я выбежал в коридор. Лейтенант с Алей – за мной.

Там нас уже поджидал Антон Иванович с «дежурным чемоданчиком» в руках.

– Не отставать! – деловито скомандовал он и рванул с места, будто заправский спринтер.

Бежать и в самом деле оказалось недалеко. Уже через пару минут мы ворвались в калитку небольшого одноэтажного дома. Фельдшер подлетел к двери, постучал в неё и, не дождавшись ответа, рванул на себя ручку.

– Заперто! – удивлённо, даже обиженно констатировал он.

– Надо сзади зайти! Соседка что-то про огород твердила, – предложила Клавдия Петровна.

Я побежал за дом. Свита устремила следом.

Повернув за угол, я *увидел*... И остановился, как вкопанный. В спину тут же врезался участковый.

– Ты чего? – удивился он.

Я обвёл рукой залитые кровью грядки:

– Поздно, Семён. Мне тут уже делать нечего. А вот тебе, кажется, работы добавилось! – и сел, где стоял: прямо на какую-то ботву.

–ь! – протяжно и как-то жалобно выругался лейтенант и уселся рядом, – Четырнадцатая!

Голова, лежащая под окном, удивлённо смотрела на нас остановившимися глазами.

– Что скажешь, лейтенант? Опять несчастный случай? – ехидно поинтересовался я у Михалыча, когда он, наконец, вышел из дома.

Мы с Антоном Ивановичем курили на крыльце. Вернее, Иваныч курил, а я, прислонившись затылком к перилам, тупо пялился в высокое равнодушное небо. Женщин мы сразу же прогнали обратно в больницу. Не для них это зрелище...

– Чёрта с два! – буркнул участковый, – Можно, конечно, было бы предположить, что потерпевшая по каким-то причинам потеряла равновесие, влетела головой в окно и напоролась на осколки...

– Но что-то мешает этому предположению, верно?

– Две вещи. Во-первых, Ирина в собственной гостиной оказалась в грязных уличных кроссовках. А она была большой аккуратисткой.

– И о чём это нам говорит? – не унимался я.

– погоди, не перебивай! – остановил меня лейтенант, – И вторая вещь: почти все осколки обнаружались *внутри* комнаты. Понимаешь? Внутри, а не снаружи!

– То есть, если бы она сама влетела головой в стекло, то осколки...

– Оказались бы, разумеется, снаружи! – за меня закончил участковый.

– Тогда как же всё случилось-то? – недоумённо поинтересовался фельдшер.

Лейтенант пожал плечами:

– Ну, я не эксперт, конечно... Думаю, кто-то снаружи разбил стекло и затаился у окна. А Ирка... Потерпевшая, то есть, надела кроссовки, чтобы не поранить ноги, и подошла посмотреть, что случилось. Выснулась в дыру. Вот тут-то этот самый «кто-то» рванул её за затылок и насадил шеей на осколки.

– А ты искал под окном в огороде? Неужели опять следов нет?

Семён тяжело вздохнул и покачал головой:

– Никаких! Я там всё осмотрел.

Я прикрыл глаза. Кобельки явно переставали быть райским местечком:

– Семён, надо что-то делать! Не может, никак не может всё это быть совпадением. Их кто-то убивает!

– Или что-то... – задумчиво протянул лейтенант.

– Что-то?! – я встрепенулся и открыл глаза, – Ты что, в мистику веришь? Это в твоей-то должности?!

– Не верю, – Михалыч старательно пытался прикурить фильтр у сигареты. Тот не прикуривался. Участковый вынул сигарету изо рта, задумчиво осмотрел её. Выругался, перевернул, закурил, наконец, – Не верю я в мистику, док! Но и в то, что преступник, кем бы он там не был, не оставляет *никаких* следов на месте преступления, я тоже не верю. А он – не оставляет! Отсюда вывод: либо всё это и в самом деле – невероятное совпадение, либо наш гипотетический убийца – бесплотный дух, или что-то вроде того... такое же нематериальное.

– Бред! – я вскочил и принялся расхаживать перед крыльцом. Участковый и фельдшер синхронно поворачивали головы, провожая меня взглядом, – Полный бред! А тебе не приходило в голову, что ты просто не находишь следов? Может...

– Может, есть смысл вызвать следственную группу из района? Ты это имеешь в виду? – довольно бесцеремонно перебил меня лейтенант.

– Ну да, что-то вроде того... У них же должны быть какие-то спецсредства? Ну, для обнаружения микрочастиц одежды, кожи... Не знаю, чего там ещё. Или просто кинолога с собакой вызвать. Вдруг пёс след возьмёт?

– Да вызову, конечно. Только поверь мне, за исключением случая со Смуряковой, ну, с утопленницей, которую вы с Кешкой вчера нашли, собака работала по всем убийствам. И криминалисты – тоже. Результат – большой жирный ноль. Никаких следов преступления или преступника обнаружено не было. Просто несчастные случаи! – участковый невесело усмехнулся и в сердцах ткнул окурок в землю.

Антон Иванович кашлянул и встрял в разговор:

– Если я правильно понял, эта смерть – не единственная? Кто-то убивает женщин?

Мы с участковым оторопело переглянулись. Как-то не учли мы присутствия фельдшера, не посвящённого в детали этого странного и страшного дела.

Первым опомнился лейтенант:

– Антон, раз уж так вышло... Словом, ты должен пообещать мне, что никому об этом не расскажешь. Иначе в округе начнётся паника, а мне только её для полного счастья и не хватало!

– Не расскажу, не бойся!

– Слово?

– Зуб даю! – вполне серьёзно пообещал фельдшер. Странно, но прозвучало это вполне убедительно.

– Ну, смотри у меня... Ладно, всё равно мы уже проболтались. В районе действительно гибнут женщины. Не просто женщины, а беременные... – в нескольких фразах Михалыч обрисовал сложившуюся ситуацию.

Повисла тишина. Судя по перевёрнутому лицу фельдшера, он был шокирован.

– Вот такие пироги с котятами! – констатировал я, когда пауза перевалила за пять минут.

Просто, чтобы что-то сказать.

Антон Иванович по-прежнему сидел в ступоре. Я осторожно тронул его за плечо:

– С вами всё в порядке?

Он встряхнулся и затряс головой:

– Со мной – да! Жена...

– Что с ней? – хором спросили мы с участковым.

– В Сосновку, к матери поплыла. На лодке. Полчаса назад! – фельдшер вскочил на ноги и устремился к калитке.

Мы рванули следом. Нагнав Иваныча уже у забора, я забежал вперёд и заглянул в его испуганное лицо:

– И что?

– Беременная она! Десять недель! – отчаянно выкрикнул фельдшер, оттолкнул меня и, выскочив за калитку, понёсся вниз, к озеру.

– Твою мать! – в сердцах ругнулся лейтенант и гаркнул вслед удаляющемуся Иванычу:

– Антон, давай к моему причалу! На катере пойдём! – и, не оглядываясь, побежал по узкой тропинке, уходящей куда-то влево.

Фельдшер затормозил, развернулся и помчался следом, размахивая так и не понадобившимся «дежурным чемоданчиком». Я оказался в арьергарде. В пару минут мы добежали до маленькой пристани с пришвартованным к ней милицейским катером.

Семён прыгнул к рулю и мигом завёл мотор. Дождавшись, пока мы с Иванычем разместились в судёнышке, лейтенант отдал концы. Катер с каким-то остервенением рванул вперёд.

8 сентября, озеро Белое, 12—35.

Оксана не торопясь работала вёслами. Лодка степенно плыла по спокойной воде, оставляя за собой длинный, расходящийся двумя бесконечными лучами, след. Солнце уже давно весьма ощутимо припекало даже через соломенную шляпу с широкими полями. Недолго думая, женщина стянула с себя одежду, оставшись в одном белье. Всё равно никто не увидит: озеро было абсолютно пустынным. Зато позагорать можно.

Кобельки давно скрылись за островками, которых в Белом было великое множество. Вот и сейчас, оглянувшись, Оксана обнаружила прямо по курсу ещё один. И удовлетворённо улыбнулась: сразу же за ним нужно будет взять правее, а там уж и до Сосновки недалеко.

Женщина вспомнила, как несколько лет назад, когда она сразу же после свадьбы переехала к мужу в Кобельки, решила в первый раз сплавить к матери на лодке. Антон очень долго и обстоятельно рассказывал ей тогда, как правильно грести и куда именно плыть.

Ну, положим, грести-то она с детства умеет. Однако, терпеливо слушала мужа, справедливо полагая, что тому доставляет некоторое удовольствие учить слабый пол уму – разуму. Как и любому мужику, впрочем.

А вот, как оказалось, не зря он тогда её учил. Оксана едва не заблудилась в россыпи островков. Да чего уж там: заблудилась окончательно. Помнится, тогда ещё и туман стоял, так

что немудрено было потеряться в огромном озере. Она и потерялась. И несколько часов гребла в густой белой пелене, натываясь периодически на одинаковые с виду берега островков.

Выручили тогда Оксану рыбаки, едва не наткнувшись в тумане своей лодкой на её. Как уж там они ориентировались в белом мороке, непонятно, но через каких-нибудь полчаса обе лодки причалили к берегу у Сосновки.

Негромкий треск под ногами прервал её воспоминания. Лодку ощутимо качнуло. Вздвигнув от неожиданности, женщина посмотрела под ноги. И не поверила глазам: одна из узких досок, из которых было собрана лодка, треснула посередине. Да не просто треснула, а вздыбилась вверх двумя обломками, будто снизу по днищу кто-то от души ударил чем-то тяжёлым. В образовавшуюся пробоину лениво начала вливаться вода.

Оксана чертыхнулась и попыталась ногой вправить обломки на место. Получилось ещё хуже: те отломались полностью и отвалились. Дыра в днище расширилась, чем не преминуло воспользоваться озеро: поток воды, устремившийся в пробоину, существенно расширился и ускорился.

Женщина прекратила грести и, скомкав футболку, попыталась заткнуть ею пробоину. Помогло: поток почти прекратился. Вздохнув с облегчением, Оксана взялась за черпак и принялась вычерпывать воду.

Лодка опять дёрнулась. И вновь – мерзкий треск. Прямо под носом у оторопевшей женщины доска разлетелась в щепки. Новая пробоина оказалась раза в три больше первой. И в неё тут же радостно хлынула вода. Лодка моментально осела.

Оксана лихорадочно заработала черпаком, одновременно пытаясь осознать происходящее и сообразить, что же ей делать. Эту пробоину уже не заткнёшь: шорты, которые оставались в качестве возможной пробки, просто вывалятся под лодку. Пока женщине удавалось вычерпывать воду чуть быстрее, чем та прибывала. Но нельзя же вечно оставаться здесь, посреди озера! Грести-то как? Стоит только на пару минут отложить черпак – и лодка затонет. А до ближайшего островка – метров пятьсот – шестьсот...

Плавала Оксана не очень-то хорошо. А если честно – почти не плавала. Так, гребла себе по-собачьи, умудряясь худо – бедно удерживаться на воде. А вот так, чтобы проплыть полкилометра в довольно прохладной уже сентябрьской воде – это вряд ли!

Она почувствовала страх. И, чтобы приглушить его, ещё быстрее заработала черпаком. Это помогло: из-под воды показалось днище.

Оксана бросила черпак и схватилась за вёсла. *Так* она ещё никогда не гребла: лодка понеслась, будто катер, направляясь по прямой к ближайшему острову. Но, увы, замедляясь с каждой секундой: неумолимая вода заливала судёнышко, *делая его тяжелее*.

Опять остановка. Опять – лихорадочное вычерпывание. Опять – черпак заскреб по днищу лодки. Опять – за вёсла и вперёд!

Сколько же удалось проплыть? Оксана обернулась и чуть не завывала от досады: проклятый остров почти не приблизился! Женщина с удвоенной силой заработала вёслами.

Вновь треск и толчок! В днище образовалась ещё одна пробоина: шире, чем прежние. Моментально лодка на четверть заполнилась водой. И тут же – новый удар и новая дыра!

– Да что же это?! – прохрипела Оксана, внезапно потеряв голос от навалившегося ужаса.

Попыталась вычерпывать – да куда там! Лодка на глазах погружалась в равнодушное озеро, наполняясь прохладной осенней водой. Сжимая в руках бесполезный черпак, женщина тоскливо смотрела, как уходят вниз борта судёнышка.

Когда они скрылись под водой, Оксана оглянулась на остров – такой далёкий...

8 сентября, Кобельки, участковая больница, 12—35.

Он закрыл глаза и привычно потянулся *другим* своим взглядом к женщине. Та плыла в лодке посреди озера. Почти голая.

«Бесстыжая! – вздохнул *Он* про себя, – Все они – бесстыжие! Мало того, что делала такую мерзость, так ещё и голышом по озеру раскатывает!» В том, что женщина в лодке делала мерзость, *Он* не сомневался: иначе бы не забеременела.

Ощутив знакомый холод в животе, *Он* ещё раз с отвращением взглянул на бесстыдницу и нырнул взглядом под лодку.

Там было светло и спокойно. Солнечные лучи легко пронизывали прозрачную осеннюю воду, дотягиваясь до самого дна. По которому, далеко внизу, неспешно плыла заострённая спереди тень лодки.

Он затаил дыхание и начал лепить себя. Холод в животе усилился, захватив грудь. Вода под лодкой сгустилась, быстро обретая твёрдость. Но оставаясь при этом такой же прозрачной. Бесформенный поначалу, прозрачный сгусток разрастался, вбирая окружающую воду и выпуская из себя отростки, будто гигантская амёба.

Через несколько секунд всё было готово. *Он* проворно выбрался из своего тела и перенёсся в новое, только что слепленное из воды. Огляделся, пошевелил пальцами рук и довольно улыбнулся: это тело получилось ничем не хуже того, постоянного, оставленного пока без хозяина на койке больницы.

– Пора за дело! – пробормотал *Он* и поднял голову.

Прямо над *Ним* медленно проплывало днище лодки. Той самой, в которой находилась очередная бесстыжая дрянь. В голове забарабанил пульс, холод охватил уже всё тело. Не сдерживая больше свой гнев, *Он* размахнулся и ударил кулаком в днище.

Хлипкая доска с готовностью проломилась. В пробоине показался свет. Который, впрочем, тут же исчез: дыру, видимо, сверху чем-то заткнули.

Он зарычал от ненависти и ударил вновь. Размахнулся было ещё раз, но удержался. Эта, в лодке, не должна умереть сразу: пусть сначала покорчится от ужаса и непонимания происходящего, а уж потом... Кроме того, *Она* говорила, что всё должно выглядеть, как несчастный случай: ни к чему им привлекать ненужное внимание.

Тяжело вдыхая воду, *Он* наблюдал за продырявленной лодкой. Какое-то время та покачивалась на одном месте. В дыре то и дело мелькала какая-то тень: судя по всему, дрянь пыталась вычерпать воду. Ну-ну!

Вдруг, с обеих сторон от тёмного днища в воду плюхнулись вёсла. Лодка рванула вперёд, да так быстро, что *Он* даже присвистнул. Это в воде-то!

Не торопясь, *Он* поплыл за удаляющимся судёнышком, прекрасно понимая, что далеко тому не уйти.

И в самом деле: через десяток метров лодка остановилась, заметно осев. Женщина, видимо, опять принялась вычепывать воду. В этот раз она закончила гораздо быстрее: лодка вновь устремилась вперёд.

Ну, хватит! В несколько мгновений догнав лодку, *Он*, уже не сдерживаясь, принялся молотить в днище, разнося его в щепки. В сознании пульсировала, бесновалась одна лишь мысль: поскорее добраться бы до бесстыжей дряни в лодке...

– Что это с ним?! – раздался испуганный голос прямо над ухом.

Он резко обернулся. Но, кроме пронизанной солнечными лучами воды, ничего, разумеется, не увидел. Голос прозвучал там, у оставленного пока в палате постоянного тела.

С сожалением *Он* опустил занесённую уже для очередного удара руку. Надо возвращаться. Иначе поднимется переполох и *Она* будет недовольна: просила же не привлекать внимания! А *Он* очень хорошо знал это недовольство. И боялся его.

Взглянув напоследок вверх, *Он* удовлетворённо хмыкнул: лодка ушла под воду почти полностью. До ближайшего берега далеко, а вода – холодная. Вряд ли дрянь доплывёт. Жаль,

всё-таки, что не сможет *Он* быть рядом в тот момент, когда жизнь покинет её и плод. Получается, зря топил лодку: главное-то сделано не будет!

– Доктора, скорее, доктора зовите! – не унимался голос там, в палате.

– Да нет доктора! На вызове он, – с досадой откликнулся другой голос.

Всё, больше ждать нельзя, пора возвращаться. *Он* задержал дыхание и потянулся сознанием к своему постоянному телу. Водяной фантом тут же потерял твёрдость и бесследно растворился в окружающей воде.

Он открыл глаза уже в палате. И улыбнулся.

8 сентября, озеро Белое, 13—25.

Катер шнырял между многочисленными островками уже почти полчаса. Антон Иванович поначалу пытался показывать дорогу, которой обычно его жена плавала в Сосновку. Но потом как-то потух, скукожился весь на корме, да так и сидел там до сих пор. Молча вглядываясь стеклянными глазами в пробегающую мимо борта воду.

– Иванович, может, сразу в Сосновку пойдём? – не отрывая взгляда от курса, прокричал лейтенант, – Наверное, всё обошлось и Оксанка давно у матери. Чай пьёт.

Фельдшер вяло пожал плечами и кивнул.

– Он согласен! – перевёл я молчаливый ответ участковому, с трудом перекрикивая встречный ветер.

Всё так же, не оборачиваясь, Семён кивнул и заложил лихой вираж. Обогнув очередной островок, катер помчался к неведомой мне пока Сосновке.

Несколько минут мы плыли в полном молчании. Тишину нарушали лишь ровный рокот мощного мотора, да свист ветра в ушах. Но так продолжалось недолго.

– Стой! Вернее нет, правее, правее возьми! – Антон Иванович вдруг встрепенулся и вскочил на ноги, едва не перевернув катер.

Лейтенант в недоумении обернулся:

– Ты чего? Увидел кого?!

Вместо ответа фельдшер показал рукой куда-то вправо. Мы посмотрели: далеко, в сотне метров на гладкой воде что-то было.

– Непонятно... Плывёт кто-то, что ли? – протянул лейтенант, направляя судно к находке.

Нешадно кромсая носом озеро, катер понёсся к белеющему вдали предмету. Мы молча вглядывались вперёд. Украдкой я наблюдал за Антоном: чем ближе мы подплывали к цели, тем сильнее менялось его лицо. И отнюдь не в лучшую сторону.

Домчались, наконец. Лейтенант заглушил мотор и в неожиданной тишине катер по инерции подплыл к качающемуся на мелких волнах предмету.

Антон Иванович перегнулся за борт и выудил из воды... шляпу. Соломенную женскую шляпу с большими полями и голубой ленточкой.

– Оксанина, – тихо объяснил он и уткнулся лицом в мокрую находку.

Мы с Семёном молчали. Не было слов: вместо них вдруг навалилась какая-то обречённость. Сгорбившись, втроём мы стояли в катере, не понимая, что происходит. И не зная, что делать.

Первым молчание нарушил фельдшер. Он тихо завыл в шляпу, уселся на корме и принялся лихорадочно стаскивать с ног обувь.

– Антон, ты чего?! – лейтенант опустил перед ним на корточки.

– Она здесь! Она здесь где-то! Раз шляпа тут, то и Оксанка – тоже! Найти надо, спасти... Может, не поздно ещё! – выкрикивал Иванович, разувшись и стаскивая халат.

– Поздно! Поздно, Антон! – участковый схватил его за плечи и встряхнул, – Ты уже ничем не поможешь. Я вызову водолазов, найдём потом её. А сейчас – успокойся. Ты ничего уже не сделаешь, а вода холодная...

Не дослушав лейтенанта, фельдшер с силой оттолкнул его и прыгнул за борт. Как был, в одежде. Снять он успел только халат.

– Антон! – участковый перегнулся через борт.

Но тот уже скрылся под водой. В воздухе на миг мелькнули босые пятки. Лейтенант с маху уселся на скамью и вопросительно посмотрел на меня.

– Его сейчас не остановишь. Аффект, – пояснил я, – Будем ждать, пока не нанырится. И следить, чтобы не утонул.

– Палыч, ты понимаешь, что происходит? – тоскливо спросил Семён.

– Не понимаю. Ничего я не понимаю! – я уселся рядом и обхватил голову руками.

– Вот и я – ничего! – скорбно констатировал лейтенант.

Молча мы смотрели за борт, где нырял, выныривал и вновь нырял Антон Иванович.

Семён вдруг встрепелся и вопросительно уставился на меня:

– Слышал?

– Что?

– Тихо! – прикрикнул он на меня и прислушался, – Вот, опять!

Теперь услышал и я:

– Вроде, кричит кто-то?

– Похоже на то! – согласился лейтенант.

Ветер опять донёс до нас тот же звук. Крик, нет сомнений!

– На острове, что ли? – участковый вскочил и принялся всматриваться в далёкий остров, прикрывая ладонью глаза от солнца.

Присмотрелся и я. В нескольких сотнях метров от нас, по берегу острова металась человеческая фигурка!

– Антон! – лейтенант нагнулся над бортом и схватил несчастного фельдшера за шиворот как раз в тот момент, когда тот приготовился к очередному нырку.

– Ну, чего? – губы у Иваныча заметно посинели.

– Антон, на острове есть кто-то! Поплыли, посмотрим: вдруг Оксана выплыла?

– Где? – Иваныч в воде заозирался.

– Вылезай. Это с другого борта. Отсюда не увидишь.

Фельдшер подтянулся и перевалился через борт. Пошатываясь, встал:

– Ну, где?!

Я показал. Иваныч больно вцепился мне в плечо и захрипел:

– Поплыли! Семён, заводи, поплыли скорей!

Катер рванул к острову. Не отпуская моё плечо, фельдшер вглядывался в приближающийся остров, подавшись вперёд всем телом:

– Семён, ты быстрее можешь?!

Лейтенант покачал головой:

– На пределе. Потерпи, через пару минут причалим!

Но уже через минуту стало видно, что фигурка на берегу – женская. В одном белье.

– Оксанка! – с улыбкой протянул Иваныч.

И осел на скамью.

8 сентября, Кобельки, участковая больница, 15—30.

– Докладывайте! – я плюхнулся на стул и обвёл взглядом выстроившийся в кабинете персонал.

Вперёд выступила Мария Глебовна:

– За время вашего отсутствия, доктор, особых происшествий не было! – бодро отрапортовала она.

Как-то уж слишком бодро...

– А неособых? – подозрительно уточнил я.

– Ну... – замялась было акушерка, но я пресёк колебания:

– Давайте без «ну»! Что стряслось?

– У Зотова, который с тромбоэмболией, приступ был.

– Что за приступ? Одышка?

– Нет, непонятное что-то. Потерял сознание, побледнел, затрясся. Да, ещё очень мокрый был весь, прямо в крупных таких каплях! Похоже на эпилепсию, но не совсем, – акушерка выглядела немного растерянной.

Я тоже озадачился. Что ещё за новости?!

– Сейчас-то он в сознании? Сколько времени продолжался приступ? Пульс, давление какие были? Сахар крови определили? – засыпал я вопросами Марию Глебовну.

– Да, он в сознание минут через десять пришёл. Пульс был под двести, давление – нормальное. Кровь на сахар взяли уже после приступа – немного снижен. Три ровно.

– Чем купировали приступ? – я не унимался.

– Да ничем. Сам в себя пришёл, мы только следили, чтобы язык не прикусил, да не задохнулся. Он трясся – трясся, а потом раз – и всё закончилось. Как-то сразу в себя пришёл: лежит довольный такой, улыбается! – закончила доклад акушерка.

– Улыбается? – машинально переспросил я.

– Ага! – хором подтвердили Мария Глебовна с Клавдией Петровной.

– Сейчас как себя чувствует?

– Вполне удовлетворительно.

Я вздохнул с облегчением:

– Вот и славно. Что ещё?

– Ещё да... – начала было акушерка, но её локтем в бок ткнула Клавдия Петровна:

– Да ничего больше, Пал Палыч! Тут у нас с Машкой маленькие женские секреты. Верно, Марья?

Та, потирая бок и морщась, закивала головой:

– Верно, верно! А больше – ничего.

– Ну, если это ваши, как вы говорите, женские тайны, то я в них лезть не буду! – великодушно заявил я, – На приём народу много пришло?

– Да, сегодня наплыв: человек двадцать первичных и ещё с десятков на повторный осмотр. Плюс шесть перевязок! – обрадовала меня фельдшерица.

Свет в моих глазах померк. Опять до полуночи!

– Значит, так: Клавдия Петровна, вас я прошу заняться перевязками. Можете привлечь к процессу Марию Глебовну. Насколько я помню, там ничего сложного не предвидится. А я пойду на приём. Антона Иваныча, в силу определённых уважительных причин, сегодня не будет. Поэтому работаем за себя и за того парня. Как в песне поётся! – с фальшивой бодростью закончил я и отправился в амбулаторию.

В коридоре я наткнулся на Алю. Она взглянула на меня своими невероятными глазищами и тихо спросила:

– Их кто-то убивает, верно?

– Верно, – механически подтвердил я и запоздало спохватился, – Кого это «их»?

– Женщин. Беременных. Как сегодня, – терпеливо объяснила девушка.

Я схватил её за плечи:

– Откуда вы знаете?! Кто вам рассказал?!

Аля покачала головой:

– Павел, мне никто ничего не рассказывал. Даю вам слово. Я просто знаю – и всё. Вернее, сегодня только узнала, когда увидела ту женщину... в окне.

Спohватившись, я неохотно отпустил девушку:

– Аля, вы не должны никому, слышите, ни-ко-му рассказывать об этом, – быстро оглядевшись, я затащил её в пустую процедурную, подпёр спиной дверь изнутри и тихо, почти шёпотом, продолжил, – Всех этих женщин действительно убили. Лейтенант, с которым вы сегодня беседовали, проводит расследование. А я ему помогаю. Он сам просил меня об этом, хотя я так и не понял, какая от меня может быть польза в этом деле...

– Может. И будет! – на полном серьёзе пообещала Аля.

Я запнулся, потеряв нить разговора:

– Уверены? Впрочем, не о том сейчас речь. Беда в том, что, кроме нас с лейтенантом, да ещё одного – двух человек, посвящённых в эту историю, никто не верит в то, что это – убийства. Милицейское начальство Семёна уверено, что все эти несчастные случаи – несчастные случаи и есть. Потому что следов преступления и преступника во всех четырнадцати случаях обнаружить не удалось.

– Пятнадцати, – поправила меня девушка.

– Почему пятнадцати? Лейтенант утверждает, что было четырнадцать смертей, – оторопело возразил я.

– Он просто ничего не знает о пятнадцатой. Вернее, о первой, – грустно сказала Аля и резко отвернулась.

Я успел заметить, как в её глазах блеснули слёзы.

– Аленька, что с вами? – я опять, на этот раз осторожно, взял её за плечи и развернул к себе.

Девушка и в самом деле плакала. Тихо, без всхлипываний и рыданий. Просто крупные слёзы вытекали из её глаз и прозрачными ручейками сбегали вниз по щекам.

– Я не знаю, что со мной! В том-то и дело, что не знаю, – она уткнулась лицом в моё плечо, – Не знаю, откуда мне всё это известно, не понимаю, как эти убийства связаны со мной! А они ведь как-то связаны, я это чувствую. Я даже не знаю, кто я!

Последние слова Аля почти выкрикнула. Я крепче прижал её к себе. Никаких подходящих слов в голову не приходило. В неё вообще ничего не приходило. После всех нынешних событий мозг, видимо, включил защитное торможение.

Минут пять мы так и простояли. Наконец, девушка оторвалась от моего плеча, подняла влажные зелёные глаза и тихо, очень тихо сказала:

– То, что их убивает, очень странное. Я не понимаю.

– «То»?! Вы хотите сказать, что убийца – не человек?! – изумился я.

За сегодня это уже второе предположение о нечеловеческой природе убийцы. Первое, помнится, высказал лейтенант. Правда, я так и не понял, насколько серьёзно он это говорил. И вот теперь – Аля. По непонятным причинам, словам этой девочки я верил. Всем, даже самым невероятным. Наверное, в силу невероятности её самой...

– Человек... и – не человек. Я не могу понять, не могу почувствовать. Сейчас пока – не могу. Может быть, позже... – Аля выглядела растерянной.

В коридоре началась какая-то суета. Туда – сюда затопали ноги, слышались приглушённые голоса. Наконец, все фоновые шумы легко перекрыл визг Клавдии Петровны:

– Пал Палыч! Доктор! У вас вызов!

Я виновато посмотрел на Алю. Она улыбнулась:

– Идите, доктор! Кому-то без вас плохо.

Неожиданно для самого себя, я поднёс к губам её руку и поцеловал.

И выскочил за дверь.

8 сентября, Кобельки, 16—15.

Странно, но по улочкам Кобельков Кешка вёл машину очень осторожно. Вспоминая его недавнее лихачество, я недоверчиво косился в сторону водителя. Боясь, что вот – вот тот при-

вычно вдавит педаль газа в пол и «УАЗик» вновь горным козлом пойдёт скакать по окрестностям.

Но ничего подобного не происходило. Машина спокойно, даже как-то торжественно, двигалась к цели.

Наконец, я не вытерпел:

– Кеша, ты побыстрее немного можешь? Там ребёнку плохо!

Иннокентий с достоинством взглянул на меня и пояснил:

– Палыч, это я за городом гоняю, а в городе – ни-ни! Тут же люди кругом!

Я согласно кивнул, окидывая взором пустые улицы: и верно, люди кругом!

Из окошка, ведущего в салон, высунулась Клавдия Петровна:

– Минут через пять будем на месте. Зара на отшибе живёт, под дамбой.

– Кто? – переспросил я.

– Зара. Мать мальчика, к которому мы едем.

– Странное имя какое!

– Цыганка она, – пояснила фельдшерица, – Помните, я вам рассказывала про цыганского барона? Ну, который кровать подарил?

– Помню, конечно.

– Та вот, у нас тут неподалёку, в степи прямо, тогда табор стоял. Зара в нём жила. А когда табор снялся и ушёл, она тут, в Кобельках осталась. Беременная. Уж не знаю, почему она так решила, но осталась. Родила вскоре мальчишку, на работу в совхоз устроилась. Словом, прижилась как-то.

– А барон?

– А что барон? – удивилась Клавдия Петровна, – Барон тут ни при чём. Он просто тем табором командовал.

«УАЗик» подпрыгнул на колдобине и, свернув к берегу озера, покатил вдоль него. Дорога довольно резко пошла под уклон. С удивлением я обнаружил, что машина спускается ниже уровня воды. Причём, намного.

– Сейчас дамба будет, – заметив моё удивление, пояснил Кеша, – Озеро-то искусственное. Лет тридцать назад речку запрудили, вот и получилось наше Белое.

Впереди и впрямь показалась дамба. У её подножия, вырываясь из-под немного приподнятых створов, бурлила вода. А от этого бурления начиналась небольшая речушка. Скорее, даже ручей.

Подкатив к самой реке, наша машина свернула вправо и по узенькой грунтовой дороге запрыгала вдоль русла.

– Не страшно тут жить-то? А ну, как плотину прорвёт? Смоет же всё к лешему! – поинтересовался я, обнаружив с десяток изб, прижавшихся вплотную к речушке.

Кешка пожал плечами:

– А кто их знает? Может, и страшно. Только всё равно здесь строятся: речка под боком, озеро рядом, земля – сплошной чернозём. Здесь на огородах знаешь, какие чудеса вырастают? Впору в книгу рекордов заносить. А наверху не земля – глина одна пополам с песком.

Проехав мимо «нижних» Кобельков, мы направились к небольшому одноэтажному домику, стоящему особняком. Тоже – на самом берегу.

– Ну вот, приехали. Тут Зарка и живёт! – лихо затормозив у калитки, сообщил мне Кешка.

Вдвоём с фельдшерицей мы выгрузились из машины и направились к дому. Дверь на крыльце распахнулась: нам навстречу устремилась растрёпанная молодая женщина в яркой цветастой юбке и неожиданной футболке с олимпийским мишкой. Добежав до нас, она вместо приветствия схватила меня за руку и молча потащила за собой.

– Добрый день, Зара! – я решил взять инициативу в свои руки, – Рассказывайте, что стряслось?

– Сыну плохо. Совсем плохо! – выдохнула цыганка. В её голосе явственно слышалось отчаяние.

– С чего всё началось? – взбегая по ступеням крыльца, я продолжил опрос.

– Он во дворе играл. Залез на забор, – она кивнула на невысокий заборчик, огораживающий участок, – Не удержался, упал. Боком ударился о камень.

– Каким боком?

– Правым. Сначала-то ничего: похныкал, конечно, да и побежал опять играть. А потом я обед приготовила, выхожу – а он лежит на земле: лицо синее, дышит тяжело, стонет. Я Мишку в дом занесла и сразу же за вами послала.

В моей голове начался интенсивный мыслительный процесс. Бессвязные воспоминания из области травматологии со щёлканьем сменяли друг друга, но ничего подходящего случаю не находилось. Пока.

– Вот, доктор. Это – Мишка! – в комнате Зара указала на лежащего в постели малыша лет пяти.

Мишка слегка приоткрыл глаза, грустно, по-взрослому совсем, взглянул на меня и опять опустил веки. Дышал он тяжело и часто. Очень часто. Его лицо и в самом деле было синим.

– Помогите мне его раздеть! – попросил я цыганку.

Зара попыталась стянуть майку через голову, но малыш громко закричал от боли. Оттолкнув мать, к Мишке подскочила Клавдия Петровна и в несколько движений разрежала майку ножницами. Оголилась худенькая детская грудь с торчащими рёбрами.

Я присел на краешек постели и принялся внимательно осматривать правый бок бедняги. Ага, вот и огромный синяк от удара!

Очень осторожно я нажал на центр синяка. Под пальцами противно заскрипело, а малыш взвизгнул от боли.

– Всё, Мишка, всё! Ну, извини. Мне нужно было кое-что проверить! – успокаивающе бормотал я, лихорадочно пытаюсь вспомнить, что полагается делать в таких случаях.

А случай оказался не из простых. Судя по всему, ударившись о камень, Мишка сломал ребро. Или рёбра. Которые своими острыми отломками повредили лёгкое. И теперь из разорванной легочной ткани в грудную полость малыша поступает воздух, поджимая повреждённое лёгкое и не давая тому возможности дышать.

Напряжённый пневмоторакс, вот как это называется. Сейчас Мишка дышит только одним лёгким. Потому и синий, потому и одышка такая.

И что прикажете мне делать? Лечить парня нужно срочно: плохееет на глазах. Требуется вмешательство грудного хирурга, а где его взять-то в Кобельках?

– Доктор, ему хуже! – закричала Зара, дёргая меня за рукав.

Осторожно освободившись от её рук, я полез в дежурный чемоданчик, перебирая его содержимое и пытаюсь собрать всё нужное для неотложной манипуляции.

«Перевести напряжённый пневмоторакс в открытый», – будто мантру повторял я про себя фразу из учебника по хирургии. А это значит, что мне придётся поставить в грудную полость Мишки специальный дренаж, чтобы отсасывать поступающий в неё воздух.

Нужное в чемоданчике упорно не находилось. Вернее, находилось, но не всё. Большой шприц Жанэ отыскался моментально, да и немудрено: огромный прибор занимал собой добрую четверть саквояжа. Перчатка и одноразовая капельница тоже не стали проблемой. Но вот где раздобыть специальный стилет для пункции с уже надетым на него катетером?

Краем глаза я посматривал на Мишку. Тот посинел ещё больше и начал закатывать глаза.

– Клавдия Петровна, кислород ему дайте, живо! А потом возьмите флакон с физраствором и разведите в нём фурацилин. Будем дренаж ставить. По Бюлау! – невесть зачем, уточнил я авторское название манипуляции. Вряд ли, конечно, фельдшерица его слышала.

Ошибся. Клавдия Петровна быстренько приспособила к лицу малыша маску кислородного ингалятора, развела фурацилин и принялась споро отрезать ножницами от резиновой перчатки пальцы. Для дренажа. Старик Бюлау в Кобельках явно был популярен!

Оставив бесплодные попытки отыскать стилет, я решил импровизировать дедовскими методами. Вооружился банальным скальпелем и склонился над Мишкой. Тот уже был без сознания. Ну что ж, по крайней мере, можно обойтись без анестезии. Нет худа без добра!

Нащупав пальцами нужное межреберье, я вонзил в него скальпель...

– Ай, доктор, вы что?! – заверещала Зара и принялась хватать меня за руки. От неожиданности я едва не протолкнул лезвие глубже, чем следовало.

– Отойди, Зарка, доктор знает, что делает! Мишка твой ребром лёгкое проткнул, надо лишний воздух вывести. Иначе – помрёт! – весьма доходчиво разъяснила ситуацию Клавдия Петровна и быстренько выпихнула плачущую цыганку из комнаты.

– Спасибо! – с облегчением выдохнул я и продолжил работу.

– Не за что! – ответила фельдшерица и протянула мне отрезанную от капельницы прозрачную трубку, – Это ставить будете?

– Ага! – уже не удивляясь, подтвердил я. И ввинтил трубку в только что проделанную дырку в Мишкиной груди.

А Клавдия Петровна уже подсоединяла к другому концу шприц Жанэ с фурацилином. Я принял его из её рук и осторожно потянул за поршень. По трубке в шприц пробежало немного крови. А потом – пошёл воздух. Поршень шёл с небольшим усилием. Пятьдесят кубиков...

Сто...

Двести...

Триста...

На пятистах миллилитрах поршень упёрся в заднюю стенку шприца.

– Зажать! – скомандовал я.

Клавдия Петровна с готовностью пережала зажимом трубку. Я отсоединил шприц, вернул поршень в исходное положение и подсоединил вновь. Фельдшерица освободила трубку.

Ещё двести...

Триста...

Триста пятьдесят...

Поршень двигался заметно туже. Я взглянул в лицо малыша: синева явно уменьшилась, да и дышит теперь намного спокойнее.

Четыреста двадцать.

Всё. Поршень остановился. Воздух в шприц больше не поступал. Хочется верить, что и лёгкое расправилось.

– Зажать!

Опять зажим на трубке. Фельдшерица без моих команд приладила к свободному концу трубки палец от резиновой перчатки со вставленной в него спичкой. И засунула получившийся клапан во флакон с фурацилином. Простая, но чертовски эффективная конструкция! Имени Бюлау.

Мишка открыл глаза. Дыхание его стало совсем спокойным, гадкая синева ушла. Из трубки, погруженной в жёлтый раствор, время от времени вырывались пузырьки воздуха. Дренаж работал.

– Как дела, молодой человек? – улыбаясь, спросил я пацана.

Вместо ответа он показал мне большой палец. И тоже улыбнулся.

– Клавдия Петровна, пригласите мать!

Зара влетела в комнату и с разбега грохнулась на колени у постели сына, уронив голову ему на живот. Роскошные чёрные волосы блестящим одеялом укрыли всего Мишку.

– Мам, ты чего? – всё ещё улыбаясь, поинтересовался он.

Зара встрепенулась. Она подняла голову и недоверчиво всмотрелась в лицо сына:

– Мишенька? Золотой мой, тебе лучше?!

– Ага! – гордо ответил он.

Цыганка вспорхнула с пола и повисла на моей шее. Что-то бессвязное шепча по-своему, будто в бреду.

– Всё уже хорошо, Зара. Самое страшное позади. Сейчас мы вызовем «Скорую» из района и Мишку отвезут в больницу. Отлежится недельки две – и будет, как новенький! – поглаживая по спине бормочущую женщину, приговаривал я.

Потом, в ожидании «перевозки» из района, мы все сидели на кухне у Зары и пили безумно вкусный чай, заваренный на каких-то травах. Вернее, все, кроме Мишки. Парень, намаявшись, мирно спал в своей постели под аккомпанимент тихого бульканья пузырьков во флаконе.

Поглядев на часы, я покачал головой: уже почти два часа мы были в этом доме. А в больнице – куча народу приёма ждёт!

– Клавдия Петровна, боюсь, вам придётся вернуться в больницу. Иначе Мария Глебовна там костями ляжет! Так что, собирайтесь. Кеша вас отвезёт и за мной вернётся, – прервал я почти семейную идиллию.

Фельдшерица с водителем с сожалением оторвались от своих чашек и засобирались.

– Только чемоданчик оставьте на всякий случай! – попросил я, очень надеясь на то, что такого случая не будет.

Зара проводила их до машины и вернулась. Уселась напротив, подпёрла подбородок руками и принялась сверлить меня огромными чёрными глазами. Чтобы скрыть неловкость, я уткнулся носом в чашку.

– Вы вчера только приехали, Пал Палыч, верно? – поинтересовалась вдруг цыганка.

Я кивнул:

– Вчера.

– А ведь вас уже присушил кто-то тут, в Кобельках! – торжественно констатировала она.

Я поперхнулся чаем. Прокашлявшись, поинтересовался:

– Это как так: «присушил»? И кто же?

Зара улыбнулась:

– Женщина ваше сердце заняла. Да прочно-то как! – прищурясь, она посмотрела на мою грудь, будто и в самом деле разглядев сквозь одежду и тело занятое сердце, – А вот кто – не скажу. Знаю только, что не наша она. Не здешняя. Красивая, наверное?

– Очень! – машинально подтвердил я. И покраснел, сообразив, что попался.

Цыганка рассмеялась и взялась чайник:

– Ещё чаю, Пал Палыч? Да вы не смущайтесь, это же хорошо, когда любишь. Главное это. Многих любят, многие думают, что любят... А вот так, чтобы по-настоящему, из души – немногим дано. Счастливый вы, доктор!

– Наверное... Только я и сам пока ещё не понял, люблю ли... – ни с того, ни с сего, разоткровенничался я с Зарой.

– Поймёте. Обязательно поймёте. А когда поймёте – не испугайтесь. Многие пугаются той силы, которой полна настоящая любовь... и бегут от неё. Чтобы никогда больше её не встретить. Вы – не убегайте! – строго сдвинув брови, приказала цыганка.

– Не испугаюсь. И не убегу! – абсолютно серьёзно пообещал я.

Зара вдруг протянула через стол руки и взяла меня за щёки. Я замер. Ладони цыганки были невероятно горячими. С минуту она пристально вглядывалась в мои глаза. А я не мог оторвать взгляда от двух глубоких чёрных омутов, вбирающих, засасывающих в себя свет.

– Верю! – она, наконец, отпустила меня и улыбнулась, – Так что, чаю вам ещё налить?

– А давайте! – махнул я рукой. Наваждение исчезло.

Еще с полчаса мы болтали о всяких пустяках. Время от времени выходя в спальню проводить спящего Мишку. А потом вдруг Зара коснулась темы, которая никак не могла оставить меня равнодушным. После всех нынешних событий.

– Вы в неудачное время приехали в Кобельки, доктор. Нехорошо здесь стало.

Я вздрогнул. Точно такими же словами, помнится, охарактеризовал положение дел в округе и участковый.

– Что вы имеете в виду, Зара?

– У нас тут женщины гибнут. Да не просто женщины, а беременные. Слышали, наверное? За два дня – три покойницы.

«И чуть не случилась четвёртая!» – мысленно уточнил я, вспомнив чудесное спасение жены Антона Ивановича. А вслух подтвердил:

– Слышал, конечно. И, к сожалению, двух из них даже видел. Беда.

– Это убийства? – цыганка сверлила меня испытующим взглядом.

Я пожал плечами:

– Не знаю, я же не криминалист. Насколько мне известно, никаких следов чьего-то злого умысла на местах происшествий обнаружено не было.

Зара в задумчивости покачала головой:

– Пал Палыч, вы верите в поверья? В легенды, приметы всякие, предсказания?

От неожиданного вопроса я опять чуть не поперхнулся:

– Зара, я врач. Мне не положено верить во всякую мистику. Уж извините, если я вас этим задел.

Она невесело усмехнулась:

– Да нет, вовсе не задели. Мистика, говорите? Ну, переубеждать вас я не стану: вы пока слишком молоды, понимание многого к вам ещё придёт...

Теперь усмехнулся я: Зара была не старше меня.

Она заметила усмешку:

– Мы жили в разных мирах, доктор. Да, мы ровесники. Но я – старше. Намного старше. Поверьте, так бывает!

Я поверил. Странно, за сегодня Зара была уже второй женщиной, которой верилось во всё и безоговорочно.

– Так вот, я не буду вас переубеждать, Пал Палыч. Расскажу только одно старое цыганское поверье, которое жило в моём таборе. Я ведь в таборе выросла, знаете?

– Знаю, – кивнул я.

– Страшное поверье. И очень, очень древнее, – Зара прикрыла глаза, откинулась на спинку стула и замолчала на минуту.

Потом протяжно заговорила тихим, неузнаваемым голосом:

– Нет в мире ничего более прекрасного, чем женщина, носящая под сердцем дитя. И нет в мире никого, более уязвимого, чем она. Ибо красота её и неродившегося ребёнка желанна не только для того, кто любит их, но и для того, кто алчет бессмертия. И придёт тот в недобрый час, и отберёт две жизни: матери и плода её. И вольёт он душу нерождённого в свою, будто светлый ручей в чёрную топь. И пойдёт дальше по миру, собирая нерождённые, ясные души, пока не наберётся таких трижды по шесть. И тогда обретёт собравший их исцеление от всех недугов, бессмертие тела и исполнение единственного желания своего...

Зара замолчала. По моей спине пробежал холодок.

– Если я правильно всё понял, убийца восемнадцати беременных женщин должен исцелиться от всех болезней, обрести бессмертие, да ещё и одно его желание исполнится?!

Цыганка открыла глаза и потрясла головой, будто стряхивая с себя остатки сна:

– Согласно поверью, именно так. При условии, что сам он в момент убийства будет находиться рядом с жертвой. Чтобы душа неродившегося ребёнка переселилась в него.

– Бред! – подытожил я.

Зара пожала плечами:

– Я серьёзно отношусь к нашим поверьям, Пал Палыч. Предки не могли просто так, ни с того, ни с сего, придумать *такое*... Кто знает: может, и в самом деле бред? А вдруг – мотив?

За окном послышался звук подъехавшей машины и скрип тормозов. Я встрепенулся и вскочил:

– Это, наверное, «Скорая» из района. Вот и славно: сейчас отправим вас с Мишкой в больницу, там его подлечат и будет опять по заборам скакать!

Зара с улыбкой поднялась из-за стола:

– Ну, нет: на забор он теперь долго не полезет. Уж я об этом позабочусь!

Вдвоём мы вышли на крыльцо. Перед домом и впрямь стояла «Скорая помощь».

9 сентября, Кобельки, участковая больница, 00—30.

– И запомните: никаких больше мочегонных! – погрозил я пальцем тучной даме лет пятидесяти, местной продавщице.

Та, старательно прижимая сосискообразным пальцем ватку к локтевому сгибу, заныла:

– Так ведь хотелось же вес согнать! Вы только посмотрите на меня: это ж уму непостижимо!

– Согнали? – осведомился я.

Она потупилась.

– Не согнали, – моя констатация прозвучала достаточно жёстко, – Зато чуть не ушли в страну вечной охоты!

– Что? – не поняла жертва фурсемида.

– Я говорю, чуть не померли. Ещё немного – и повывели бы весь калий из организма. И ваше сердце грустно трепыхнулось бы напоследок, да и остановилось. Потому, как не может оно, сердце, без калия. Ясно?

– Ясно! – вздохнула она, – Но как же похудеть-то? Уж я чего только не перепробовала...

– Увы, мой совет может свестись лишь к двум правилам. Потому, как я не диетолог и большой циник, – развёл я руками.

Уже открыв дверь, дама с интересом обернулась:

– Так скажите же, доктор! Что за правила?

– Простейшая физиология: чтобы похудеть, надо меньше есть и больше какать. Следующий! – через плечо оторопевшей дурочки крикнул я в коридор.

Вместо следующего, в кабинет вплыла Мария Глебовна:

– Всё, доктор. Больше нет никого!

Дождавшись, пока ошарашенная новым знанием пациентка выйдет на улицу, я торжественно заявил:

– Любого, осмелившегося разбудить меня раньше восьми ноль – ноль утра, заранее объявляю личным врагом!

Акушерка улыбнулась:

– Идите отдыхать, Пал Палыч! Умотались вы за сегодня.

– Да уж... Вы тоже отдохните, Мария Глебовна. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи.

Водные процедуры прошли уже в полусне. Почти не открывая глаз, будто заправский лунатик, я прошествовал из душа в свою палату... пардон, квартиру! И упал на баронову кровать. Сознание тут же отключилось.

Проснулся я от странного чувства. Если попытаться его сформулировать, то получилось бы что-то вроде «если немедленно не проснусь то пропущу нечто очень важное». Сон улетучился сразу.

Рывком я сел в постели. В комнате был кто-то ещё.

– Я поняла, что не могу не прийти! – голосом Али сказал светлый силуэт у двери.

– Ты пришла, когда я понял, что не могу без тебя, – неслышно прошептал я. Даже не удивившись.

Она услышала:

– Я с первой минуты знала, что так будет. Как только открыла глаза здесь, в больнице. Ещё не видя тебя.

– А я – знал всегда. Я видел тебя раньше много раз. Во сне.

По интонации Алиного молчания я понял, что она улыбается:

– Ты странный, Паша.

– Ты тоже. Кто ты, Алька?

Бледный силуэт у двери пожал плечами:

– Я и сама не знаю, кто я. Забыл?

Я встал и подошёл к ней. Совершенно не стесняясь собственной наготы.

Аля сбросила с плеч казённую простынку и положила руки на мои плечи:

– Ты веришь в судьбу?

– Я верю в нас.

– Как это?

– Знаешь легенду о том, как давным – давно Бог разделил людей на половинки?

– Расскажи! – попросила она.

– Когда-то не было мужчин и женщин. Были просто люди. И однажды Бог решил разделить их на половинки. Каждого. А потом взял, да и перемешал всех. Так люди разделились на мужчин и женщин. И с тех пор ходят они по миру, ищут свои половинки. Очень немногие находят, – я уткнулся губами в тёплые волосы и закончил, – Мне повезло: я нашёл.

– Мне тоже, – прошептала она и прижалась ко мне.

– Я ждал, что ты придёшь. И боялся этого, – признался я.

– Почему – боялся?

– Ты – Мечта. А когда мечты сбываются, они перестают быть мечтами.

– Я уже сбылась?

– Да.

– И перестала быть мечтой?

– Нет.

– Так чего же ты боишься? – в темноте её улыбка светилась.

– Теперь – ничего.

– Давай сбудем ещё одну мечту? – предложила Аля.

– Давай. А какую?

Вместо ответа она надолго прильнула к моим губам своими. Оторвавшись, взяла меня за руку и потянула к бароновой кровати:

– Эту.

Ночь вместе с нами неслась сквозь время. По стенам плясали тени, жалко передразнивая нас. Мир сузился до размеров бывшей палаты №6, ныне – моей казённой квартиры. В которую ко мне и явилась моя Мечта.

Она улыбнулась и откинулась на подушки:

– Я и не подозревала, как это чудесно!

– Тебе не было больно? Поначалу?

– Нет. Мне было хорошо. Просто волшебю.

– Ты – не просто Мечта. Ты – Сказка. Так не бывает.

– Так – есть, – Аля тихо засмеялась, – У тебя вид невероятно довольный. Как у кота, который сметаны наелся. Я так и буду тебя звать – Кот.

И потянулась всем телом.

– На себя посмотри: вылитая кошка. А я буду звать тебя Кошкой. Вернее – Котёнком. По обстоятельствам.

Она крепко обняла меня, прижавшись всем телом. Будто прощаясь.

– Я люблю тебя, Кот!

– Я люблю тебя, Кошка!

Ночь отступала и возвращалась вновь. То наполняясь бессвязным шёпотом губ, ищущих в темноте друг друга, то вновь наслаждаясь звенящей тишиной. Нарушаемой лишь нашим дыханием, да сверчками за окном.

– Интересно, который час?

– Счастливые часов не наблюдают. Зачем тебе время сейчас, Кошка?

– У меня странное чувство... Кот. Будто время остановилось, но в то же время – летит с бешеной скоростью. Понимаешь?

Я прислушался к себе:

– Понимаю. Ты права, Аля.

– Помнишь, я сказала, что с тобой не страшно время?

– Помню. Что это значит?

– Когда тебе очень хорошо, всегда есть страх, что это скоро закончится. Или не скоро, но – закончится. А с тобой мне не страшно.

– Всё когда-то кончается, Котёнок, – я нагнулся и поцеловал её.

– Знаю. Но не боюсь.

– Умница. Я с тобой. Мы – вместе. Это главное.

– Кажется, я счастлива, Кот!

– А без «кажется»?

– Счастлива.

– Я тоже, Кошка. Тобой счастлив.

Темнота робко таилась в углах, загнанная туда светом Алиной улыбки. Определённо, в комнате стало светлее. И далёкий рассвет тут был ни при чём.

– За твою улыбку можно отдать всё! – сообщил я ей.

– Правда? А мне ничего и не нужно. Только тебя.

– Уже.

– Что «уже»?

– Я и так уже твой. От макушки до пяток. С потрохами.

Аля засмеялась и села в постели, критически оглядывая меня:

– Должна сказать, что моё приобретение мне нравится. Даже очень.

– А ты?

– Что?

- Ты – моя? Или мне кажется?
- Не кажется, Кот. Твоя.
- Так иди ко мне...

Она легко соскочила с постели, потянулась и подошла к часам. Я наслаждался чудесным видом. Не часов, разумеется.

- Если верить этим часам, сейчас уже шесть утра.
- Не верь. На них всегда шесть часов. Стоят они.
- Жаль. А почему?
- Механизма нет.
- Жаль... – повторила Аля с неподдельным сожалением, – Такие красивые.

Она открыла дверцу корпуса и тронула маятник пальцем. Тот с готовностью принялся раскачиваться на своём гвозде. Аля закрыла часы, отошла на шаг назад и удовлетворённо констатировала:

- Так-то лучше!
- И вернулась ко мне.

Солнце полоснуло по закрытым глазам. Я вскочил и огляделся. Комната была пуста. Постель тоже.

– Неужели приснилось? Не может быть! – пробормотал я, старательно осматривая простыни.

Ничего, ровным счётом ничего не напоминало о ночном происшествии! Да и я чувствовал себя отлично выспавшимся, чего по определению не могло быть, если...

Если бы всё было на самом деле!

Тяжело вздохнув, я принялся одеваться. Натягивая футболку, я вдруг понял, что в комнате поселился какой-то посторонний звук. Тихий, ритмичный и совершенно невозможный!

Выпростав голову из воротника, я тупо уставился на реликтовые часы. Они тикали. В полной гармонии с раскачиванием тяжёлого бронзового маятника.

– Чур меня, чур! – на всякий случай пробормотал я.

Часы на моё заявление никак не отреагировали и упрямо продолжали тикать. Я подошёл поближе и открыл корпус. Маятник раскачивался на своём гвозде вопреки всем известным и неизвестным мне законам физики. А стрелки показывали реальное время: 8—15.

– Опупеть! – констатировал я и ущипнул себя за живот. Больно!

Простояв в полном отупении перед часами минут пять и окончательно убедившись в том, что они не собираются останавливаться, я побрёл на водные процедуры. Справедливо рассудив, что умывшись, смогу оценить невероятную действительность более трезво.

В коридоре я нос к носу столкнулся с Алей. Она со страшно деловым видом неслась куда-то со шваброй наперевес.

- Доброе утро, доктор! – улыбаясь, поприветствовала меня девушка, пробегая мимо.
- Доброе... – машинально пробормотал я и тут же опомнился, – Аля!
- Да, Пал Палыч? – остановившись, она обернулась ко мне. Зелёные глаза смеялись.
- Аля, э-э, скажите... – замялся я, пытаюсь сформулировать мучавший меня вопрос.

Девушка терпеливо ждала.

– Аля, это было? – ляпнул я, наконец.

Она подошла ко мне вплотную и очень серьёзно ответила:

– Нет, Кот. Это – есть!

Легко провела горячей ладошкой по моей щеке и убежала.

Часть вторая

Шерлок Холмс и доктор Палыч

29 сентября 1987 года, посёлок Ноябрьский, ЦРБ, 17—40.

– Нет, ребята, пулемёт я вам не дам! – заявил нам главврач после недолгих раздумий.
– Какой пулемёт? – ошалело переспросила Клавдия Петровна.
– Ручной, дисковый, – объяснил я ей, – Фильм такой есть: «Белое солнце пустыни». Это оттуда.

– Точно! – подтвердило начальство.

– Александр Иванович, так за державу ж обидно! Нам в самом деле нужно это оборудование. Поверьте, я три недели уже в Кобельках, и за это время было восемнадцать, вы только вдумайтесь, – восемнадцать случаев, требующих интенсивной терапии! Из них – одна клиническая смерть. И ещё в шести случаях события могли развиваться по другому, печальному сценарию! – я перевёл дух и грустно закончил, – А у нас нет даже банального дефибриллятора, не говоря уж об ИВЛ, интубационных наборах и мониторах.

– Да-да, Александр Иванович, – встряла в разговор фельдшерица, – Пал Палычу даже пришлось дефибриллятор из ложек делать!

Я ткнул её пальцем в бок, но было поздно.

– Из чего делать? – брови начальства недоумённо вздыбились, отчего гигантский колпак подпрыгнул почти до потолка.

– Из ложек! – пискнула Клавдия Петровна и спряталась за меня.

– Эт-то как? – поперхнулся главный.

Я вздохнул и объяснил. Повисла напряжённая тишина.

После долгой паузы начальство, наконец, отмерло и осведомилось:

– И помогло?

Я пожал плечами:

– Пациентка выжила.

Александр Иванович выбрался из своего логова, подошёл вплотную ко мне. И принялся тарашиться на меня снизу вверх, отчего мне тут же захотелось присесть на корточки.

Налюбовавшись вдоволь, начальство изрекло:

– А знаете что, Пал Палыч? Пожалуй, я выпишу вам всё, что вы просите. Иначе, неровён час, в следующий раз вы надумаете ИВЛ из какого-нибудь трактора соорудить. А в разгар уборочной страды нам этого не простят. В райком затаскают.

Я расплылся в улыбке:

– Спасибо, Александр Иванович!

– Не за что! – буркнул главный и вальяжно прошествовал за свой стол.

Уселся, подтянул к себе мою заявку и поставил на неё размашистую визу:

– Возьмите, отдадите главной сестре, она вам всё выдаст. Удачи!

Мы с Клавдией Петровной попрощались и направились к выходу.

– Пал Палыч! – окликнул меня главный, когда я уже взялся за ручку двери.

Я обернулся.

– А вы молодец. Надо же – дефибриллятор из ложек! Это ж фантастика просто!

– Фантастика, конечно, – согласился я, – Вот только автора не помню. То ли Кларк, то ли Стругацкие.

И, не дожидаясь, пока озадаченное начальство придёт в себя, выскочил за дверь. Мало ли, вдруг ещё передумает.

Мы уже почти загрузили «УАЗик» отвоёванным оборудованием, когда в больничный двор въехал знакомый милицейский «воронок».

– Здравия желаю, лейтенант! – поприветствовал я выпрыгнувшего из машины Семёна Михалыча.

– Здорово, Палыч! – он крепко пожал мне руку, – Клавдия Петровна, я вашего доктора заберу?

– А что он натворил? – из салона высунулась озабоченная фельдшерица.

Кешка тоже выкарабкался из кучи коробок и молча уставился на нас.

– Пока ничего. Я для профилактики, – рассмеялся лейтенант.

– Ну, тогда забирайте! – великодушно разрешила Клавдия Петровна.

Я вопросительно поглядел на Семёна:

– Случилось что-то?

– Случилось. Новая покойница. Пятнадцатая.

– Шестнадцатая, – поправил я его.

Лейтенант недоумённо посмотрел на меня. Я пояснил:

– Об одной ты не знаешь.

– А тебе-то откуда известно? – Семён озадачился ещё больше.

– Известно. Аля сказала.

После недолгой паузы, в течение которой участковый беззвучно открывал и закрывал рот, он опомнился:

– Ладно, потом расскажешь в подробностях. А сейчас пошли: совет держать будем. С Абрамом Мееровичем.

– А это кто?

– Вот и познакомьтесь. Мудрейший человек! Ты своих-то отпусти, я тебя потом сам отвезу.

Я раздал ценные указания персоналу и, вслед за участковым направился к приземистому одноэтажному зданию, притаившемуся в самом дальнем углу больничного двора.

«Мудрейший человек» оказался старым патологоанатомом.

– Здравствуйте, Пал Палыч, рад вас видеть! Наслышан, наслышан уже о вас! Давно хотел повидаться, да всё как-то okazji не было.

Старичок был необычайно бодр и свеж для своих лет. Которых, по моим скромным прикидкам, ему набежало очень даже немало.

– Рад познакомиться, Абрам Меерович! – я осторожно пожал сухонькую ладонь и с немалым удивлением ощутил весьма крепкое ответное пожатие.

– Коньячку? – Абрам Меерович скорее констатировал, чем спрашивал.

– Я за рулём, – с заметным сожалением откrestился лейтенант, – Это вы уж с Палычем как-нибудь.

– Можно и коньячку, – пожал я плечами.

– Тогда милости прошу за стол! – старик провёл нас в свой кабинет, неведь откуда извлёк бутылку и ловко разлил в две стопочки коричневую жидкость.

Терпеливо дождавшись, пока мы осушим стопки, Семён начал военный совет:

– Палыч, ты пока не в курсе. Сегодня утром в Антоновке обнаружили ещё одно тело. Покойница тоже была беременна.

– Причина смерти? – поинтересовался я.

– В том-то и дело, что выбивается из прежнего сценария. Самоубийство. Если точнее, то – повешение...

– Позволю себе не согласиться, милейший Семён Михайлович! – перебил его патологоанатом, старательно разливая очередную порцию коньяка.

Мы вопросительно уставились на него.

– Это – не самоубийство! – торжественно заявил Абрам Меерович.

– А что? – в один голос спросили мы.

– Убийство, господа, убийство. Повесили несчастную уже после смерти.

– Уверены? – недоверчиво поинтересовался Семён.

– Голубчик, я в этом скорбном месте проработал тридцать лет. Уж поверьте, могу отличить смерть от повешения от таковой по другой причине! – невесело усмехнулся патологоанатом.

– «Другая причина» – это какая?

– Покойнице банально свернули шею, – как-то буднично поведал старик и опрокинул в рот свою стопку.

Лейтенант выругался, вскочил и принялся нервно расхаживать по кабинету. Я поймал его за штанину:

– Семён, и что: по-прежнему никаких следов?

– Абсолютно никаких! Осмотрели всё – тщательнее некуда! Следственная бригада приезжала, как и положено на суициды. И вот ведь, какая завыка-то ещё: окна и дверь были закрыты изнутри! Никаких следов взлома. Дверь нам уже пришлось вскрывать, когда сестра убитой милицию вызвала.

– Это что же, получается, убийца каким-то образом возник внутри дома, свернул жертве шею, повесил её и таким же таинственным образом улетучился?! – я не верил своим ушам, – Это же бред полный!

– Бред! – согласился Семён, освободил свою штанину и вновь принялся носиться по кабинету.

Патологоанатом вздохнул и налил себе ещё коньяку.

– Ты думаешь, эта смерть – из того же ряда, что и предыдущие? Всё-таки, три недели прошло, как всё затихло. Да и сама смерть не вписывается в прежнюю схему: раньше-то несчастные случаи были, а сейчас – явное убийство, пусть и замаскированное, – с сомнением нарушил я затянувшуюся паузу.

– Так-то оно так... Знаешь, Палыч, я почти уверен, что это – продолжение серии. Да, сценарий другой. Но смотри: как не было никаких следов убийцы, так их и нет. А это – само по себе характерно, знаешь ли... Опять же – основной объединяющий признак жертв – все они были беременны, – лейтенант прекратил метания по комнате и тяжело плюхнулся на свой стул, – Нет, док, это работа одного и того же парня.

– Почему же обязательно «парня»? – вскинулся патологоанатом, – Помните, Семён Михалыч, мы с вами уже когда-то обсуждали тему возможной половой принадлежности убийцы.

– Обсуждали, помню. Но, учитывая сегодняшний случай, – это мужчина.

– Да почему же?

– А вы можете представить себе женщину, которая легко сворачивает человеку голову? Уверю вас, без соответствующей подготовки это не так-то просто!

– А если предположить, что есть такая подготовка? – не унимался старик.

– Баба – спецназовец? – усмехнулся участковый, – Вот это уж точно бред!

– Ну, почему же обязательно спецназовец? – пришёл я на помощь Абраму Мееровичу, – Может, она просто самбо занималась. Или каратэ... Не знаю, правда, в какой борьбе есть такой приём, чтобы шею сломать?

– Нет, друзья мои, придумывать вы, конечно, горазды, но наш загадочный убийца – мужчина! зуб даю, – безапелляционно заявил лейтенант.

– Ладно, сейчас это не принципиально. Делать-то что? Твоё начальство так и открешивается от возбуждения уголовного дела? – поинтересовался я у него.

– Ну уж нет! Теперь-то мы имеем дело с очевидным убийством, если верить Абраму Мееровичу. А я ему верю.

Патологоанатом благосклонно кивнул Семёну и замахнул очередную стопку.

– Так что, теперь не отвертятся: это дело будет раскручиваться по полной программе. Но сильно подозреваю, что только это. От серии в районе и области будут отбиваться руками и ногами, – грустно закончил мысль лейтенант.

– А нам-то что сейчас делать? – спросил я.

– Думать. Думать, Палыч. Мне ваши с Абрамом Мееровичем мозги нужны.

Патологоанатом крякнул:

– Последняя фраза в этих стенах звучит довольно буквально, милейший Семён Михайлыч! – пробурчал он и указал рукой на застеклённый шкаф, в котором рядами выстроились банки с заспиртованными органами. В том числе, и с мозгами.

Лейтенант передёрнул плечами:

– Шуточки у вас, доктор!

– Работа такая! – виновато развёл руками старик.

– Так вот, товарищи, давайте думать! Потому что у меня уже весь мозг скособочился, а версий, как не было – так и нет.

– От чего плясать будем? Классика жанра – искать, кому это выгодно? – поинтересовался я.

Патологоанатом кашлянул. Мы уставились на него.

– Предлагаю подумать о том, как убийца выходит на беременных женщин. Мне кажется, так мы сможем вернее его вычислить. Да и быстрее.

– То есть? – заинтересовался Семён.

– Объясняю. Видите ли, отнюдь не во всех случаях жертвы были на поздних сроках беременности. То есть, когда уже имеет место быть большой живот. Более того, таких, помнится, было подавляющее меньшинство, – начал рассуждать Абрам Меерович, – Отсюда вопрос: каким образом убийца вычислял беременных на ранних сроках?

Мы с лейтенантом ошалело переглянулись: а ведь прав старик!

– Точно! Значит, надо искать того врача, у которого все жертвы наблюдались и состояли на учёте! – встрепенулся я.

– Или акушерку, – мрачно заметил Семён.

Клацнув зубами, я захлопнул рот. Акушерка!

– Насколько я понимаю, все погибшие женщины наблюдались в вашей больнице, Пал Палыч? – тихо спросил патологоанатом.

Я молча кивнул, пытаюсь принять совершенно неожиданную версию. Она упорно не принималась.

Мария Глебовна?! При всём желании я не мог представить себе её в роли убийцы. Или наводчицы.

– Палыч, ты сможешь поднять архивы и уточнить, все ли погибшие наблюдались у Марьи? У Марии Глебовны, то есть? – поинтересовался Семён. Вид у него тоже был убитый.

Я кивнул:

– Смогу, конечно. Если список дашь. Но... Не знаю, этого просто не может быть!

Лейтенант невесело усмехнулся:

– Поверь мне, может быть *всё*! Хотя, если честно, я тоже не верю, что Машка замешана в этом. Просто в голове не укладывается!

– Вот и у меня тоже! – согласился я.

– Стоп! Смурякову помнишь? Ну, которую вы с Кешкой в озере нашли? – встрепенулся Семён.

– Помню, конечно.

– Она-то уж точно у Марьи не наблюдалась! Потому, как в городе жила. К родителям как раз приехала, когда её утопили!

– Ну да, точно! Значит...

– Да ничего это не значит! – вклинился в наш диалог патологоанатом, – У этой, ...как вы сказали? Смуряковой? Не важно: у женщины, утонувшей в озере, был уже приличный срок беременности. Точно не помню, но восьмой-девятый месяц, не меньше. Она даже родила в агонии, если вы не забыли.

Я поёжился. Такое не забудешь!

– Стало быть, живот у неё был большой и вполне очевидный. Убийца мог просто случайно увидеть её, догнать и утопить, – продолжил мысль Абрам Меерович, – Так что, друзья мои, тот случай никак не исключает причастности вашей акушерки к убийствам. Как бы вам этого не хотелось.

Мы с лейтенантом понурились. Старик опять был прав.

– Ладно. Палыч, как договорились: список жертв я тебе дам, а ты проверишь архивы. Дальше – по обстоятельствам. С этим решили, – стукнул ладонью по столу участковый.

– Меня, всё-таки, очень интересует мотив убийств. Или мотивы, – задумчиво протянул патологоанатом, – У кого-нибудь есть идеи по этому поводу?

Повисла тишина. Идей явно не было. Хотя...

– Ну, если уж у нас идёт мозговой штурм, надо выдавать на-гора любые версии, даже самые невероятные. Верно? – спросил я.

– Разумеется. Тем более, что в этом невероятном деле иных версий и быть не может. По определению, – согласился со мной Абрам Меерович. Печально глядя на почти опустевшую бутылку.

– Тогда слушайте. Недавно мне рассказали о жутковатом поверье...

В нескольких словах я передал слушателям рассказ цыганки. Минут пять после его окончания в комнате было тихо.

– А что, чем не мотив: железное здоровье, бессмертие, да ещё и одно желание впридачу?! – криво улыбнулся лейтенант.

– Мда... интересное поверье! Никогда не слышал ничего подобного, – задумчиво произнёс патологоанатом, – По моим ощущениям, это даже на цыганский-то фольклор мало похоже. Скорее, что-то из средневековой Европы...

– Чем богаты... – я развёл руками.

Семён взъерошил пятернёй волосы и заявил:

– Ладно, совсем уж мистические версии мы пока рассматривать не будем. А что касается мотива – то его ведь может и вовсе не быть: вдруг мы имеем дело с каким-то параноиком – шизофреником, который просто вбил себе в голову, что надо истребить всех беременных в округе? Вот и истребляет. Нет, товарищи мои дорогие, давайте-ка двигаться по намеченному пути. Проверяем Марью, а там уж, в зависимости от результатов, будем думать дальше. Принимается?

– Угу! – нестройно промычали мы с Абрамом Мееровичем.

– Вот и отлично! Голосовать не будем, – лейтенант встал из-за стола и протянул руку патологоанатому, – Всё, Абрам Меерович, позвольте откланяться. Темно уже, а нам ещё до Кобельков надо доехать. Спасибо за ценные подсказки: за мной должок!

– Вы лучше маньяка поймайте, Семён Михайлович, – пробурдел старик, с трудом выкарабкиваясь из-за стола и пожимая руку участковому.

– Поймаем. Обязательно поймаем, – очень серьёзно пообещал тот.

Не знаю, как Абрам Меерович, а я поверил. Этот – поймает.

29 сентября, Ноябрьский район,
21—35

– Оксанка, езжай-ка ты, всё-таки, к сестре в Челябинск! – с трудом перекрывая свист встречного ветра, прокричал Антон.

– Тошка, мы уже это обсудили, разве нет? – Оксана кричала в самое ухо мужу, крепко прижимаясь к его спине.

Мотоцикл мчался по грейдеру, нещадно трясясь и подскакивая. Луч света от фары плясал в месте с ним, время от времени выхватывая из темноты несущуюся навстречу дорогу. Женщине приходилось до боли в пальцах цепляться за скользкую кожанку сидящего впереди мужа.

– Обсудить-то обсудили, но... Ты езжай. Так будет лучше. Да и мне спокойнее! – не унимался тот.

– Антон, три недели прошло! Со мной всё в порядке. Да и никто больше не погибал. Не паникуй!

– Я не паникую. Но ты, всё-таки поезжай. Месяц – другой погостишь там, а потом, когда всё здесь утрясётся, я тебя заберу.

– Сдурел?! Да я там свихнусь уже через неделю! Какие «месяц – другой»?! А ты тут как же без меня? А работа? – от возмущения Оксана едва не свалилась со своего сиденья.

– За меня не беспокойся, не пропаду. А что касается работы: так у тебя в твоей конторе отпусков за сколько лет накопилось? Вот и отгуляешь хотя бы половину.

– Да не хочу я отгуливать в Челябинске! Чего я там не видала? Лучше следующим летом на те же два месяца на море поехать. В Крым, к примеру!

– Ксюха, у меня душа не на месте, правда! Я ж тогда, когда твою шляпу в озере нашёл – думал, помру тут же! Или свихнусь! Боюсь я за тебя, понимаешь? Боюсь! – в сердцах Антон добавил газу.

Мотоцикл рыкнул и прыгнул вперёд. Оксана вцепилась в бока мужа:

– Ты чего?! Аккуратнее езжай! Нас тут трое, забыл?

– Извини! – опомнился он, сбрасывая скорость.

– Тошка, да ты не бойся, ничего со мной не случится! Я и так уже никуда почти из дому не выхожу. В лодке не плаваю, к озеру – ни ногой! Ну пожалуйста, не отсылай меня в Челябинск! – умоляюще прокричала она и легко укусила мужа за ухо.

– Ай! Ксюха, ты чего кусаешься?!

– А ты чего меня в ссылку отправляешь? Холостым походить хочешь? Не выйдет!

– Да ну тебя! – Антон замолчал и сосредоточенно уставился на бегущую под переднее колесо дорогу.

– Обиделся? Ну и зря: я же любя!

Ответить Антон не успел. В световом пятне, бегущем впереди, внезапно возникла огромная человеческая фигура. Антон рванул руль, уводя мотоцикл влево, но переднее колесо уже встретилось с неожиданным препятствием.

Машина будто споткнулась. Невидимая рука с огромной силой швырнула Оксану сначала в спину мужа, оказавшуюся неожиданно больно – жёсткой, а потом и вовсе вырвала из седла и метнула далеко вперёд, в темноту. От удара о землю женщина на миг потеряла сознание.

Тут же очнувшись, она услышала жуткий клокочущий хрип. Хрипел Антон.

– Тошка! – позвала Оксана, – Тошка, ты живой?

Только хрип в ответ. Чувствуя, как в грудь заползает страх, женщина попыталась встать. К её удивлению, получилось. Только сильно болел ушибленный бок и жутко кружилась голова. Пошатываясь, в крошечной темноте она побрела к мужу, ориентируясь на звук.

– Тошка, ты чего? Расшибся, да? – едва не споткнувшись о лежащего Антона, робко спросила Оксана.

Молчание. Только рвущий душу хрип.

– Тошка, миленький, не молчи! Ответь хоть что-нибудь, ну пожалуйста! – женщина присела на корточки, ощупывая тело мужа. Её пальцы тут же стали мокрыми и липкими.

Из-за облака выглянула луна. Её неживого света хватило на то, чтобы разглядеть лежащего.

– Тошка! – в отчаянии закричала Оксана.

Муж лежал в неловкой, невозможной позе. Обе руки оказались вывернуты под неправильным каким-то углом. А голова...

Антон лежал лицом вниз. Уткнувшись носом в центр большой тёмной лужи. Которая на глазах становилась всё больше и больше...

Оксана всхлипнула. Ужас придавил её, отобрав дыхание.

– Тошка, миленький, потерпи, я сейчас! Сейчас...

Но что именно «сейчас», женщина не представляла. Она беспомощно огляделась: свет неполной луны вырывал из темноты лишь небольшой участок дороги, в центре которого лежал Антон. Что творится за обочиной – уже было не разглядеть.

Оксана осторожно тронула хрипящего мужа за плечо. Тот никак не отреагировал.

– Господи, что же делать-то? – прошептала она.

Кажется, в таких случаях трогать пострадавшего ни в коем случае нельзя. До приезда врачей. Вот только где ж их тут взять-то, врачей?!

Оксана ещё раз огляделась. В пылу спора с мужем она совершенно не следила за дорогой. И теперь решительно не могла понять, где находится. Если судить по времени, которое они затратили на дорогу, до Кобельков оставалось ещё километров пять-шесть. Вряд ли больше.

Оставить Антона здесь, а самой бежать за помощью? Час, не меньше, ей придётся добираться до посёлка. Потом ещё минут двадцать – обратно, на больничной машине. Выходит – почти полтора часа! И всё это время Антону придётся лежать тут, уткнувшись носом в лужу собственной крови.

А что ещё делать? Одна она ничем мужу помочь не сможет. Сидеть тут в надежде, что мимо кто-нибудь проедет? Так ведь можно всю ночь просидеть – и не дожидаться. Как же быть-то?

Сзади послышался шорох. Оксана обернулась – и оцепенела.

Из придорожного кювета медленно поднималась тёмная фигура. В неярком свете луны она казалась огромной. Поднявшись на ноги, незнакомец замер.

Господи, как же она забыла-то! Тот человек, на которого они наткнулись! Это же он сейчас стоял в каких-нибудь десяти шагах от неё.

– Вы... вы в порядке? – робко спросила Оксана незнакомца. И тут же вспомнила, с какой силой мотоцикл врезался в него. Какое уж тут «в порядке»!

Но – вот ведь, что странно: незнакомец стоял теперь перед ней, как ни в чём ни бывало. Будто и не было удара, развалившего мотоцикл и почти убившего Антона!

– Вы целы? – изумилась вслух женщина, – Вы можете мне помочь?

Всё так же молча, тёмный силуэт сделал шаг вперёд. К ней, к Оксане.

Внезапно она ощутила мощный прилив страха. Но не такого, которым она боялась за мужа. Новый страх был другим: Оксана испугалась за себя – до дрожи, до подгибания коленок.

– Кто вы?! Как вы тут оказались? Что вам нужно? – дрожащим голосом выкрикнула женщина.

Вместо ответа незнакомец сделал ещё шаг.

– Не надо, не подходите ко мне! – истерично заголосила Оксана, – Не подходите, а то... – и осеклась, поняв внезапно, что никакого такого «а то» не будет.

Ночь. Степь. Странный и страшный человек из темноты перед ней. Антон, лежащий без сознания и истекающий кровью. И она сама – абсолютно беззащитная перед неожиданно угрозой. Что она может сделать?!

Да ничего! Если только – бежать? Бежать сломя голову в лес, темнеющий на фоне светлого неба в сотне метров от дороги? Оставив Антона?

Будто услышав её мысли, муж захрипел ещё громче.

– Тошка! – всхлипнув, женщина потянулась было к нему, чтобы перевернуть, но тут же испуганно убрала руки. Вспомнила, что – нельзя.

– Теперь-то никуда не денешься! – тёмная фигура приблизилась ещё на шаг.

Оксану затрясло. То, *как* это было сказано, не оставляло никаких сомнений в намерениях незнакомца. Она поднялась на ноги и пятясь, стала медленно отходить в сторону темнеющего неподалёку леса.

Страшный пришелец двинулся за ней. Не торопясь, даже не пытаясь сократить расстояние до своей жертвы.

– Кто вы?! – ещё раз спросила Оксана.

Молчание в ответ. Только эхо мячиком проскакало по дороге и умерло где-то в лесу.

– Никуда не денешься! – повторил незнакомец и засмеялся.

Странный это был смех. Утробный, гулкий: будто в бочку. И странно – знакомый. Вот только где она уже слышала его, Оксана припомнить не могла.

Она продолжала пятиться. А человек из темноты – наступать. Вот он уже подошёл к хрипящему на земле Антону – и просто переступил через того, будто через бревно.

Оксана тоскливо взглянула на едва различимый в темноте лежащий силуэт мужа, развернулась – и побежала в лес. Сзади тут же затопали тяжёлые шаги.

Она мчалась сквозь темноту, не чуя под собой земли. Мчалась в никуда: что там, в лесу, куда бежать дальше – женщина не представляла. Да это и не важно было сейчас: прочь, прочь от того, кто тяжело бежал сзади! Лишь бы не споткнуться, не упасть!

Оксана ворвалась в лес и запетляла между деревьями. Тут же потеряв всякую ориентацию. Вокруг были совершенно одинаковые тёмные стволы сосен, между которыми – ни просвета: лишь вязкая чернота. Да ещё и луна основательно забаррикадировалась облаками, явно не собираясь выглядывать из-за них в ближайшее время.

Несколько минут женщина просто бежала, куда глаза глядят. Вернее, куда ноги несут, потому что глаза в этой кромешной тьме никакой роли не играли.

Наконец, задохнувшись от неистового бега, Оксана остановилась. И попыталась прислушаться. Не получалось: её собственное громкое дыхание, казалось, слышно было во всей округе.

Опершись руками о смолистый сосновый ствол, Оксана с трудом перевела дух. Задышав, наконец, спокойно, она принялась слушать тишину.

Ничего. Лишь обычный для ночного леса набор: далёкий крик какой-то ночной птицы, лёгкое шуршание ветра, запутавшегося в ветвях, едва различимый шум запоздалой машины...

Машины?! Оксана затаила дыхание и прислушалась: ну да, точно, ветер доносит натужный рокот двигателя. И этот звук – приближается!

– Тебе не уйти, дрянь! – глухо сообщила ночь за её спиной.

Оксана резко обернулась: её страшный преследователь стоял в каких-нибудь трёх метрах от неё. Собственно, его самого женщина не видела – лишь сгусток темноты.

Взвизгнув, она сломя голову помчалась на звук приближающейся машины.

29 сентября, Ноябрьский район,
21—47

– Кстати, Палыч, а что ты там говорил насчёт того, что об одной жертве я не знаю? – вспомнил вдруг лейтенант.

Милицейский «воронок», старательно урча двигателем, неторопливо вёз нас по грейдеру. Семён пристально вглядывался в темноту впереди: дорога, разумеется, не освещалась.

– Мне Аля говорила, что на самом деле жертв было не пятнадцать, а шестнадцать. И что об одной из них – самой первой – ты не знаешь, – пояснил я.

– А она откуда знает?

Я пожал плечами. Откуда у Альки появляется знание некоторых вещей, я и сам бы хотел знать:

– Просто знает – и всё. Это её слова.

Лейтенант помолчал немного. А потом неожиданно изрёк:

– Она у тебя – необыкновенная. Ты береги её, Палыч!

– Берегу. И буду беречь! – серьёзно пообещал я.

Аля перебралась ко мне в тот же день. Вернее, в тот же вечер. Я даже не удивился, обнаружив её, уютно свернувшейся калачиком в большом старом кресле под ожившими часами. Просто иначе и быть не могло.

С минуту я любовался дремлющим чудом. Потом присел рядом и шепнул ей на ухо:

– Привет, Котёнок!

Она открыла глаза и улыбнулась:

– Привет, Кот! А я к тебе переехала.

– Умница! Если бы ты не переехала, я бы тебя переехал сам.

Аля засмеялась:

– А у тебя ещё будет такая возможность... ночью!

– Ах, развратница! – я ткнулся лицом в её ладони, – Алька, как хорошо, что ты здесь! Ты не сон?

– Нет. Я – мечта. Забыл?

Я поднял голову и встретился взглядом с зелёными смеющимися глазами.

– Я тебе рада, Кот! – просто сказала она.

Самым удивительным (после самой Альки, конечно!) во всём этом оказалась реакция моего персонала. Честно говоря, я немного побаивался неизбежных, как мне казалось, шушуканий за спиной, слухов, сплетен и прочих мелких «радостей». Так вот: не было ни-че-го!

Алю сразу же и безоговорочно приняли в качестве... моей жены, что ли?! Да, пожалуй, это самое верное определение. И, что характерно, мне это её качество очень даже нравилось. Настолько, что я начал задумываться о том, как перевести статус фактический в официальный. Задача осложнялась отсутствием у Али каких бы то ни было документов. Но в этом непростом вопросе обещал помочь Семён.

И вот уже три недели я пребывал в блаженном состоянии, именуемом счастьем. Со мной рядом была Алька.

Моё чудо. Моя Кошка. Моё всё.

Но в одном своём предчувствии Аля, всё-таки, ошиблась: готовить она совершенно не умела!

Но училась.

– Что за...?! – выругался вдруг лейтенант, подавшись вперёд.

– Ты чего?

– Бежит кто-то! Вон, справа, гляди! Из леса, – озадаченно сообщил Семён и ударил по тормозам.

«УАЗик» проскрипел шинами по гравию и остановился. Мы выскочили из машины.

– Помогите! – донеслось от леса. Крик был женский.

С той стороны кто-то бежал. Смутный силуэт, едва светлее деревьев, служащих фоном, определённо двигался в нашу сторону.

Участковый вытащил пистолет из кобуры и, помедлив немного, взвёл курок:

– Палыч, ты тут постой, а я проверю, что там! – и принялся спускаться с дорожной насыпи.

– Я с тобой! – крикнул я вслед и тоже прыгнул вниз.

Мы помчались навстречу бегущей женщине.

– Помогите! – ещё раз крикнула та.

– Мы идём! – гаркнул в ответ лейтенант и прибавил ходу. Я с трудом поспевал за ним, путаясь ногами в полёгшей осенней траве.

Наконец, мы добежали.

– Оксана?! – ошеломлённо воскликнул Семён.

Перед нами, тяжело дыша, и в самом деле стояла Оксана. Жена Антона Ивановича, которая чудесным образом в своё время спаслась от таинственного убийцы беременных женщин.

– Оксана, ты как здесь? Что случилось? Где Антон? – убрав пистолет и схватив женщину за плечи, допытывался лейтенант.

Вместо ответа, та ткнулась лицом в его грудь и громко, навзрыд, разрыдалась:

– Тошка... Мы ехали... Там человек был... Большой такой... Разбились... Антон умирает! – бессвязно бормотала Оксана.

– Как умирает?! Где?! – в один голос воскликнули мы с Семёном.

– Там, на дороге... я не знаю, где! Я заблудилась... за мной тот гонится!

– Кто гонится? Ксюха, говори толком! Кто за тобой гонится? Где Антон? Что с ним? – встряхнул её лейтенант.

Женщина всхлипнула:

– Антон разбился! Он там, на дороге остался, без сознания...

– Живой? – уточнил я.

– Живой... только без сознания и хрипит. Страшно так! А я хотела за помощью бежать, когда тот появился...

– Кто «тот»? – это уже лейтенант.

– Человек... Мужчина, огромный такой. Он вдруг на дороге появился, прямо перед мотоциклом. Мы в него врезались! – выкрикнула Оксана и вновь уткнулась в грудь Семёна.

– А он что? Не отвлекайся, продолжай! – прикрикнул он на рыдающую женщину.

– А он – цел, будто ни в чём не бывало! Мы на него прямо наехали, Тошка разбился, а он – цел! – Оксану била крупная дрожь.

– Дальше, дальше говори! – поторопил её лейтенант.

– А что «дальше»? Дальше я только собралась в Кобельки за помощью бежать, как он вылез из канавы – и за мной погнался. «Теперь, – говорит, – от меня не уйдёшь!»

– Он так и сказал – «теперь»? – переспросил Семён.

– Ага! Я от него в лес убежала, думала – оторвалась. А он – тут, как тут! Я опять – бежать. Услышала вашу машину, побежала на звук. Вы меня встретили. Всё! – закончила Оксана, размазывая по щекам слёзы.

– Надо срочно ехать к Антону! – вклинился в разговор я, – Судя по рассказу, его состояние тяжёлое.

– Оксана, тот человек... Он до последнего гнался за тобой? – тихо спросил лейтенант.

– Да, – всхлипнула она и оглянулась, – Ой, вон, вон он стоит!

Мы посмотрели туда, куда показывала женщина. Метрах в двадцати от нас и в самом деле виднелся тёмный человеческий силуэт!

Семён вырвал пистолет из кобуры. Звонко щёлкнул взводимый курок:

– Эй, там! Поднять руки и медленно идти ко мне!

Тень перед нами шевельнулась. Но рук не подняла и к нам не пошла.

– Повторяю: приказываю поднять руки и медленно идти ко мне, – голос лейтенанта звенел.

Незнакомец глухо засмеялся и пошёл на нас. Рук не поднял.

– Руки вверх! – крикнул участковый.

Тень ускорила шаг.

– Руки вверх! Стоять! Стрелять буду! – предупреждение прозвучало серьёзно.

Но странный ночной гость не внял. Теперь он почти бежал к нам: расстояние мигом сократилось вполовину.

Грохот выстрела распугал тишину. Лейтенант выстрелил в воздух и теперь опускал пистолет, выцеливая надвигающегося маньяка. В том, что это был именно он, лично я не сомневался.

Тень приблизилась к нам почти вплотную. Уже можно было понять, как огромен этот человек.

– Стреляю на поражение! – буднично предупредил участковый.

Наш визитёр сделал ещё шаг...

Опять выстрел. Второй. Третий.

Тень дёрнулась три раза. Раздался звериный рык, переходящий в протяжный вой, наполненный болью. Тёмный силуэт покачнулся и... исчез!

Совсем исчез! Только что стоял перед нами, завывая, качаясь и готовясь упасть – и в следующее мгновение растаял.

Мы с лейтенантом синхронно открыли рты и переглянулись.

– Ты видел? – на всякий случай спросил я.

– Видел! – подтвердил Семён, – Может, упал?

Я пожал плечами:

– Надеюсь. Пошли, посмотрим?

Не пряча оружие, лейтенант осторожно приблизился к тому месту, где только что стоял незнакомец. Мы с Оксаной остались на месте.

– Нет здесь никого! – констатировал участковый, посветив фонариком под ноги, – Но трава примята, стоял кто-то.

– Куда он делся? – прекратив всхлипывать, дрожащим голосом спросила Оксана.

– Понятия не имею! – мрачно ответил лейтенант.

Я почувствовал, как по моей спине прохаживается жуть:

– Семён, мы ведь оба видели, как он исчез?

Участковый присел и потрогал руками траву:

– Видели, – пробурчал снизу.

Я подошёл и присел рядом:

– Слушай, я никогда не верил во всякую чертовщину, но теперь, кажется, готов поверить...

– Ага. Особенно, если вспомнить то, что рассказывала Оксана о случае на озере. Как кто-то молотил снизу в днище лодки. Мы тогда решили, что это ей со страху показалось... Похоже, и не показалось вовсе, – задумчиво произнёс участковый.

– Семён, надо ехать к Антону! – напомнил я.

– Да-да, конечно, поехали к Тошке скорее! – подхватила сзади Оксана.

Мы побежали к машине.

Антон Иваныча мы обнаружили совсем рядом: и километра не проехали. Бегло осмотрев его, я понял, что дело плохо: открытая черепно – мозговая травма, вероятно повреждён позвоночник, сломаны обе руки и, кажется, левое бедро. Кроме того, очень беспокоило хрипящее дыхание Антона: что-то мешало воздуху свободно проходить в дыхательные пути.

– Что делать будем, Палыч? – нетерпеливо спросил лейтенант, подсвечивая мне фонарём.

– Он нетранспортабелен! – констатировал я, – По крайней мере, в твоей машине мы его не повезём. И в нашей, больничной – тоже: до ЦРБ не довезём – растрясёт. Да и ничем ему там не помогут: тут нейрохирурги нужны, а они – только в области.

Оксана в сторонке тихонько завывала.

– Тихо! – прикрикнул на неё Семён и вновь повернулся ко мне, – Так что? Выход же должен быть какой-то?!

– Единственный вариант – вызвать санавиацию из области. Загрузим в вертолёт и через час, максимум, Антон уже будет на операционном столе, – предложил я, – У тебя же есть рация в машине?

Лейтенант кивнул и потянул меня за собой:

– Пошли! Я свяжусь с Нероградом, а ты объяснишь ситуацию.

Уже через несколько минут всё было улажено. К нам из областной больницы вылетела реанимационная бригада. По моим прикидкам, здесь вертолёт должен был быть минут через тридцать – сорок.

– Семён, надо бы костёр разжечь. И побольше! – заявил я.

Участковый удивлённо посмотрел на меня:

– Зачем это?

– Темно ведь, не зги не видно! Как нас тут найдут-то? Ориентир нужен, – пояснил я.

– Точно! – хлопнул себя по лбу лейтенант, – Вот что, Палыч, ты тут с Антоном оставайся, а мы с Оксаной пойдём костёр организуем.

– погоди! – остановил я его, – Иваныч дышит плохо. Если вдруг перестанет, я ничего сделать не смогу. Надо бы его перевернуть.

– А разве можно? – с сомнением протянул Семён.

– Вообще-то, нет. Но в данном случае – можно и нужно. Переворачивать будем все вместе: так, чтобы части тела не смещались относительно друг друга. Понятно?

– Примерно. Будешь руководить процессом! – принялся действовать Семён, – Ксюха, хватит рыдать, этим не поможешь! Иди сюда, Антона надо перевернуть.

Она робко подошла, всхлипывая.

– Оксана, вы беритесь за ноги. Семён, на тебе – туловище. Я буду фиксировать голову и плечи. Сначала поворачиваем его на правый бок. По команде, все вместе. Потом – на спину. Опять же, все вместе. Это главное: чтобы все вместе! Ясно? – попытался объяснить я.

Они покивали и что-то промычали.

– Отлично. Беритесь. На счёт «три» поворачиваем его на правый бок. Вот на этот, – на всякий случай я показал.

Мои помощники ухватились за вверенные им части тела.

– Раз! Два! Три! – скомандовал я.

Мгновение – и пострадавший лежит на боку. Заботливо придерживая голову и плечи, я оценил результат: отлично, смещений, вроде, не было.

– Продолжаем! Перехватитесь удобнее – и на спину. Тоже на счёт «три»!

Перевернули, наконец. Теперь Антон Иваныч лежал лицом вверх. Всё его лицо было залито кровью.

– Тошка! Господи, да за что же..! – тихонько заскулила Оксана.

Я осторожно потрогал шею Антона. Кажется, мои наихудшие подозрения оправдались: перелом хрящей гортани!

– Вот чёрт! – не сдержался я.

– Ты чего? – прошипел на ухо лейтенант.

– Семён, ты можешь связаться с нашей больницей? В приёмном есть рация.

– Могу, конечно! А зачем?

– Мне нужны инструменты. Причём срочно. Антону трахеостомию делать надо.

– Чего?!

– Дырку в трахее. А в неё – трубку поставить. Чтобы дышал свободно, – как мог, объяснил я, – Свяжись с моими и скажи, чтобы с машиной передали «дежурный чемоданчик». Там набор есть. Всё понял?

– Есть! – отрапортовал Семён и метнулся к «УАЗику». Но через пару минут вернулся, удручённый.

– Ну?

– Не получится. Кешку найти не могут, а кроме него никто машину не водит. Да и ключи у него, – пояснил лейтенант.

– Хреново... – констатировал я.

Будто соглашаясь со мной, Антон захрипел громче и чаще. Тональность хрипа изменилась: он всё больше и больше походил на свист. А это могло означать лишь одно: просвет повреждённой гортани неумолимо сужался из-за её нарастающего отёка. И вот-вот закроется совсем, полностью прекратив доступ воздуха в лёгкие. Времени почти не оставалось!

– Семён, срочно нужен нож! Очень острый. И трубка, с полсантиметра в диаметре и длиной пять – десять сантиметров! – озадачил я лейтенанта.

Он понял всё с полуслова, кивнул и опять побежал к машине. Почти сразу же вернулся:

– Этот подойдёт?

На раскрытой ладони лежал большой сапожный нож: просто заточенная с одной стороны под острым углом металлическая полоса. Рукоять импровизированного ножа была довольно небрежно обмотана изолентой. Выглядела вся конструкция необычайно острой.

– Подойдёт! А трубка?

Семён развёл руками:

– Трубку не нашёл.

Я на секунду задумался. И меня осенило:

– У тебя ручка есть? Обычная, шариковая? Пластмассовая?

– Есть.

– Развинти на половинки, от длинной отрежь кончик. Ну, тот, из которого стержень выглядывает! Получится трубка.

– Точно! – в считанные секунды лейтенант справился с задачей и протянул мне искомую трубку.

– Подержи пока. Подашь, когда скажу, – пробормотал я, нащупывая пальцами на шее Антона нужную точку.

Ага, вот тут! Я нацелился ножом...

– Он же грязный! Нож! – прошипел под руку Семён.

– Не до жиру! Времени нет! – огрызнулся я и сделал разрез.

Где-то сзади заскулила Оксана. Уже не обращая внимания на посторонние шумы, я углубил разрез, рассекая теперь хрящевые кольца трахеи. В глубине раны кровь запузырилась: Антон как раз выдохнул.

– Трубку! – не глядя, я протянул свободную руку.

– Есть, – прошептал лейтенант и ткнул мне в ладонь бывшую ручку.

Я аккуратно вставил трубку в разрез. С очередным выдохом Антона из неё фонтанчиком вылетели кровавые брызги. И тут же надсадный хрип прекратился.

Антон Иваныч теперь дышал спокойно и почти неслышно. С облегчением вздохнул и я: до сего времени трахеостомию я делал только на несчастных собачках в студенческом хирургическом обществе.

– Тошка, ты живой?! Доктор, почему он не дышит?! – сзади на меня навалилась Оксана.

– Да дышит он, дышит! Просто не хрипит больше. Всё в порядке! – успокоил её я.

– Ну, Палыч, ты даёшь! Сапожным ножом – по горлу! Да про тебя у нас легенды слагать будут! – восторженно шепнул мне на ухо Семён.

– Да ладно тебе! – смутился я, – Иди, лучше, костёр разжигай. Только теперь тебе одному придётся: Оксану я здесь задействую. Трубку-то зафиксировать нечем. Будет держать.

– Буду, буду! – улыбнувшись сквозь слёзы, всхлипнула женщина.

29 сентября, Кобельки, 21—58

На несколько мгновений *Он* даже потерял сознание: такая боль пронзила его. Трижды: два раза в груди и один раз – в животе. Как раз там, куда попали пули проклятого милиционера.

Пули поразили его временное тело, вылепленное на этот раз из воздуха. Странно, до этого времени *Он* считал, что его фантомы неуязвимы. Собственно, так оно и было: его новое тело не получило никаких повреждений. И не почувствовало ничего.

Вся боль досталась телу постоянному. Застонав, *Он* приподнял майку и внимательно осмотрел живот и грудь: ничего. Никаких следов от пуль. Только боль: невероятная, затмевающая сознание, чудовищная боль!

Это было очень неприятным открытием: оказывается, его тело чувствует боль, причиняемую фантому. И не просто чувствует, а ещё и реагирует на неё так, как реагировало бы на реальные ранения. Это надо учесть и впредь быть осторожнее!

Но какова дрянь! Второй раз *Он* пытается добраться до неё – и второй раз она ускользает из-под самого носа!

– Что, опять не вышло? – *Она* вошла в комнату и строго посмотрела на него сквозь очки.

Он сжался: не от боли, нет. Слишком хорошо *Он* знал этот взгляд. И то, что за ним обычно следует.

– Меня ранили! Этот лейтенант в меня стрелял! – попробовал *Он* пожаловаться.

Она нехорошо усмехнулась:

– Да ну? Стрелял, говоришь? И что, попал?

– Попал. Больно мне! Очень больно! – заныл *Он*.

Она подошла ближе:

– Покажи!

Он послушно задрал майку:

– Вот сюда и сюда. Только... он попал в другое тело. А я – почувствовал!

– Семён тебя видел? Да что я спрашиваю, конечно видел, раз стрелял и попал! Он тебя узнал? – *Она* склонилась к самому его лицу и говорила теперь почти шёпотом.

Он прямо перед глазами видел шевелящиеся тонкие губы, время от времени прикрывающие зубы. В глаза брызнула слюна. *Он* зажмурился:

– Не знаю. Нет, кажется. Там темно было. Очень темно!

– Как же он в тебя попал, если было темно, а? Ты хоть представляешь, что будет, если участковый тебя узнал? Он один там был? – *Она* была в бешенстве.

Он втянул голову в плечи:

– Не один. Там ещё доктор был. И эта дрянь.

– И все они тебя видели?!

– Да... – прошептал *Он*.

– Где они сейчас? Ты можешь дотянуться?

– Не знаю... попробую.

Он закрыл глаза и *другим* своим взглядом потянулся сквозь ночь. Вот они! Все здесь.

– Вижу! – доложил *Он*, не открывая глаз.

– Что они делают? – её голос прозвучал где-то далеко.

– Доктор и эта... дрянь рядом с Антоном. Лейтенант костёр разжигает.

– Так там ещё и Антон был?! Он тоже тебя видел? – изумился голос.

– Нет. Он разбился. Сразу сознание потерял.

– Тебе придётся их убить. Всех. Прямо сейчас. Начни с Семёна – у него оружие. Потом – остальных. Никто не должен знать, кто ты. Мы не можем рисковать. Особенно – сейчас, когда осталось совсем немного, – её голос бросал отрывистые команды прямо в сознание.

– Я постараюсь, – прошептал *Он*.

– Не постарайся, а сделай! – прикрикнула *Она*.

– Да... сделаю!

Он затаил дыхание и принялся лепить новое тело. Прямо за спиной сидящего на корточках у разгорающегося костра лейтенанта.

Торопясь, пока тот не разогнулся, *Он* собирал воздух. Сгущая, уплотняя его до состояния видимости. Вот уже готов полупрозрачный, мягкий пока фантом. Теперь – насытить, утрамбовать воздух внутри него до плотности тела. Его тела. И свернуть новыми, сильными руками шею врагу. Который в него стрелял.

Новое тело уже почти готово. *Он* приготовился перебросить в него сознание. Пора...

29 сентября, Ноябрьский район,

22—20

Я поднялся на ноги и с наслаждением потянулся: от долгого стояния на коленях ноги затекли совершенно. Кровь, возвращаясь в освобождённые конечности, принялась колоть их сотнями маленьких иголок. Я поморщился и посмотрел на часы.

Когда же прилетит вертолёт? Пока мне удалось худо – бедно стабилизировать состояние Антона Иваныча: по крайней мере, асфиксия ему не угрожает. Но что случится через пять минут, через десять – неведомо. И что я смогу сделать тут, посреди степи, да с голыми руками? Пусть даже, вооружёнными сапожным ножом.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, я посмотрел на лейтенанта. Тот сидел поодаль от дороги на корточках над разгоревшимся костром. Огонь весело плясал, озаряя оранжевыми сполохами Семёна и кусок ночи вокруг него.

Темнота позади участкового вдруг зашевелилась и стала меняться. Я протёр глаза и всмотрелся: за спиной лейтенанта, прямо из воздуха проявлялся невнятный, полупрозрачный силуэт. Будто изображение на фотобумаге, помещённой в ванночку с проявителем. И с каждой секундой фантом приобретал всё более чёткие чертания!

Прозрачные руки потянулись к голове лейтенанта...

– Семён! Семён, сзади! – не помня себя от ужаса, заорал я. И рванул к нему.

Надо отдать должное реакции участкового: не оглядываясь, прямо с места он головой вперёд прыгнул через костёр, перекатился в кувырке с другой его стороны и вскочил на ноги уже с пистолетом в руке. Оказавшись лицом к лицу с призраком.

– Стреляй! – мне до них оставалось бежать ещё метров десять.

Но лейтенант замер. Он смотрел в прозрачное лицо фантома и медлил. Какую-то секунду...

Неведомой твари этого хватило. Глухо хохотнув, она пинком длинной ноги выбила пистолет из руки оцепеневшего Семёна. Оружие улетело далеко в темноту.

Существо медленно пошло вокруг костра. Лейтенант – тоже, но в другую сторону. Они закружили вокруг высокого пламени.

Я подлетел к твари как раз в тот момент, когда широкая полупрозрачная спина оказалась прямо передо мной, искажая, преломляя багровый свет костра. Недолго думая, я с размаху всадил в неё сапожный нож. Тот самый.

Рука вошла в странную упругую субстанцию почти по локоть. Существо взвыло басом на всю степь. И, молниеносно обернувшись, с разворота ударило меня прозрачной ручищей в грудь.

Ощущение было таким, будто в меня на полном ходу въехал облепленный подушками танк. Моментально забыв, как дышать, я улетел далеко назад, во мрак. И весьма болезненно там приземлился. К счастью, не потеряв сознания от чудовищного удара. От дороги донёсся истошный визг Оксаны.

Лейтенант, молодчина, не растерялся. Воспользовавшись тем, что внимание твари отвлеклось на мою скромную персону, он пнул ногой костёр. Горящий хворост, разбрасывая тучи искр, взметнулся в воздух и обрушился на голову фантома. Тварь тут же охватило пламя.

Жуткий, непередаваемый вой огласил степь. Прозрачное нечто кружилось в центре новообразованного костра, завывая и пытаясь сбить с себя пламя. Которое упорно не сбивалось.

И вдруг всё стихло. В какое-то мгновение тварь просто растворилась в воздухе. Головёшки, прилипшие к её голове и плечам, потеряв опору, упали на землю. Разорённый костёр неторопливо принялся затухать.

Наступившая тишина была осязаемой: будто ваты в уши натолкали. Первым её нарушил Семён:

–! Док, ты живой? Что это было?

– А я знаю? – кряхтя, я с трудом поднялся с земли.

– Это он же? Ну, которого я подстрелил?

– Похоже на то! По крайней мере, по размерам подходит. И по повадкам. Только этот прозрачный был, а тот – нет.

– Палыч, а ты знаешь, эта тварь мне кого-то напомнила... я потому и замешкался тогда с выстрелом, – задумчиво сообщил лейтенант.

– Да?! И кого же?

– Да не понял я. Лицо, понимаешь, прозрачное, черты расплываются. Но что-то знакомое, точно!

– Может, что-то из фильмов ужасов? – хмыкнул я. Постепенно ко мне возвращалось чувство реальности.

– Да ну тебя! Я серьёзно говорю: что-то знакомое, – обиделся Семён и, подхватив с земли горящую ветку, пошёл в темноту, – Надо пистолет найти.

– Ладно, не злись. Всё равно мы с тобой сейчас ничего путного не придумаем. Давай лучше костёр обратно соберём, пока совсем не угас, – предложил я и, обернувшись к дороге, крикнул, – Оксана!

– Что?

– Как там Антон?

– Так же. Дышит спокойно, я трубочку держу!

– Молодец. Держите. Скоро уже вертолёт должен прилететь!

Подтверждая мои слова, в небе послышался нарастающий рокот мотора.

30 сентября, Кобельки, участковая больница, 00—18

Лейтенант допил свой чай и вздохнул:

– Весёлый нынче денёк вышел, верно, Палыч?

– Да уж! – согласился я мрачно, – День удался. А особенно – ночь.

Мы сидели в моём рабочем кабинете уже почти час. И чаёвничали, обсуждая случившееся. Наша миссис Хадсон, она же Клавдия Петровна, едва успевала пополнять запасы кипятка и заварки. Деликатно не задавая вопросов. За что мы были премного ей благодарны.

– Знаешь, что меня интересует больше всего, Семён? – поинтересовался я.

Он уставился на меня:

– Теряюсь в догадках. Лично меня в этой истории интересует всё!

– Если эта прозрачная тварь и есть наш маньяк, то почему он набросился на тебя? Почему не на Оксану? Нелогично получается как-то.

Лейтенант задумался:

– Да, нестыковочка. Хотя... Допустим, он здраво рассудил, что из всех нас я представляю для него наибольшую опасность. Ну, хотя бы потому, что вооружён. Вот и решил сначала устранить меня, как досадную помеху, а уж потом спокойно, не торопясь, добраться до Оксаны. Резонно?

– Не совсем. Что ему мешало дождаться удобного момента, когда Оксана останется одна и завершить начатое? Почему он так спешил, вот что мне непонятно, – не согласился я, – Смотри, что получается: он преследует женщину, почти настигает. Тут, к счастью, появляемся мы с тобой. Ты стреляешь в маньяка и, похоже, ранишь его. По крайней мере, пули причинили ему сильную боль: вспомни, как он ревел тогда!

Семён кивнул.

– По идее, впервые получив такой отпор, он должен был затаиться на какое-то время, зализать раны. А вместо этого, буквально через несколько минут после ранения, тварь вновь нападает. И не на Оксану, а на тебя! К чему такая спешка? Почему он полез на рожон? Непонятно. Мне кажется, мы с тобой что-то упускаем из виду. Что-то важное, – закончил я свои дедуктивные выкладки.

Лейтенант пожал плечами:

– Возможно, упускаем. Даже наверняка. Мы ничего не знаем об убийце. Вернее – даже больше, чем ничего. То, что мы с тобой сегодня увидели и узнали, ничего не объясняет. Кроме отсутствия следов на месте преступления: если убивали эти фантомы, которые потом бесследно растворялись – понятно, почему мы не находили следов. Зато появляется один большой вопрос: убийца – он кто? Человек? Или нечто иное?

Теперь пришла моя очередь плечами пожимать:

– Семён, я не знаю. Как и ты. Могу лишь предположить: он – человек. Обладающий некими удивительными, необъяснимыми с научной точки зрения способностями. Человек, который может создавать себе двойников. Дублей. Ты Стругацких читал?

– Было дело, – кивнул лейтенант.

– «Понедельник начинается в субботу» помнишь? Там сотрудники НИИ ЧАВО себе дублей создавали. Только в книге – с мирными целями, а наш маньяк – с преступными.

– Так то ж фантастика!

– А то, что мы сегодня видели – это что?! Обычное дело для Кобельков? Пустяки, дело житейское, с кем не бывает?! – взвился я.

– Ладно, Палыч, не заводишь. Может, ты и прав. Сейчас мы всё равно этого не поймём: мало вводных. Давай лучше подумаем, что дальше делать будем? – примирительным тоном спросил Семён.

– А что делать? Оксану мы с мужем в Нероград отправили: туда, надеюсь, убийца не дотянется. Наверняка не дотянется, иначе убийства не ограничивались бы только здешними местами. Значит, у маньяка есть какой-то лимит по расстоянию до цели. Уже хорошо.

– Угу, – лейтенант приканчивал очередную чашку чая.

– Далее: я, как и планировали, проверю архивы. Если выяснится, что все убитые наблюдались у Марии Глебовны, придётся установить за ней наблюдение. Возможно, она нас выведет на убийцу. Кстати, теперь-то мы знаем точно, что она не убивала. По крайней мере, лично.

– Точно! – опять согласился Семён.

– Идём дальше. Надо будет срочно поднять списки всех беременных в окрестных сёлах... ну, в радиусе поражения нашего маньяка. И взять их под охрану.

– Сдурел?! – лейтенант поперхнулся чаем, – Где я тебе столько народу возьму? Ты хоть представляешь, сколько в округе может быть беременных?!

– С трудом, – честно признался я, – Но другого способа обезопасить их, пока ты не поймаешь убийцу, я не вижу.

– Пока *мы* не поймаем! – вредно поправил меня участковый.

– Мы, так мы, – не стал возражать я. Чего уж греха таить, заинтересованность лейтенанта во мне, как в носителе интеллектуального начала, мне льстила.

– Пальч, пошли спать! – неожиданно прервал мои разглагольствования Семён, – Утро вечера мудренее. У меня мозги уже отключились.

Я прислушался к себе – и понял, как смертельно устал:

– Пошли. Я тоже уже в кому впадаю.

Проводив лейтенанта до машины, я побрёл в свою «квартиру». Улыбаясь в предвкушении встречи с Алей.

Но её дома не оказалось. В растерянности я стоял над заправленной кроватью и чувствовал, как в душу проворно вползает пустота.

Не позволяя ей заползти целиком, я выскочил в коридор и устремился в приёмное отделение.

Клавдия Петровна усердно и неторопливо крутила из нарезанных бинтов марлевые шарики. На столе перед ней накопилась уже изрядная куча.

– Клавдия Петровна, вы Алю не видели? – спросил я, стараясь быть спокойным. Получалось с трудом и неубедительно.

– Аленьку-то? Видела, как же! Она минут пять, как вышла...

– Куда вышла?! С кем?! – моё показное спокойствие как рукой сняло.

– Одна, конечно. На крыльцо. Наверное, просто воздухом подышать...

Не дослушав фельдшерицу, я выскочил на крыльцо. Снаружи никого не было. Вряд ли Аля вышла подышать воздухом: было довольно холодно, да ещё и ливень зарядил. Почти летний, с крупными, увесистыми каплями. Вот только холодный.

– Аля! – негромко позвал я и огляделся.

Никто не отозвался. Глаза уже привыкли к темноте и я увидел вдалеке светлое пятно, удаляющееся в сторону леса.

– Аля! – позвал я уже громче и устремился за ней.

Далёкий силуэт не приближался, несмотря на то, что я почти бежал. Правда, бежать по скользкой старой траве было весьма затруднительно: ноги разъезжались, я то и дело поскальзывался, а несколько раз – и вовсе падал. Но упрямо поднимался на ноги и продолжал погоню за светлым пятном в ночи.

Девушка вошла в лес. По моей спине опять пробежался холодок страха: куда же она одна, да в такое время! Я ещё ускорился.

В лесу темень стояла несусветная. Сердце моё упало: я вертел головой во все стороны, но не видел в темноте ни малейшего просвета. Аля исчезла!

– Аля! – уже во всё горло крикнул я.

Бесполезно! Шум дождя перекрывал все остальные звуки. По какому-то наитию, я помчался вперёд. Уворачиваясь от бегущих навстречу деревьев и прислушиваясь к ночи.

Несколько минут я нёсся по спящему лесу. Куда – я не знал. Зато знал, зачем. Вернее – за кем. Где то там, в большом тёмном лесу, была моя Аля. Одна.

Деревья вдруг расступились, выпуская меня на большую поляну. И я увидел.

Она кружилась в самом центре поляны. Раскинув руки, запрокинув голову и подставив лицо дождю, Аля танцевала под ним. В ритме капель, покидающих небо. Под музыку осени.

Я тоже услышал её. Любуясь тонкой танцующей фигуркой, я вдруг понял, что шум капель давно уже слился в странную, чарующую музыку. Которая заполнила собой всё: тёмный уснувший лес, плачущее небо, умирающую траву под ногами... И моё сознание.

Я стоял, слушал и смотрел. Аля кружилась в своём странном танце и временами мне казалось, что она взлетает, отрывается от земли, перепархивает с места на место, словно огромная бабочка.

Я смотрел – и боялся, что музыка стихнет, и танец закончится. Будто восьмиклассник, впервые набравшийся смелости пригласить на танец предмет своих мечтаний – и теперь с трепетом ожидающий окончания песни.

Боялся – и в то же время желал этого.

Потому что Аля сейчас была не со мной. И не здесь. Она танцевала в своём, неведомом и недоступном мне мире. Далёком и совершенно чужом. Понимание этого настигло меня сразу же, едва я увидел кружащуюся в дожде фигурку.

Да – не со мной. Да – не здесь. Да – чужая...

Но, Господи, как же это было красиво!

Я стоял и смотрел. Понимая, что ничего, более прекрасного, я никогда не видел и не увижу...

Спустя вечность дождь кончился. И, вместе с ним, стихла волшебная музыка.

Аля подошла ко мне и обняла за шею:

– Спасибо, что не остановил меня, Кот!

– Ты видела меня?

– Я танцевала для тебя.

– Это было красиво. Очень красиво.

– Да. Я знаю.

– Ты замёрзла, наверное? – я стащил с себя куртку и укутал Алю.

– Не замёрзла. Но всё равно, спасибо. Ты её согрел. Я люблю твоё тепло, – улыбнулась она.

– Не уходи больше так, Кошка! – попросил я её.

– Как?

– Так... внезапно.

– Не буду, – серьёзно пообещала она, – Пошли домой?

– Пошли.

Не торопясь, обнявшись, мы побрели по мокрому ночному лесу. Домой.

30 сентября, Кобельки, участковая больница, 03—25

Аля уснула, уютно устроившись головкой на моём плече. Я слушал её спокойное, немного посапывающее дыхание, перебирал рыжие волосы и смотрел в потолок. Не спалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.